

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**«ЛИТЕРАТУРА ТОГДА
ЧЕГО-ТО СТОИТ,
КОГДА НЕ НА ПОВОДУ
ИДЕТ, А СОЗДАЕТСЯ
НАПЕРЕКОР».**

**(См. интервью с Василием
Быковым «60 лет спустя»)**

№8
2002

ISSN 0234-8284

9 770234 828008

Журнал «Посев» Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

103051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор

А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора

В.Ж. Цветков

Ответственный редактор

С.В. Николаев

Ответственный секретарь

Г.В. Кокушко

Редакционная коллегия:

К.М. Александров, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, А.Б. Горянин, В.Э. Долгин, Е.И. Древинский, А.Б. Зубов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, М.В. Славинский, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

103031 Москва, К-31,

Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,

Александру Юрьевичу Штамм

Телефон/Факс в Москве:

(095) 925-92-48,

в С.-Петербурге:

(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru;

Изменился e-mail: shtamm@mail.wplus.net

+ Web-версия журнала:

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:

Possev, Flurscheideweg 15,

D-65936, Frankfurt a. M., Germany

Tel. **34-7355**; Fax **34-3841**.

<http://home.t-online.de/home/posev-ffm/posev.htm>

E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 11.11.1993 г.

Свидетельство о регистрации № 011048

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление

С.А. Стулов

Корректор

С.П. Ткаченко

Редактор по электронной обработке

А.Н. Моренко

Технический редактор

Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 8 (1499) август 2002 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

- Б. Пушкарёв** Эмиграция и революция **2**
А. Зубов 1991-2002: победы и поражения **6**
А. Штамм Трудности, вызовы и роль
Союза **8**
К. Александров Русская молодежь о
гражданской войне **10**
С. Маркедонов Где заканчивается
вертикаль **13**

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

- В. Быков – В. Оскоцкий** Шестьдесят лет
спустя **15**
Интервью с председателем РХДП, депута-
том ГД Александром Чуевым **21**
Ю. Каграманов Троцкий: «живее всех
живых?..» **25**
А. Деркач Европейский выбор Украины **28**

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

- Кирилл Фотиев** О персонализме **30**

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

- Р. Полчанинов** Борис Борисович Мартино . **32**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

- Арх. Августин (Никитин)** «... Все тонет в
фарисействе...» **37**
И. Шауб «Черный квадрат» – «икона»
авангарда **43**

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

- Памяти Александра Гинзбурга **46**
«Светлой памяти Алика» **47**
В. Сендеров Принадлежит истории **47**

Борис Пушкарев

ЭМИГРАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ*

Когда «черные списки» КГБ утратили силу и я в марте 1992 г. приехал в Россию из эмиграции, меня более всего поразило, сколь многие августовскую революцию 1991 г. восприняли как неожиданность. «Как же, – недоумевал я, – самое долгожданное событие XX века, и вдруг – неожиданно?»

Чтобы объяснить слова «самое долгожданное событие XX века», надо мысленно вернуться в эмиграцию 1920 гг, жившую под впечатлением поражения в гражданской войне, но чувствовавшую себя не побежденной, а лишь отступившей за рубеж. «Мы не в изгнании, мы в послании». Немногие эмигранты – около 16% – согласились «вернуться на Родину» на советских условиях. Большинство сохранило непримиримость. Или пассивную, по совету Бунина: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду», или активную, стремясь продолжать борьбу. Вопрос только – как? Ответ зависел от представления о том, каким образом рухнет коммунизм.

В 1920 гг было два таких представления. Левые круги эмиграции, от Милюкова до меньшевиков, делали ставку на «эволюцию» советской власти, на то, что должен же когда-то, по примеру французской революции, наступить Термидор! Справа им генерал Врангель возражал, что эта власть эволюционировать не способна, а может только загнивать. Врангель умер в 1928 г., возможно, не доведя свою мысль до конца. Но созданный им в 1924 г. Русский Общевоинский Союз – РОВС, насчитывавший до 40 тыс. членов в трех десятках стран, строился не как объединение ветеранов, а как армия в гражданской одежде в ожидании «весеннего похода». То есть, фактически, иностранной интервенции.

Следует оговориться, что РОВС пробовал совершать террористические акты на территории СССР, чтобы развеять миф о всемогуществе ГПУ (один из них удался) и, по-видимому, наводил контакты в высшем командовании Красной армии. Но из-за советских контрмер эти действия развития не получали. Как известно, два (а быть может, и три, если учесть подозрительные обстоятельства смерти самого Врангеля) возглавители РОВС были чекистами убиты. Фактически эмигрантам предлагалась только одна перспектива: сидеть на чемоданах и ждать. Ждать или эволюции советской власти, или новой войны.

Такая перспектива не увлекла активную, нетерпеливую молодежь. Она с презрением смотрела и на левых политиков старшего поколения, проигравших Россию большевикам в революцию, и на политически безграмотных, по ее мнению, белых офицеров, не сумевших сплотить народ в гражданской войне. Выход на арену нового поколения эмиграции – тех, кому в 1917 г. было от 5 до 20 лет, и потому не несших ответственности за происшедшую катастрофу, произошел около 1930 г. и совпал с двумя событиями в мире: с «великим переломом» в СССР и экономическим кризисом на Западе.

Коллективизация и индустриализация в СССР были последними революционными актами советской власти, которая с тех пор сделалась охранительной. Перемены же в стране зашли так далеко, что ни о какой реставрации, ни о каком возврате к прошлому речь уже идти не могла. Потому и логично стало говорить: не контрреволюция, а новая революция! И не назад к капитализму, поскольку кризис на Западе демонстрирует, куда ведет капитализм, а вперед, к какому-то новому строю, совмещающему положительные черты капитализма и социализма. И не назад к парламентской демократии, партийная грызня в которой ведет ее к саморазвалу, а вперед, к какому-то новому строю, с беспартийным, деловым представительством.

Эти идеи были характерны для группировок нового поколения, известных как «пореволюционные», в отличие от дореволюционных, таких как меньшевики, эсеры, кадеты и монархисты. В пореволюционный спектр входили «новоградцы», «утвержденцы» (их можно назвать христианскими социалистами), младороссы (выдвинувшие лозунг «Царь и советы»), члены Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТС), известные тогда как новопоколенцы, позже как солидаристы) и, наконец, многочисленные русские фашисты. Следует отметить, что русский фашизм того времени с лозунгом «Бог, нация, труд» был далек от изуверства гитлеризма и был, в какой-то мере, данью политической конъюнктуре. Общей для всех пореволюционных движений была идея **национальной революции**. Термин ведет свою русскую родословную из сборника «Вехи» 1909 г., где он противопоставлен революции социалистической. Такая революция означала свержение коммунистической власти внутренними силами народа, при идейной и организационной поддержке из эмиграции.

После начала войны в 1941 г. в эмиграции на время вновь вспыхнула надежда на эволюцию советской власти, особенно когда Сталин восстановил и патриаршество, и погоны. Своеобразно воплотилась и мечта о «весеннем походе» в виде русского Охранного корпуса на Балканах. Через него прошло до 17 тыс. эмигрантов-добровольцев, но Гитлер их в Россию не пустил, а использовал в борьбе против партизан Тито в Югославии. Одновременно русская молодежь во Франции и других странах пополнила ряды Сопротивления, само название которого придумал 33-летний Борис Вильде, позже расстрелянный нацистами. Ураган II мировой вскоре смел с лица земли большинство русских политических организаций, как дореволюционных, так и пореволюционных.

Из последних уцелел один НТС, бросившийся в центр этого урагана, чтобы активно включиться в события на родине. Понеся серьезные потери от нацистов и от большевиков, НТС тем не менее вышел из войны значительно пополненный бывшими советскими гражданами. Но большинство из них не представляло себе возможности революции в тоталитарных условиях. К

*Доклад на конференции «Русское зарубежье» в Новом гуманитарном университете Н. Нестеровой в январе 2002 г.

тому же II эмиграция в целом, подавленная сталинскими победами и насильственной репатриацией, ждавшая, что советские войска вот-вот двинутся к Ла-Маншу была одержима идеей: скорее за океан! Можно в Марокко, но лучше в Канаду, Аргентину, Австралию...

В этих условиях НТС уже в 1948 г. двигает конспиративные группы навстречу Советской армии – в Берлин: распространяет там листовки, завязывает контакты. Чтобы преодолеть психологический барьер «невозможности» революции, В.Д. Поремский в 1948 г. пишет свою «молекулярную теорию» революции в условиях тоталитарного строя. Суть ее в том, что в тоталитарных условиях невозможна революционная организация традиционного типа, но возможна предельно упрощенная организация: множество малых групп по 2-3 человека. Они ни в коем случае не должны быть связаны между собой, но могут получать массовую, безадресную информацию от зарубежного центра по радио и в виде листовок, и сигнализировать друг другу о своем существовании, тоже безадресно, условным знаком. Зарубежный центр разрушает монополию КПСС на информацию, а знак, рисуемый на стенах и вагонах, дает знать о наличии анонимных единомышленников, создает чувство локтя. Создается обстановка «перенасыщенного раствора», в которой возможны взрывообразные явления.

Теория Поремского не осталась на бумаге – была создана стандартная листовка-«штамп», против чего, за что и как бороться, осенью 1950 г. начала передачи самодельная передвижная радиостанция «Свободная Россия», в 1951 г. была отработана система огромных воздушных шаров, сбрасывающих листовки. Их запуск был запрещен в 1957 г. американцами, опасавшимися за свои разведывательные самолеты, летавшие на той же высоте. Помимо анонимных «молекул», теория предусматривала и «каркас» из групп, находящихся в двусторонней связи с центром. Для этого НТС в 1952-53 гг. забросил, с помощью американцев, 13 своих людей в СССР на парашютах. Четверо из них были расстреляны в Москве в мае 1953 г. Заброска была прекращена; остальных КГБ разыскивал до 1960 г.

Сохранились свидетельства о ряде групп НТС, возникших на основе передач «Свободной России» и листовок. Чтобы дать более ощутимый результат, «молекулярная теория», конечно, требовала технических средств в масштабах, в которых ни одно западное правительство их предоставить НТС не было готово. Вместо этого они стали развивать свои радиостанции: с 1947 г. начались русские передачи «Голоса Америки», с 1953 г. – радио «Освобождение» (позже «Свобода»), мощность которых неоднократно усиливалась. Их примеру следовали Би-би-си, «Немецкая волна» и другие. Политическое руководство этими передачами было в руках западных правительств, но в редакциях и дикторами работали русские эмигранты (в т. ч. многие члены НТС). Без них западные «голоса» едва ли приобрели в СССР ту популярность, которой они пользовались. Задачи свержения власти западные радиостанции не ставили, но их роль в размытии тоталитарной монополии на информацию огромна.

Смерть Сталина в 1953 г. и XX съезд КПСС в 1956 г. открыли более непосредственные пути преодоления «железного занавеса», чем воздушные шары и парашюты. Выезд советских делегаций на Запад сделал воз-

можными личные встречи и передачу из рук в руки уже не листовок, а книг и журналов – таких как издававшийся НТС «Наши Дни», «Грани», «Посев». Соответственно меняется и представление о революции. Она уже не видится обязательно в виде вооруженного восстания – хотя именно эту форму приняли события в Восточной Германии в июне 1953, в Венгрии в октябре 1956 и в сталинских лагерях в послевоенное десятилетие. Возникает перспектива постепенного размытия тоталитарной диктатуры и бескровного ее конца. Совет НТС, собравшись в июле 1956 г. в Кидрихе-на-Рейне, в одной из своих наиболее дальновидных резолюций писал:

«Главное решение XX съезда – попытка опереться в борьбе за сохранение коммунистической диктатуры на правящий слой ... Но правящий слой по мере привлечения его к соучастию во власти и по мере дальнейшего своего расширения сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно раскроет его. Одна его часть будет ... добиваться от власти еще больших гарантий и привилегий для себя, ... другая часть будет добиваться реформ...[вплоть до] коренных, последовательных изменений, ведущих к правовому строю эволюционным путем. Это течение, по мере нарастания революционной ситуации, объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели».

В свете новой обстановки обсуждались разные варианты событий, в частности, выдвинутая Е.Р. Островским мысль о «революции из кабинета секретаря обкома». Развивая эту мысль, я тогда писал:

«Противоречие между целями и практикой советского строя открывает единственные в своем роде возможности выступать против существующей практики во имя обещанных целей и этим подрывать диктатуру. [Налицо и] глубинное противоречие между принципом внешнего тоталитарного контроля и стихийностью творческих сил жизни. Усиление контроля приводит к застою контролируемых сфер жизни и грозит их параличом. Поскольку такой паралич не в интересах власти, сама же власть вынуждена в конце концов уступить требованиям жизни».

Таким образом <...> ревизионистская тактика оппозиции заложена в самой природе данной диктатуры, она естественно к ней подходит. <...> Ревизионист находится в аппарате власти. Он обладает долей власти, у него есть доступ к информации и средствам. У него есть возможности, которых нет у простого смертного, болезненно ощущающего тот факт, что у него голые руки. Он уже сидит в кабинете секретаря обкома, ему его не нужно захватывать, да еще захватывать без оружия и настоящей организации». («Посев» № 681, май 1959).

Но до реализации всего этого оставалось еще три десятилетия. НТС же вслед за XX съездом КПСС предпринял 3 шага.

1) Осенью 1956 г. журнал «Грани» (в № 31) публикует Обращение издательства «Посев» «к деятелям литературы, искусства и науки поработенной России, не могущим опубликовать свои труды из-за партийной цензуры». Обращение предлагало публиковать их за границей в «Посеве» сохраняя, если надо, тайну авторства, и указывало пути передачи. Обращение возымело действие не сразу, а примерно через 4 года, когда были налажены каналы передачи, но именно оно положило начало «тамиздату».

2) В апреле 1957 г. по инициативе НТС в Гааге собрался «Конгресс за права и свободу в России», интересный по форме и по существу. По форме, после неудачных попыток американцев объединить эмиграцию в начале 1950 г., он был ее последним совместным действием. Под эгидой НТС в нем участвовало 8 организаций. По существу, 130 выдвинутых им «частичных требований», каждое из которых в отдельности нельзя считать анти-советским, но выполнение их в совокупности означало бы конец советского режима. Конгресс предвосхитил тактику позднейшего правозащитного движения.

3) В январе 1958 г. в баварском городке Лоре Совет НТС принял так называемые «Лорские решения»: «*Очередной задачей на ближайшие 2-3 года Совет Союза считает создание на территории России организационных предпосылок для открытых выступлений против власти под знаменем НТС*». Как известно, открытые выступления начались лишь 8 лет спустя и не под знаменем НТС, но организационные предпосылки для связи зарубежья со страной созданы были. С 1960 г. начинаются регулярные поездки в СССР под видом туристов специально подготовленных курьеров НТС, так называемых «орлов». Чтобы не вызывать подозрений КГБ, к этим поездкам привлекаются главным образом молодые иностранцы. Они были родом из 15 стран и даже не всегда знали русский язык. Эти молодые люди в своих странах создавали как бы «лобби» российского сопротивления, выступали в защиту политзаключенных, доказывали не только желательность, но и возможность крушения коммунизма. Главная же их заслуга в том, что они сделали «тамиздат» возможным, вывезя на себе за 30 лет около 2000 рукописей и документов.

С 1963 по 1989 г. «Посев» выпустил около 160 наименований книг авторов из России, в том числе собрание сочинений А.И. Солженицына (1973 г.), 2 книги А.Д. Сахарова, полный текст «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова с выделением фрагментов, опущенных цензурой, 4 книги Л.А. Бородина, 3 книги Г.Н. Владимова, произведения А.Т. Гладилина, В.С. Гроссмана, А.В. Кузнецова, В.П. Некрасова, В.А. Сосноры, сборники стихотворений Беллы Ахмадулиной, Александра Галича, Наума Коржавина, Булата Окуджавы и других. Кроме того, множество произведений авторов из России появилось в «Гранях» и в специальных изданиях, посвященных самиздату, таких как «Вольное Слово». Публиковал «Посев» и «Хронику текущих событий», и рукописные журналы «Феникс», «Синтаксис». Со временем сбор и публикацию самиздата переняло радио «Свобода». Публикацией же книг непубликуемых в СССР авторов потом, по примеру «Посева», занялись и другие издательства: «ОРИ» в Лондоне, «УМСА-Пресс» в Париже, «Фонд Герцена» в Голландии.

Следует признать, что в СССР термин «революция», будь то «национальная» или «народно-освободительная», не всегда воспринимался положительно. В документе «Стратегические проблемы...» (1972) Р.Н. Редлих вынужден был писать: «*Понятие революции используется для обвинения нас в стремлении к террору, гражданской войне и пролитии крови. Это обвинение недобросовестно. Революция для нас ... понятие, означающее ... полное и окончательное преодоление социализма того вида, в котором он построен Сталиным*». Рассеивая иллюзии об эволюции, Редлих указывал, что если

режим станет сам себя исправлять, он неизбежно рухнет: «*к обвалу и надо готовиться*».

Тем временем рост независимого общественного движения в СССР был бурным. Контакттировать со всеми НТС был не в силах и в 1972 г. передал ряд функций новосозданному Международному обществу прав человека, которое возглавил И.И. Агрузов, ранее ведавший курьерами НТС в Советский Союз. После подписания Хельсинкских соглашений в 1975 г. защита прав человека была поднята на правительственный уровень. НТС же сосредоточился на отстройке собственной подпольной организации в России. В заявлении «О согласовании усилий...» Совет НТС в 1978 г. писал: «*Конструктивные силы в правящем слое не смогут провести необходимые реформы, если они не будут искать поддержки независимой общественности и подпольного политического движения. Независимая общественность и подпольное политическое движение не достигнут ... своих целей, если не окажут поддержку конструктивным силам в правящем слое. Во взаимодействии этих сил – ключ к освобождению и сохранению России*».

В который раз заявление предсказало развитие событий на годы вперед. Реформаторы в правительстве Горбачева и быстро возникшие общественные организации, «клубы перестройки», позже массовые народные демонстрации взаимно поддерживали друг друга. Ельцин был избран президентом РСФСР на волне народной поддержки, и та же волна удержала его у власти в дни путча ГКЧП. Одна из немногих, если не единственная ходившая по рукам в толпе москвичей и среди военнослужащих в те дни была листовка НТС «*...Российского президента надо поддерживать во всех его начинаниях*». Текст этой листовки передал по факсу из Франкфурта в Москву председатель НТС Е.Р. Островский во второй половине дня 19 августа; за ночь она была отпечатана в количестве 30.000 экземпляров на аппарате, который незадолго до того привез из Лондона Ю.Б. Миллер. В общей сложности из 20 городов СССР поступили сообщения об участии местных групп НТС в акциях протеста против ГКЧП, в поддержку президента. Совет НТС в сентябре 1991 г. писал:

«*21 августа 1991 г. был вынесен окончательный приговор над 7 ноября 1917 г.: защитники «Белого дома», отстояв российскую власть против узурпаторов, завершили победой подвиг защитников Зимнего дворца. Однако борьба против КПСС еще не закончена. Многим партизанам удалось сохранить важные посты, возглавив сепаратизм в ряде республик. ... Бывшая номенклатура стремится занять под маркой приватизации командные высоты рыночной экономики. ...Победа еще не означает, что не будет новых попыток переворота... Только свободные выборы на всех уровнях власти могут обеспечить вытеснение номенклатуры из правящего слоя*».

Однако, вопреки позиции НТС, вовремя – осенью 1991 г. – выборов проведено не было, суд над КПСС был превращен в фарс, декоммунизации проведено не было, союзный договор, сорванный ГКЧП, подписан не был. Вместо того, чтобы закрепить таким образом позиции, Ельцин отправился учиться ... играть в теннис, а независимая общественность была от участия в событиях быстро отключена, что и привело к «новой попытке переворота» в октябре 1993 г. Далеко не первый призыв НТС к президенту – распустить Верховный Совет – «Незави-

сидимая газета» опубликовала за несколько часов до Указа 1400 об этом роспуске. После октябрьских событий в заявлении «Падение советской власти» НТС писал: *«Президент много раз отступал и искал компромиссов ... Он позиция реформам сама себя разоблачила, предприняв попытку вооруженного переворота 3-4 октября. Лишь это вынудило президента принять решительные меры. ...Мы приветствуем тот факт, что сделано это было без оглядки на советскую конституцию. Вести преемственность новой России от нее было бы абсурдом».*

Декабрьскую конституцию 1993 г. НТС, естественно, поддержал. Что же касается начатых в январе 1992 г. реформ, то НТС еще осенью 1981 г. в Асиломаре, в Калифорнии на ежегодной конференции Американской ассоциации поощрения славяноведения провел семинар по переходу от директивной к рыночной экономике. Его помог устроить возглавлявший тогда ассоциацию А.Д. Даллин, от НТС выступали Н.И. Елагин (покинувший СССР в 1977 г), А.Н. Малышев из университета Колорадо и я. Увы, мало кого из «практичных» американцев этот «гипотетический» вопрос тогда заинтересовал. В апреле 1982 г. «Посев» опубликовал документ «Основы обновления народного хозяйства», доказывавший необходимость перехода к рыночным ценам и одновременного введения соответственных институтов – банковских, налоговых, правовых. Документ предупреждал и об опасности спада производства в ходе реформы. Через 5 лет после Асиломара в августе 1986 г. состоялось совещание молодых экономистов-рыночников (Е. Гайдара, А. Чубайса и др.) на Змеиной горке под Ленинградом, но инициаторы этих двух начинаний ничего друг о друге не знали. Впрочем, реформы 1990 гг проводились не в рамках чьего-либо плана, а в обстановке обвала экономики и борьбы за собственность, что и отложило на них свой отпечаток.

Августовскую революцию 1991 г. позже стали называть номенклатурной и криминальной, и эти аспекты впрямь у нее были. Но была ли она и революцией национальной? Той, которую видела эмигрантская молодежь 1930 гг? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к документу НТС «Программные положения» 1938 г. Там сказано: *«Национальная революция несет:*

1. *Свержение коммунистической власти, режима террора, произвола и нищеты.*
2. *Возвращение стране исторического имени «Россия».*
3. *Защиту территориального единства Российского Государства и неприкосновенности границ.*
4. *Свободу народов России и их право на национально-культурную самобытность.*
5. *Освобождение заключенных в концлагерях и тюрьмах.*
6. *Установление свободы вероисповедания, политических свобод, твердой законности и равенства всех граждан перед законом.*
7. *Установление права на труд, свободы труда и равенства возможностей для всех граждан.*
8. *Установление права частной собственности, но лишь оправданной трудом и ограниченной интересами Нации и Государства.*
9. *Установление Нового Строя, основанного на началах Трудового Солидаризма, делового сотрудничества трудовых групп под верховным водительством Российской Национальной Власти.*
10. *Недопущение проявления классово-борьбы».*

Подводя итоги выполнения этих 10 пунктов, можно сказать: 1 – да; 2 – да; 3 – нет; 4.– да; 5 – да; 6 – да; 7 – отчасти; 8 – отчасти; 9 – нет; 10 – да.

Итак, получаем 6 «да», 2 «нет» и 2 «отчасти» или выполнение более чем на две трети. Причем 2 отметки «отчасти» связаны как раз с номенклатурно-криминальными аспектами событий. Удивительнее всего, конечно, то, сколь мирно – по сравнению с первыми тремя – четвертая русская революция прошла. Кстати, в стране уже на 74% городской...

Что подводит нас к последней теме – месте этой революции в истории России и мира. Новое время было свидетелем по крайней мере трех «великих» революций – английской (1649), французской (1789) и серии русских (1905-17). Каждая из них проходила своеобразно, отражая особенности времени и социального состава населения. Но есть и общие черты: во всех трех случаях был убит монарх, провозглашена республика и все три произошли, когда растущее городское население страны достигло 17-18%. Можно предположить, что все были связаны с основным глобальным процессом последних четырех веков – урбанизацией. Кстати, о 20%-ный порог урбанизации споткнулись и США в гражданской войне 1861-65 гг. Но вернемся к революциям. Все три прошли через период террора разной интенсивности, а затем через мобилизацию всех сил страны на международную экспансию.

Англия за несколько столетий создала уникальную заморскую империю, но в XX в. спокойно от нее отказалась, поскольку развитие английской революции давно приняло демократические формы. Развитие же французской революции привело к диктатуре Наполеона и его порыву к мировому господству. Порыв был подавлен военной коалицией Англии, России, Пруссии и Австрии 1815 г. По их настоянию Франция приняла конституцию. Подобным же образом Англия, США и СССР подавили в 1945 г. порыв тоталитарной Германии к мировому господству. При иностранном содействии Германия приняла конституцию 1949 г.

Русская революция вторглась в ход мировой истории более чем на три четверти века. Она прошла фазы, подобные французской. Отмену самодержавия в 1905 г., падение конституционной монархии в марте 1917 г., разгул анархии, убийство монарха, жесточайший террор и становление диктатуры, поднявшей страну на завоевание мира (вспомним брежневское о **необратимой** поступи социализма). Последствия «великого Октября» были действительно «всемирно-историческими»: II мировая война, гонка ядерных вооружений, выход в космос и установление коммунистической диктатуры над третьей частью человечества. Но... Россия дала «лагерю мира и социализма» мирно рухнуть в 1988-91 гг и сама, после 76 лет, вернулась к конституционному строю в декабре 1993 г. В отличие от Франции, весь период «от конституции до конституции» занял не 26, а 88 лет. Зато Россия от тоталитарной диктатуры и порыва к мировому господству избавилась сама, без войны и оккупации. По сравнению с тем, что могло быть, многим видится здесь и чудо, и Божье благоволение. 21 августа заслуживает того, чтобы быть **единственным** государственным праздником России.

Андрей Зубов

1991 – 2002: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Раннее утро 19 августа 1991 года. Я сажусь в электричку на платформе Радонеж, чтобы к поздней литургии успеть в мой московский храм. И как всегда в переполненном вагоне удивляет какая-то гнетущая атмосфера. Почти нет разговоров, совсем нет смеха и улыбок. Даже обычных благодушно дремлющих рабочих почти не видно. Ни праздника, ни покоя. Напряженное ожидание разлито в поезде. Из отдельных слов, реплик, оговорок понимаю, что случилось что-то ужасное. Но мысль о перевороте вовсе не приходит в голову: так свыклись мы с демократизацией, перестройкой, гласностью. Но к концу часового пути я уже знаю всё. В храме, несмотря на сияющее белизной священнических риз торжество Преображения, батюшки спрашивают меня в алтаре украдкой о том же. Что случилось, что происходит? И липкое, гадкое отчаяние пытается овладеть душой, победить веру, что, чуть дав волю, Господь не отберёт её так буднично и глупо.

Вечером на даче слушаю радио. И забытые было интонации советского агитпропа (как быстро забывается плохо!) тут же извлекают из тайников памяти чувства двадцатилетия брежневского застоя. Приходят обитатели соседних дач, с которыми до того только раскланивался на улице, и спрашивают всё о том же, спрашивают так, как будто век мы знакомы и не сомневаемся в порядочности друг друга. А потом, в какой-то момент понимаю, что сидеть в тиши Абрамцева неумоготу. И на следующее утро вновь еду в Москву.

В ночь с 20 на 21 помню жалкие, невесть из чего нагроможденные баррикады у Белого дома и почему-то флаг американских конфедератов над троллейбусом со спущенными шинами поперек Нового Арбата, и сумятицу среди людей с интеллигентными лицами, которые, как и я, не знают, что надо делать, но знают, что так вот бросить всё и уйти тоже нельзя. И слухи о бронетанковых дивизиях путчистов, входящих в Москву, о спецназовцах, по подземным тоннелям спешащих к Белому дому... Часа в три ночи я решил всё же пойти поспать, простился с другом, спустился к мосту, и вдруг прохладный западный ветерок, дующий вдоль Кутузовского проспекта, отчетливо донёс характерный гул идущей танковой колонны. И была минута, когда я понял, что бежать постыдно, а оставаться – смертельно опасно – танки раздавят нас всех. Но зачем коротал я тут ночь, чтобы уйти при первой опасности? Но что могу я поделать против танков и вооруженных десантников? Мысли, обгоняя друг друга, неслись у меня в голове. Танки на мосту так и не появились. Гул стих. Я пошел домой.

И вот прошло 11 лет с той августовской ночи, когда, сами не зная как, пришли мы защищать свободу к Белому дому. Я не обольщаюсь на свой счет и на счет воз-

можностей иных защитников. То, что над Белым домом через два дня был спущен красный большевицкий флаг и поднят стяг России, даже цвета которого были крепко забыты к этому времени большинством русских людей, – не наша заслуга и не заслуга Ельцина или кого-то из его сподвижников. Крах коммунизма, «восстановление святых», в том числе и святых национальной государственности – дар Божий, не заслуженный, не выпрошенный и не завоеванный нашим народом. Мы вполне свыклись с большевизмом, как свыклись с красным флагом и с серпастым и молоткастым гербом СССР. Мы научились жить с ним, как живут с привычным и неисцелимым недугом, а многие и недугом-то считать его перестали. Забыли, что были мы когда-то иными, и паучую стали воспринимать как свойство характера.

И всё же к августу 1991 г. большинством граждан страны, которая когда-то, во времена трехцветного флага, именовалась Россией, владели безбрежные надежды и упования. Казалось, что на полшага отстоим мы от счастливой и богатой жизни «как на Западе», что через «500 дней» будем мы нормальной европейской страной, «в которой всё для всех есть». Со всеми гнусностями большевизма, с репрессивным аппаратом КГБ, с директивами КПСС, с гонениями на веру и политическую свободу покончено теперь уже навсегда.

Понадобился распад страны на феодальные вотчины, воровская хамская «прихватизация», тяжелые, для многих полуголодные годы, опыт полной беззащитности перед бандитами всех мастей: от солнцевских братков до федеральных чиновников, унижительная слабость нашего государства и на внешней арене, и во внутренних своих делах, крах науки, деградация здоровья нации, наглость олигархов и шокирующая импульсивность властолюбца, любившего, когда зовут его «царём Борисом». Понадобилось всё это, чтобы мы мало-помалу стали понимать, в каких пучинах оказалась Россия. Где-то к 1995-98 гг в нашем обществе произошло глубокое изменение ориентаций от надежды на скорый личный и общенациональный успех к отчаянию одних и разочарованию других. Люди стали приучать себя жить в обществе, из которого изгнана нравственность, честность, порядочность.

В аскетике есть такое правило – когда новоначальный инок взбирается на небо, его за ноги надо стаскивать вниз, на землю. Нельзя позволять неумелым в духовной жизни принимать на себя трудные подвиги, доступные только совершенным. Тогда, в начале 1990-х нас тоже надо было «стаскивать за ноги», трезвить, обливать холодной водой. Именно от краха наших упований столь горько нынешнее наше разочарование. А в сущности, на чем основаны были наши надежды на ско-

рое вхождение в вождельный западный мир?

Сроднившись с большевизмом, живя по его законам, согласившись на «завоевания революции», оставив за плечами десятки миллионов погубленных жизней, почему мы считаем себя в праве рассчитывать на счастье и успех? Папа Иоанн Павел II покаялся перед греками за разгром крестоносцами Константинополя в 1204 г., а мы покалялись ли за то, что наши отцы и деды громили усадьбы, братались с врагом на фронте, убивали своих офицеров, служили в ВЧК-КГБ, доносили на соседей, выслуживали большевицкие чины, учиняли голод в Поволжье и на Украине, громили церкви, хулили Бога, глумились над историей отечества и над славными именами героев России?

Раскаяния нет – потому и счастья нет, потому нет и новой приличной жизни, что старую, позорную мы не только не возненавидели, но и постоянно вздыхаем по ней. «Как хорошо было при Брежнев, какой порядок при Андропове». И всё ясней и ясней, что 1991 г. никаким рубежом не оказался. Совдепия, формально похоронив советы, осталась Совдепией. Россией, наследницей той России, которую наши деды погубили в революцию 1917 г., мы так и не стали, несмотря на трехцветный флаг и двуглавого орла. Михалковский гимн стал всем нам напоминанием, в какой стране мы на самом деле живём. Только если раньше, при КПСС, все богатства России сжирались безумным стремлением кремлевских старцев к мировому господству, то теперь наглые комсомольские и кегебистские выдвиженцы расковыряют миллиарды долларов по собственным карманам, наплевав и на мировое господство и на народ, от имени которого управляют они страной.

Так что же, нет света в конце тоннеля и итог десятилетия тёмный и безотрадный? Нет, и ещё раз нет. Мы идём трудным путём самоосознания, и наши муки и наши слёзы послужат нам и потомкам нашим во благо, если хватит у нас сил не свернуть с этого пути, пройти его действительно «за пядью пядь».

Во-первых, наши неудачи приучают умного человека к мысли, что что-то не в порядке в самих основаниях нашего развития, и это приводит нас постепенно к пониманию необходимости поиска новых путей вне альтернативы: или воровской капитализм чубайсов и березовских, или тоталитарный большевизм зюгановых и ампиловых. Третий путь, путь обращения к преемству с исторической Россией, становится всё более актуальным. Все больше людей стараются узнать историю своих предков, всё больше организаций – начать отсчет своей истории со времен дореволюционных. Князь Горчаков, Пётр Столыпин, генерал Корнилов, последний Император и его семья становятся властителями дум в намного большем масштабе, чем вчерашние коммунистические кумиры. Даже в ФСБ, где висят портреты «товарища Дзержинского», с него

больше никто делать жизнь не желает, зато с восхищением говорят наследники Берии и Ягоды о бароне Врангеле и посещают при случае могилу Ивана Бунина на Сен Женеьев де Буа.

Во-вторых, и следа не осталось от безбожного нашего сообщества, где на молодого человека в храме смотрели как на придурка или бунтаря. Религиозность резко, скачкообразно выросла в России за прошедшее десятилетие. Число храмов и монастырей увеличилось в десятки раз – и практически все они полны. В провинции пока еще среди прихожан господствуют пожилые женщины, но в крупных городах состав молящихся на праздничном богослужении приближается к структуре населения. Укрепление веры – это тот ключ, ко-

торым сможет наше общество открыть будущее, и та путеводная нить, не выпуская из рук которой только и можно понять, что натворили мы в прошлом, и дать точную нравственную оценку делам отцов. Интерес к религиозной литературе, которая продается с лотков и на станциях московского метро, и в глухих волостях за сотни вёрст от столиц, – верный признак духовного выздоровления русского общества, хотя протекает выздоровление это далеко не гладко.

Наконец, в-третьих, предоставленные сами себе, лишённые тяжкой опеки «директивных органов», люди начинают понимать, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». С трудом, но доходит – губернаторам, президентам, олигархам мы вовсе не нужны. И люди еще очень робко, неумело начинают самоорганизовываться в хозяйственные товарищества, группы давления, свободные профсоюзы. Среди молодежи процесс этот идет много быстрее, чем среди тех, кому за сорок и у кого привычка к инициативе успел выбить и партком, и домашнее воспитание, готовившее детей к выживанию в советских условиях. Брошенные на произвол судьбы и потому свободные в выборе работы, жизни, веры – мы станем вновь из винтиков и гаек людьми.

Пока все эти процессы идут на частном, низовом уровне, но именно от корней травы начинается укрепление почвы будущей дубравы. И оглядываясь на прошедшее десятилетие, я всё более укрепляюсь в мысли, что чудо нашего преображения, знаменательно начавшееся 19 августа, продолжаете свершаться, уходя на глубину и преображая уже не столько внешние обстоятельства жизни, сколько ее глубинные основания, от которых зависит всё. А если так, то и импульс, который привел в те августовские ночи к Белому дому тысячи наивных мечтателей, был не донкихотством, но, скорее, предчувствием предопределенного России пути освобождения. Только путь этот, как и свойственно человеку, представляли мы тогда легким и коротким, не думая, сколько сапог истоптать и посохов истереть придется нам и детям нашим, пока вернемся мы к отвергнутому «родному пепелищу» и прольём слёзы любви и раскаяния у преданных поруганию «отеческих гробов».

Александр Штамм

ТРУДНОСТИ, ВЫЗОВЫ И РОЛЬ СОЮЗА

ВСЕГДА В БОРЬБЕ ЗА РОССИЮ

Передо мной последний (26-й) номер «За Россию». В нём – перепечатанная из «МК» (язык не поворачивается произнести или написать «Московский комсомолец», – это все равно, что «Берлинский гитлерюгендовец»!) за 29 апреля с. г. статья Екатерины Маетной «Орлы невидимого фронта». Статья – занятая. Хотя журналистка и недостаточно знает предмет. Но, уже за то, что она написала об НТС в самой популярной московской газете – низкий поклон. И, конечно же, самый низкий поклон тем нашим людям во Франкфурте, что это всё «спровоцировали».

Поражает лишь предпоследнее предложение в окончании статьи г-жи Маетной: «Им больше не с кем бороться...» К сожалению, такое мнение существует не только у людей, слабо знакомых с Союзом, но и в самом НТС. Поэтому вспомним о предназначении нашей организации, ее миссии.

Союз противоборствовал не кому-то или чему-то, а всегда боролся за Россию. Просто в разное время борьба эта принимала разные формы, но всегда была за достижение главной цели – не только освобождение отечества от коммунистической диктатуры, но и создание в нем благоприятных условий для развития людей. Если диктатура формально и рухнула 11 лет назад, то условия существования граждан нашей страны все еще оставляют желать лучшего. Из этого вытекает необходимость продолжения осуществления нашей миссии в сегодняшней России.

НЫНЕШНИЕ ТРУДНОСТИ СТРАНЫ

Что бы понять суть сегодняшнего служения Союза отечеству, надо уяснить нынешние трудности страны. Причем, чтобы не утомлять читателей, не буду перечислять весь их комплекс, а лишь укажу на главнейшие из них.

В РФ существует противоречие между демократическим политическим строем и политическим режимом, т. е. практикой исполнения этого строя.

В стране до сих пор не сложилась система независимых судов, а прокуратура, вопреки принципам конституции, выступает как четвертая, подконтрольная лишь самой себе и своим заказчикам, ветвь власти.

Государство до сих пор выступает не как регуляторщик, а как субъект экономики. До «безбрежного» либерализма в экономике, которым запугивают сограждан новоявленные «государственники» на страницах «Российской газеты», нам еще очень далеко, так же, как и до рынка.

В стране существуют монополии вроде «Газпрома» и «Лукойла», контрольные пакеты акций в которых формально принадлежат государству, а прибыль – фактически частным лицам.

Большинство законов об экономической деятель-

ности принимается не в общенациональных интересах, а лишь для удовлетворения устремлений правящего слоя.

Крайне запоздалое принятие законодательства о земле, к тому же не сопровождающееся мерами по созданию слоя земледельцев, наподобие столыпинских, привело не только к разорению большей части крестьян-единоличников и фермеров, но и к возникновению латифундий колхозно-совхозных феодалов. Последнее же лишь усугубляет социальные проблемы села.

Об отсутствии защиты прав мелких вкладчиков, акционеров, предпринимателей, засилье противоестественных монополий, пародии на местное самоуправление и говорить не стоит. Это все и так у всех на слуху.

Диагноз здесь ясен – правящий слой, унаследованный от коммунистов, монополизировав и власть, управляет ее в своих интересах, лишь к выборам вспоминая «о населении».

Но власть, осуществляемая в интересах лишь правящего слоя, будет вести страну лишь от одного провала к другому, т. к. она не способна действовать в общенациональных интересах, отвечая на неизбежно возникающие вызовы, которые могут вызвать острые общественные конфликты.

ГРЯДУЩИЕ ВЫЗОВЫ

Три таких вызова просматриваются уже сейчас.

Во-первых, падение мировых цен на энергоносители, что повлечет ухудшение платежного баланса страны. Кроме того, надо учесть и грядущее исчерпание нефтезапасов (по разным прогнозам к 2010 – 2014 гг.). Поэтому уже сегодня надо стимулировать развитие экспорта продуктов высоких технологий, введя упрощенную регистрацию и пониженное налогообложение для предприятий этих отраслей, помогая их становлению через систему бизнес-инкубаторов.

Во-вторых, невостребованность труда молодых специалистов в области таких технологий, что ведет их к отъезду на работу за границу или к уходу в иные сферы деятельности: тем самым сокращается база среднего класса. С учетом того, что ныне образование в области высоких технологий получают, в основном, дети бедных слоев населения (т. к. оно бесплатно), необходимо ввести повышенные стипендии для студентов этих специальностей и выплачивать подъемные молодым специалистам. Именно на это следует направить часть прибыли государства от нефти и газа.

В-третьих, дальнейшее обострение межнациональных отношений в стране. Причин для этого много: конфликты на Сев. Кавказе и вызванные ими исход русских и потоки беженцев из представителей местных этносов; вытеснение из автономных республик лиц, не принадлежащих к титульным этносам; отсутствие у властей какой-либо внятной миграционной политики,

приведшее к массовому предоставлению гражданства представителям некоренных этносов России; продажность чиновников «правоохранительных органов».

Все это ведет к образованию в крупных городах мест компактного проживания инокультурных групп, образованию иноэтнических экономических сообществ. В сочетании с бедностью, невостребованностью, невежеством молодежи окраин такие факторы способствуют вспышкам насилия на межнациональной почве. Уже сегодня в Москве, где все рынки контролируются выходцами с Кавказа и существуют места их компактного проживания, ежедневно избивают людей за цвет кожи, волос, разрез глаз. Дальше может быть гораздо хуже.

Ответом на этот вызов должны стать: внятная миграционная политика, стимулирующая въезд в страну соотечественников из республик бывш. СССР; принятие программ развития автономных республик, благоприятствующих возвращению русских и представителей местной интеллигенции; объявление принципа «титულიной нации» противоречащим конституции страны со всеми вытекающими последствиями.

«ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ»

Преодоление трудностей, ответы на вызовы, наконец, сам состав правящего слоя зависят не только от власти, но и от общества. В конце концов, каково общество – такова и власть. Но между основной частью общества и правящим слоем есть слой, ведущий, рождающий идеи для этих обоих. Он должен предвидеть вызовы и предложить сценарии ответов. Свои соображения до сведения власти ведущий слой доводит через всякого рода аналитические документы, до общества – через СМИ.

Беда нынешнего ведущего слоя в том, что значительная часть его представителей не способна самостоятельно и оригинально мыслить. Она лишь повторяет на разные лады банальности и заблуждения, распространенные в коридорах власти или в обществе.

Когда власть объявляла себя либеральной, то и «властители дум» старались прослыть либералами. Когда Е. Киселев в фильме тогдашнего НТВ объявил либералом Ю. Андропова, то съели и это. Когда в 1992 покойный Б.Г. Миллер и я писали во все инстанции о трагическом исходе «некоренного населения» из Чечни, это не вызвало интерес у министров, Конгресса русских общин, газеты «Известия». Ну как же, такого не может быть, потому что «в Москве об этом не принято говорить». Ответило лишь израильское посольство. Зато в 1995 об этом, наконец-то, «стало принято говорить».

Ныне среди «властителей дум» преобладают три категории. Одни жадно ловят любое слово «дорогого Владимира Владимировича» и поют ему дифирамбы, используя богатый опыт застойных времен. Об этих штатных пропагандистах говорить нечего – словословия ведь не информация. Лучше просто прочитать речь президента.

Другие пишут «Господин Гексоген», третьи вместе с автором этого «шедевра» защищают «Эдичку» Лимонова. На хорошую же наживку клонули: начало про-

цесса Лимонова было явно спланировано с учетом необходимости отвлечь внимание общества от дела Г. Пасько. Причем некоторые из «властителей дум» уже устраивают истерику по радио «Свобода» и угрожают, тем, что «теперь интеллигенция вынуждена будет уйти влево». Да уж куда левее-то Лимонова! (Конечно, в деле «Эдички» больше всего поражает идиотизм доблестных «органов», которые своей привычкой к подтасовкам делают из Лимонова героя и оказывают медвежью услугу власти).

Левизна большей части «властителей дум», а также корыстолюбие и произвол бюрократии могут стать главной угрозой для России при ответах на ожидающие нас вызовы. Хотя любые аналогии и хромают, но вспомним, что в истории нашей страны уже так было во время I и II госдум. Тогда сочетание левой интеллигенции и произвола бюрократии, несмотря на все усилия Столыпина, привели власть и общество к расколу. (Власть менялась медленно, а общество требовало радикальных ее перемен). Реформы Столыпина лишь приглушили, но не успели окончательно разрешить этот конфликт. I мировая вызвала его к жизни вновь, что и привело к российской катастрофе 1917.

НАШЕ НЫНЕШНЕЕ СЛУЖЕНИЕ

Что же нам делать ныне в условиях такого состояния страны, таких грядущих вызовов?

Прежде всего определим тех, к кому мы должны обращаться. Это, во-первых, уже сложившиеся группы интеллигенции, стоящие на т. н. либерально-почвеннических позициях. (В Москве такие люди объединяются вокруг «Известий» и «Нового мира», в Питере – вокруг «Звезды»). Во-вторых, молодые специалисты и дипломаты, в основном, из областей знаний, связанных с высокими технологиями.

В этой среде нам надо прежде всего найти общий язык с людьми, так же как и мы, придерживающихся христианских идеалов без фанатизма и обскурантизма, патриотизма без шовинизма, демократии без популизма.

Надо прививать этим людям понимание необходимости правопреемства нынешней РФ от России исторической. При этом важно помнить, что само по себе распространение нами исторических знаний должно носить лишь служебную роль, его цель – подготовить к осознанию нашей главной идеи с точки зрения истории отечества.

И, самое главное, распространить среди них идеи российского солидаризма. Потому что понимание того, что основа развития общества – не в социальной борьбе, в которую и власть, и общество, сами того не желая, втягивают страну, а в сотрудничестве всех слоев общества, основанном на согласовании разумных интересов, дает нам шанс. Лишь понимание этих идей обществом, равно как и осознание властью своей служебной по отношению к обществу роли, поможет России преодолеть нынешние трудности и грядущие вызовы.

Во всемерном распространении в стране идей российского солидаризма и состоит нынешнее служение нашего Союза.

Кирилл Александров

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЫПУСКНИКОВ 2002 г.

Выпускникам 11-х классов, благополучно окончившим одну из престижных петербургских специализированных школ в июне, незадолго до завершения программного курса была предложена творческая работа – сочинение по отечественной истории на тему: «Может ли быть правда в гражданской войне и на чьей стороне она могла быть во время гражданской войны в России?» Интересно, что в огромном большинстве выпускников данной школы можно отнести к детям нарождающегося российского среднего класса. Юноши и девушки целеустремленны, хорошо владеют иностранным языком, ориентированы на поступление в популярные ВУЗы Москвы и Петербурга и успешную карьеру. Родители выпускников нормально зарабатывают по российским меркам.

В какой-то степени перед нами срез ценностных представлений той части молодежи, которая уверена в собственных силах, рассчитывает, в первую очередь, на жизненный успех, заинтересована в получении высшего образования и гуманитарном знании. Ее интересует прошлое, поскольку в нем она видит состояние настоящего и перспективы для будущего. Позиция тех, кто завтра придет в бизнес и политику, безусловно, представляет интерес. Потому что именно от выпускников начала XXI в. зависит, в конечном итоге, будущее России.

Рисунок из готовящегося к печати фотоальбома «Белая Россия»

1. ЧЕМ БЫЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ДЛЯ РОССИИ?

«Я считаю, что в Гражданской войне не было смысла, она расколола общество на два враждующих лагеря. Порой даже члены одной семьи оказывались по разные стороны баррикад и сражались друг против друга [...] Разложение общества и падение моральных ценностей – все это принесла Гражданская война».

«Для любой страны Гражданская война – огромное потрясение, ведущее к расколу общества. Пожалуй, Гражданская война – самая страшная, ибо разобщенность внутри общества ведет к непримиримой резне, где одна сторона пытается уничтожить другую, ее культуру и систему ценностей».

«Можно ли было, в принципе, избежать Гражданской войны в России? В глобальном масштабе – конечно, можно, но только при условии вступления России на путь экономических и политических реформ лет за 100 до начала Гражданской войны. В условиях начала XX века Гражданская война была неизбежна. Диктатура большевистской партии, продразверстка, передел земли, экспроприация заводов, фабрик, банков – эти и еще многие причины привели к гражданскому противостоянию».

«Гражданская война – самое страшное, что может произойти в стране. Ведь в отличие от обычной войны, она не только приносит разрушения и смерть, но и лишает человека многих нравственных ценностей: ему приходится убивать своих бывших друзей, родственников и приносить горе и разрушения в собственную страну. [...] Люди ненавидят не общего врага, а друг друга. Казалось бы, Гражданская война абсолютно бессмысленна и напоминает самоистребление нации... Получается, что воюющие люди [...] хотят уничтожения своей Родины? Самое парадоксальное заключается в том, что Гражданская война затевается людьми, которые страстно желают блага своей стране и готовы ради этого умереть, сражаясь с теми, кто с ними не согласен [...]».

«Гражданская война – это прежде всего столкновение двух разных, часто противоположных идей; чаще всего одни хотят построить в стране новую жизнь, порушив для этого старую, а другие хотят сохранить старую жизнь во что бы то ни стало. И для первых, и для вторых правда существует; она заключена в их идее, иначе зачем было сражаться, проливать свою кровь, погибать? Для меня, как для стороннего наблюдателя, правды быть не может: у меня – своя правда».

«Конфликт между двумя противостоящими друг другу лагерями был настоящей трагедией. Одно дело, когда люди воюют с народом совершенно другой страны, а совсем другое – когда народ уничтожает себе подобных. Марина Цветаева назвала Гражданскую войну «братоубийством». Действительно, все беспощадно».

убивали своих братьев. И до этого беспредела страну довело правительство [...]».

«Гражданская война была ни с чем не сравнимой народной трагедией, в которой никогда не было победителей. Поэтому и «правды» в Гражданской войне не может быть в принципе. А победа большевиков [...] является лишь следствием несостоятельности их противников».

«Захватить власть силой и долгое время силой ее удерживать – это, конечно, революционный метод, но не для России. Еще, я считаю, задолго до революционных волнений произошли какие-то изменения в сознании людей. Им хотелось чего-то нового, они не хотели конкретно власти партии большевиков, но просто устали от самодержавия. Никто даже и не мог предположить, в какой абсурд это выльется в дальнейшем. Думаю, существуют такие моменты в жизни страны, когда ненависть к несправедливости, накопленная за долгое время, наконец выплескивается наружу и возникает революция».

II. ПРАВДЫ НЕ БЫЛО НИ НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ

«Брат воюет с братом, сын с отцом, хотя и не обязательно. Ввиду той беспощадности, безжалостности по отношению друг к другу (а ведь мы все люди одной страны – России) у меня возникает чувство, что «правды» в такой войне быть не может [...] Поддерживать красных – значит согласиться с тем, чтобы «90 млн. русских людей погибли» ради жизни оставшихся 10 млн. «при социализме». Поддерживать белых – значит вернуться к Императорской России, но России были нужны в то время перемены. Поддерживать зеленых – поддерживать анархию, а если выступать за петлюровцев – значит поддерживать бандитов, мошенников и людей, которые готовы на все ради власти и не важно, что на Украине».

«По-моему, это глупо и бессмысленно искать правду в какой-либо войне! Война сама по себе несет что-то ужасное и разрушительное, как в моральном, так и в физическом, и в материальном смысле. Так что искать в ней что-то поддающееся хоть какому-то разумному объяснению – бесполезно, а тем более – выяснять, на чьей стороне правда. Самое главное то, что в убийствах правду искать вообще нет смысла».

«[...] Идея коммунизма сама по себе неплохая, и мне даже чем-то нравится. Однако Гражданская война, вызванная этой идеей, – это уж слишком! Я думаю, если бы Ленин был действительно гениальным практиком, то он выбрал бы какой-нибудь другой метод, чтобы заставить людей поверить в его идею, не провоцировал бы ненависть к чиновникам и офицерам, а наоборот, притянул бы большинство на свою сторону. К примеру, сказал бы солдатам и офицерам, что царь их предал и отрекся от престола, – пропагандировать Ленин был мастер. Но Ленин выбрал Гражданскую войну, террор, расстрелы целыми деревнями, причем даже тех, кто был безразличен ко всему происходящему. Правды в таких действиях не может быть».

Кто такие белые? Солдаты, не подавшиеся моральному опустошению и деградации личности, к чему вел россиянин сумасшедший сифилитик. Белым не за кого было бороться, так как всю Царскую семью расстреляли, они спасали просто честь страны. То, что они убива-

ли своих бывших сослуживцев («военспецов»), – это тоже «не правда», но белые, хотя бы, не были так жестоки, как их враги. «Правды» в Гражданской войне не может быть никогда. Все, кроме русских, это понимали: иностранцы называли Россию бешеной и сумасшедшей страной. Наверное, это – правда».

«И красные, и белые одновременно правы и не правы. Не правы, потому что разграбили страну, обрекли ее на голод и разруху. Тысячи людей погибли с той и другой стороны. Страшная жестокость, красный и белый террор, бесконечные мобилизации, разрушенные семьи, где брат против брата, отец против сына, – за всем этим стоит самое страшное, что только может случиться в истории страны – Гражданская война. Хороший пример того, что правды в этой войне не было, – Григорий Мелехов. Григорий повоевал и за красных, и за белых, и даже за анархистов, и в конце концов вернулся домой, и стоя перед воротами родного дома, понял, что самое важное – дом, семья, родная земля, где ты родился».

Сейчас очень многие (почти вся молодежь, почти все поколение моих родителей) твердо уверены в том, что правда была на стороне белых. **(Так! – К. А.)** Все, что связано с революционерами, революцией и красными, всячески обругивается и поносится. И все-таки я не хочу вставать ни на сторону белых, ни на сторону красных (хотя большевиков и все, что с ними связано, не люблю). Мне кажется, что правды не было ни на стороне белых, ни на стороне красных, потому что ее в принципе не может быть, когда сталкиваются две идеи, каждая из которых сама по себе несет какую-то правду».

«Красные вели примитивный террор, занимались дешевой агитацией и нелепыми рассуждениями о форме жизни в стране. Свободу от чего они предлагали? От царя? И какую свободу? Белые ничего нового крестьянству предложить не могли. Цель – дойти до Москвы и созвать Учредительное собрание. Ничего определенного. А большевики просто сыграли на низменных чувствах, причем сыграли довольно примитивно. Процент нормальных профессиональных рабочих и столыпинских крестьян был слишком мал, чтобы успешно противостоять красным. Гражданская война – последняя ступень морально-этического упадка человеческой личности. Естественно, личности из той толпы, которая развязывает войну».

«Гражданская война напоминает мне спор двух маленьких мальчиков о том, что подарить маме на день рождения. Каждый хочет сделать ей наилучший подарок и считает только свою идею правильной. Спор заканчивается дракой, и мама вместо подарка получает одного сына с подбитым глазом, а второго – со сломанной рукой. Печальная картина...»

III. У КАЖДОЙ СТОРОНЫ БЫЛА СВОЯ ПРАВДА

«Красные предлагали сражаться за идеалы всемирного братства, справедливости. Многие искренне в это верили, не считая их утопией, и готовы были отдать свои жизни (и отдавали!) за идеалы мировой революции. Многих захватил пафос революции, борьбы, перемен [...] Белое движение возглавило кадровое офицерство, оставшееся верным присяге и готовое сражаться за Родину, за Царя и Отечество. Эсеры организовывали восстания в Ярославле, Муроме, хорошо зная цену лозунгам большевиков, так как сами были их бывшими со-

ратниками по революционной борьбе. В ходе войны погибли наиболее яркие, сильные люди со всех сторон. У каждого человека была своя правда, свои причины и цели сражаться и умирать. С их точки зрения их идеи стоили того, чтобы отдать за это жизнь. Конечно, Гражданская война – это большая беда для всей страны. Но мы не имеем право говорить, что это была бессмысленная война. Ведь люди не только отдавали свои жизни, но считали, что делают это во имя великих идеалов и ради своих потомков. Надо уважать эти идеалы, даже если они противоположны в данный момент нашим».

«На стороне белых были честь, благородство, чувство собственного достоинства и достоинства своей страны. На стороне красных – призрачные утопические идеалы, какого-то идеального государства. Я понимаю, что они искренне верили в осуществление своих идей. [...] Но на их стороне была безразличность, что уже к правде не относится».

«Мне кажется, было две правды. У белых – своя, благородная, у красных своя – смелая, новаторская и, к сожалению, как позже оказалось, недобрая. Мелехов принимает то одну сторону, то другую, и в конце концов понимает, что ни у одной из сторон настоящей-то правды нет. Её он находит лишь в семье, в любви к сыну, то есть в мире и в настоящих христианских ценностях. Я полностью разделяю точку зрения Шолохова и считаю, что, несмотря на то, что у обеих воюющих сторон во время Гражданской войны есть своя правда, свои убеждения и стремления улучшить жизнь в стране, несмотря на то, что люди борются за лучшее будущее своей родины, они не должны приносить страну в жертву ради ее же счастья. Нельзя, я думаю, безоговорочно восхвалять или осуждать людей, воюющих на Гражданской войне, ведь они воюют за родину, но воюют-то при этом против самой родины».

IV. ПРАВДА БЫЛА НА СТОРОНЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Из 42 представленных работ данная точка зрения не получила отражения ни в одной.

V. ПРАВДА БЫЛА НА СТОРОНЕ БЕЛЫХ

«Слава Богу, что были те, кто не бросил России и сложил головы за то Отечество, которое стали уничтожать большевики. Я думаю, можно смело утверждать, что правда была на стороне белых, ибо любой человек, будучи в здравом уме и доброй памяти, не станет защищать тех, кто залил нашу страну кровью так, что и по сей день «откликается» нам тот далекий 1917 год».

«[...] У меня язык не поворачивается сказать, что правда была на стороне красных. Но и у белых, казалось, не было правды: они убивали людей, хоть и не в таких количествах, так же жестоко без суда и следствия. Но все-таки, хотя бы за их идеи и взгляды, правда была на стороне белых. Ведь они воевали за царя, которого у них отняли, за свою веру, которую пытались уничтожить, за свой род, сословие, которые подлежали полному уничтожению».

«Революция и Гражданская война – самые постыдные явления за всю нашу историю. Возможно, в глубокой основе революционного движения лежало какое-то стремление к переустройству жизни на справедливых началах. Но, как мы знаем, вышло у большевиков это прескверно: они хотели построить «небо на земле», раз-

рушив весь «старый мир». К тому же красные ... уничтожили почти всю Русскую Православную Церковь. Это меня больше всего отталкивает от большевиков. Поэтому я считаю, что правда была на стороне той незначительной части населения России, которая вступила в Белые армии. Эти люди сражались за Родину, за Веру, за ценности, родившиеся одновременно с Русью».

«Правда в Гражданской войне? Почему бы ей и не быть? Только на чьей стороне? Белые боролись за старую, дореволюционную, священную Русь. Боролись за то, что имели до революции и не хотели просто так отдать на поругание. А большевики сражались за то, что не существовало, чего они не только не видели, но и не знали, как этого достичь. Белые мне близки по духу, взглядам, ценностям. Многие из них – люди чести, достоинства, воспитанные на ценностях, формировавшихся веками».

«Есть ли правда в Гражданской войне? Многие демонологи считают, что война – это не гуманный и не цивилизованный способ выяснения отношений. Все это верно. Но не нужно быть святее Папы Римского. Когда поздним вечером на улице к вам пристаёт хулиган, вы вряд ли скажете ему: «Добрый вечер, сударь!» (а ведь такую форму поведения диктует этикет). Когда в разговоре собеседник использует ненормативную лексику, вы вряд ли на это ответите цитатой из «Евгения Онегина». Войны велись от сотворения мира, и признание их справедливыми или несправедливыми ничего не изменит.

Страшно выносить оценки Гражданской войне, хотя мне кажется, что с ней все яснее ясно. Многие люди как-то странно оценивают эти события. Не раз я слышала от товарищей: «Белые за годы Гражданской войны убили Х человек, а красные – ХХ человек». Значит, белые хорошие, а красные – плохие. Но через два дня меняется статистика и все наоборот. Меня удивляет, что оценка войны опирается на число убитых той или другой стороной. Единственным критерием оценки событий Гражданской войны, я считаю, может быть цель сторон, их идеи, лозунги, чувства, то есть то, за что они борются.

Белые воевали за историческую Россию от Рюрика до Николая II, за великую державу, за могучую Империю, за сам дух этой страны, за все то хорошее, что накопилось в ней за сотни лет. Красные же хотели власти, земли, денег – отсутствия проблем. Можно сказать, что белые воевали за душу России, а красные – за ее тело, которое истерзанное, окровавленное пятилетней войной, с ампутированными конечностями (Польша? Финляндия? Прибалтика?) они потом еще очень долго терзали, высасывая все соки на протяжении почти всего XX столетия.

Правда была на стороне белых. Я могу это утверждать и потому, что я вижу разницу между Финляндией и Россией сейчас. В Финляндии белым все-таки удалось подавить красных, что привело к расцвету страны. Сейчас это тихая, процветающая и надежная страна со стабильным ростом. В России весь XX век заправляли красные – теперь большая часть населения у нас нищие. В стране нет ни экономики, ни политики в международном значении этих слов. Главное, у нас нет надежды, уверенности в завтрашнем дне, не осталось опоры на прошлое, на историю наших отцов, дедов.

Белыми были офицеры Русской Императорской армии (люди, знающие с детства понятия «долг», «честь», «отвага»), интеллигенция, студенты, юнкера и кадеты (дети и подростки, сердцем чувствующие правду), часть лучших рабочих. К вождям большевиков (кучке воров, лжецов, циников и жестоких людей) примкнули недоучки, экзальтированные барышни, лентяи, проходимцы, батраки, все, кто не работал, но хотел от жизни многого. Лучшие головы России были отрезаны, в стране остались лентяи, воры, разбойники, что сказывается и по сей день. Ведь на плохой почве урожая не вырастить.

Более всего я не могу простить большевикам, что они уничтожили, стерли с лица земли всю Россию XIX века, лучший период в истории нашей страны, когда она была ведущей мировой державой, когда русские ученые, художники, актеры, писатели славили страну на весь мир и когда Россия была богата, красива, изящна и благополучна. Не могу я простить им того, что они лишили нас всего этого, лишили нас чувства гордости, а значит – патриотизма, единства нации, оставив лишь горечь и воспоминания о былом. И еще я не могу простить красным то дикое, удушливое ощущение стыда и стеснения, когда за границей на вопрос: «Откуда Вы?»,

я отвечаю: «Из России» и говорю это так, словно извиняюсь за что-то.

Для меня все это слишком важно и значительно. Красные убили в прямом смысле тысячи людей, но и в переносном смысле исковеркали жизнь ни одному поколению русских. Так что правда за белыми. Навсегда».

Из 42 представленных творческих работ авторы 18 написали, что в гражданской войне правды не было ни на чьей стороне, авторы 13 согласились с мнением, что у всех противоборствующих сторон была своя правда, авторы 11 твердо высказались, что правда была на стороне национального Белого движения. В целом потенциальных сторонников белых оказалось гораздо больше, чем среди 3 тысяч участников социологического опроса ВЦИОМ, посвященного 84-й годовщине октябрьского переворота. Осенью 2001 г. в пользу белых высказались лишь 12 % опрошенных.

Нам же представляется несомненно важным, что, во-первых, среди 42 авторов не нашлось ни одного сторонника Ленина и Троцкого и все-таки более четверти выпускников прочувствовали духовный смысл Белой борьбы и спустя 85 лет по достоинству оценили подвиг участников Белого движения. Это дает надежду.

Сергей Маркедонов*

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВЕРТИКАЛЬ

Будущие исследователи новейшей российской истории, характеризуя эпоху Владимира Путина, наверняка выделят в ней два отдельных этапа – период укрепления «вертикали власти» и «поствертикальный» период. Рубежом между этими периодами стало постановление Конституционного суда от 9 июля 2002 г., согласно которому отчет первого губернаторского срока начинается с октября 1999 г. И хотя у нас, как неоднократно говорил президент, судебная власть независима от исполнительной и ее решения носят исключительно самостоятельный характер, нельзя не заметить удивительное единомыслие конституционных судей и главы российского государства. На своей пресс-конференции 24 июня сего года В.В.Путин высказал тезис, что определение количества сроков пребывания у власти местных руководителей находится в компетенции избирателей. В переводе на общедоступный язык это означает, что о ротации управленческих кадров в субъектах Российской Федерации следует на определенный период забыть, а местные начальники, особо понравившиеся населению, смогут покидать свои кресла, одновременно покидая этот грешный земной мир. Вероятно, вертикаль власти и институты гражданского общества в России укрепились настолько, а административный ресурс настолько же ослаб, что можно совершенно не беспокоиться за исход выборов в Татарстане, Башкортостане, Калмыкии и других российских субъектах. Ясно, что победит самый достойный...

В марте 2002 г. мы отмечали десять лет с момента подписания Федеративного договора Российской Федерации. Эта дата по иронии судьбы практически совпала с двухлетним сроком со дня избрания Владимира Путина российским президентом. К месту и не к месту цитировался знаменитый призыв первого президента России к региональным руководителям взять больше суверенитета. Немало хвалебных слов было сказано о большом «прорыве» нового российского главы в региональной политике. Сколько экспертов и аналитиков задавались целью дать сравнительный анализ эпох ельцинского «безвластия» и путинского укрепления вертикали власти. Приведу весьма характерный фрагмент из публикаций того времени: «Эпоха Ельцина» стала историей. Появилась известная надежда на то, что деградация российской государственности достигла, наконец, своей крайней точки. Региональная политика, концептуально сформулированная в лозунге «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить!» исчерпала себя полностью». Меры Владимира Путина по созданию федеральных округов и реформе порядка формирования Совета Федерации оценивались многими как поворотные точки в процессе «регионализации России». Укрепившаяся за два года властная «вертикаль», по мысли многих аналитиков, способствовала формированию единого правового пространства и более тесной интеграции вчера еще полусуверенных российских регионов.

Решение Конституционного суда от 9 июля показало, что рапортовать об окончательном решении регионального вопроса в России преждевременно. Столь же преждевременно констатировать, что с «расползанием» Рос-

* Заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа.

сии и всевластием региональных баронов покончено раз и навсегда. В этой связи вполне правомерен вопрос, а чем же, собственно, политика второго российского президента резко отличается от его предшественника и насколько вообще оправданы региональные инновации последних двух лет? «Центр снова стал проводить политику кнута и пряника», - констатирует аналитик Фонда Карнеги Андрей Рябов. «Накануне выборов центру было невыгодно ссориться с губернаторами-долгожителями, которые обладают наибольшим электоральным ресурсом», - делает вывод эксперт Центра политических технологий Борис Макаренко. «Что-то слышится родное в доброй песне ямщика». Разве не подобного рода оценки и комментарии слышали мы из уст политологов в ельцинские «годы мрачные, глухие», когда никто не задумывался об укреплении вертикали власти, а уже тем более о равноудаленности и невозможности жить по понятиям. Как видим, несмотря на победоносную риторику, наше государство не слишком приблизилось к правовому регулированию отношений Центра и регионов. Все те же пресловутые «понятия», все та же политическая целесообразность. Нужен для повышения рейтинга Шаймиев или Илюмжинов - поможем. А не нужен, то отключим газ (свет и прочие маленькие коммунальные радости). Ульяновская область на грани банкротства, но отвечать за это некому, т.к. нынешнему руководителю плохое досталось наследство...

Ельцинскую региональную политику, следствием которой стала дезинтеграция страны, не ругает только ленивый. Но мало кто из аналитиков понимает (или не желает понять) тот факт, что первый российский президент «делился» суверенитетом не из-за жгучего желания превратить Россию в сообщество регионов, а по причине отсутствия у него в 1991/1992 гг. и правовых, и силовых механизмов для обуздания региональной вольницы. Десять лет назад российское государство только создавалось, и уступки регионам в то время были оправданной ценой за сохранение единства и целостности страны. Сегодня же потворство региональным режимам отнюдь не будет способствовать процветанию и демократизации России. И уж тем более укреплению государственной власти. Скорее наоборот. Предоставление дополнительных преференций региональным баронам будет означать укрепление авторитарного правления республиканских и областных элит, усиление этнократического принципа верховенства «титовых наций» и «коренного населения».

Но самое печальное другое. Решение Конституционного суда отчетливо продемонстрировало слабость высшей государственной власти в стране и ее неэффективность. Спрашивается, зачем было создавать дополнительные бюрократические надстройки в виде семи армий федеральных представителей, инспекторов, советников и консультантов? Зачем тратить такие огромные бюджетные средства на содержание аппаратов полпредов (фактически лишней информационно-аналитических служб), освещающих разные неблагоприятные дела региональных баронов? Не проще ли организовать процедуру их цивилизованной ротации? Стоило ли превращать верхнюю палату парламента по сути дела, в назначаемый, а не избираемый орган с низкой степенью легитимности лишь для того, чтобы затем не обидеть и бывших глав республик, краев и областей, дав им

по синекуре в новом «Сенате»? Зачем тратились немалые деньги на проведение гражданского форума и разные «круглые столы» по поискам новых кадров для России, если отныне все сколько-нибудь способные, мыслящие по-новому кадры будут надолго отрезаны старыми властными элитами от принятия управленческих решений? Увы, мы в очередной раз провели имитацию деятельности вместо самой деятельности.

Постановление Конституционного суда показало также, что извечная традиция российской власти не думать о перспективах и не видеть дальше завтрашнего дня, к сожалению, не канула в Лету. К чему приводит отсутствие процедуры цивилизованной ротации управленческих кадров, всем хорошо известно. В-первых, власть перестает адекватно оценивать обстановку. Единственно возможными видами аналитики в такой ситуации становятся победные реляции и славословия в адрес первых лиц. Во-вторых, способные молодые и по-хорошему тщеславные кадры, не видя никакой возможности легитимными способами войти во власть, находят себе применение в других нишах - криминал, политический экстрим и разные виды антигосударственной деятельности. В самом лучшем случае (для сановных бюрократов, но не для страны) - эмиграция. Не отсюда ли и «беспочвенность», и антипатриотизм нашей интеллигенции? Только вот кто, как ни власть предрержащие, формирует «беспочвенную» и зараженную антигосударственными взглядами интеллигенцию?

И последнее. О компромиссах и уступках можно рассуждать в рамках правового, а не «понятийного» контекста. Наши региональные вожди, говоря словами Талейрана, «ничего не забыли и ничему не научились». Было бы наивным считать, что российские воеводы по-христиански простили Путину шок лета 2000 г. (начало укрепления вертикали) и свой страх от резких заявлений, сделанных президентом тогда. У российских чиновников, воспитанных в старосоветских традициях, есть только две реакции - боязнь сильного и смелость перед слабым. Как говорится, «молодец среди овец, а на молодца и сам овца». До тех пор пока рейтинг второго российского президента высок, его будут славословить. Как только он опустится на значительное количество пунктов, казус Скуратова образца 1999 г. покажется нам детской забавой. А от падения рейтинга не застрахован никто. Вспомним хотя бы изначальную популярность Горбачева и Ельцина. «Слабому» же и, не дай Бог, «двухпроцентному» Путину нынешние региональные вожди никогда не забудут того, что когда-то он показал их простую человеческую слабость. Летом 2000 г. они на мгновение перестали быть небожителями и предстали перед нами на экранах ТВ и радио как простые смертные, желающие иметь хороший прожиточный минимум в отдельно взятом особняке. Нынешние же уступки будут восприняты губернаторами и президентами национальных республик не как благородство федерального центра, а именно как отступление перед их силой. И естественно, на реформах можно будет поставить жирный крест. Люди, озабоченные сохранением личной власти и собственности, позаботятся о том, чтобы население не отвлекали бесплодными мечтаниями и глупыми разговорами о преобразованиях...

Василь Быков – Валентин Оскоцкий

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ...

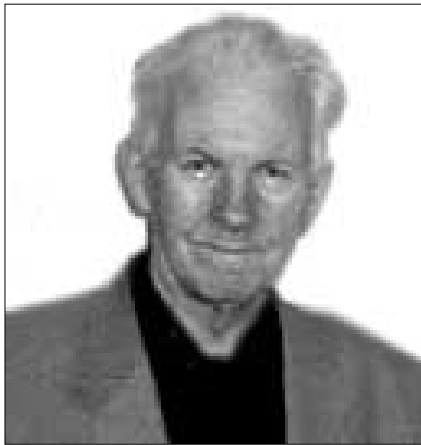
Не знаю, как Василию Быкову, а мне вести с ним диалог, предложенный редакцией «Посева» с расчетом на скорейшую публикацию в журнале, а потом восстанавливать его для печати по черновой записи от руки было одновременно и легко, и трудно. Легко потому, что, впервые встретившись лет 40 назад и ни разу не разойдясь в последующие годы и десятилетия ни по жизни, ни по литературе, мы привыкли понимать друг друга с полуслова. Так и на этот раз: он заранее мог догадываться, о чем я его спрошу, я – безошибочно предугадать, что и как услышу в ответ. Но в том и трудность: сами собой возникавшие недоговоренности, вынятые нам обоим, оставляли лакуны, которые пришлось заполнять, прописывать задним числом. Иначе диалог рисковал распасться на отдельные фрагменты, не сцепленные логически, не связанные сюжетно. Отсюда разъясняющие повторы, призванные спрямить штриховую контур в сплошную линию, но невольно чреватые избыточно детализирующим многословием, которого на самом деле, поверьте, не было.

Мы встретились и беседовали в Шлесс Виперсдорф – Доме творчества, уединенно отдаленном от пристанционного городка Ютербог, что километрах в 80 от Берлина. Старинный дом в старом парке. Высоченные каштаны в пышном цвету белых и красных свечей, могучие дубы в несколько обхватов, пруд со степенными цаплями в воде и на берегу, над прудом шаткий мостик. Тишь, уют. Разговаривая, поневоле понижаешь голос, дабы не спугнуть благодатный покой...

– Мог ли 20-летний лейтенант Василь Быков представить себе, что пройдет более полувека после войны, и он найдет себе приют не где-нибудь, а, как писалось на исходе второй мировой в советских газетах, «в логове поверженного врага», что здесь встретит свое 75-летие и, может, 80-летие, до которого осталось не так уж много? «В Германии. Германии, проклятой стороне», – распевалось в одной из предпобедных песен. Правда, после победы «проклятую» заменили на «далекую», но и при такой благообразной замене она продолжала оставаться если не совсем враждебной, то все одо чужой. Да и вряд ли могла восприниматься иначе теми, кто прошел войну от Бреста до Москвы и обратно от Москвы до Берлина.

– Я не до Берлина, я закончил войну в Австрии. Что же до нынешнего своего пребывания в Германии – сначала здесь, в Шлесс Виперсдорф, потом во Франкфурте-на-Майне, теперь опять здесь, под Берлином, – то в войну я так далеко не заглядывал. На войне утром не знаешь, доживешь ли до вечера, а думать о том, что и как станет через несколько лет, а тем паче спустя полвека и больше, – и в голову не приходило. Даже на несколько дней вперед я не заглядывал.

– Но мой вопрос не об этом. Он о тогдашнем и нынешнем восприятии Германии поколениями воевавших. Слом это или не слом в сознании, миропонимании? Мне думается, слом – психологический, духовный. Еще бы: в войну – заклятые враги. После войны инерция такого отношения держится поначалу цепко, но исподволь подтачивается, расшатывается, размывается. Одним из первых, если не самым первым. – Виктором Некрасовым в рассказе «Вторая ночь». Молодой солдат, необстрелянный новичок, разглядывает семейные фотографии убитого им, а точнее, задушенного в ночном поединке обер-ефрейтора и видит в них отсветы порушенной мирной жизни. Не такой, как привычная ему наша со-

ветская, но тоже согретой теплом домашнего очага. Так, в противовес угару ненависти вспомним «Убей его» Константина Симонова, «Науку ненависти» Шолохова – в литературе о войне, да и не только в литературе, а в самом общественном сознании шаг за шагом вызревают новые мотивы: и по ту сторону фронта воевали люди с изломанными, покореженными войной судьбами.

– Клишеобразный стереотип врага, которого надо ненавидеть и, ненавидя, убить, разрушался подчас и в ходе самой войны. Иной раз она преподносила примеры, какие никак не укладывались в формулу, внушенную нам схемой неперменной ненависти. Был случай в одной белорусской деревне. Мужик поссорился и подрался с женой. Та от недалекого ума с доносом в немецкую комендатуру: муж связан с партизанами. Но партизан в ту пору в округе еще не было, так что и связей не могло быть. Как поступил комендант? По-солдафонски, но воспитательно. Приказал высечь женщину за клевету – 25 ударов. И заодно 40 ударов мужу – за то, что распустил жену. Спустя время партизаны и тут объявились. По жестокой иронии судьбы они-то и подстрелили мужика...

Знаю по рассказам и такой эпизод с трагическим финалом, но корень трагедии тоже не в немцах. В небольшом белорусском местечке, где жителей наперечет, образовалось молодежное подполье. Наивные романтики-юнцы вели «политико-массовую работу» среди населения, как ее понимали, – от руки писали листовки и приклеивали к заборам хлебным мякишем. Вычислить и арестовать их не составляло труда. Одну девчонку допрашивал молодой гестаовец. То ли приглянулась она ему, то ли еще что, но вместо того, чтобы расстрелять дуреху-подпольщицу или отправить в концлагерь, он вывел ее за околицу и отпустил: беги. Она и убежала, но не домой, а к партизанам. Ее встретили ее настороженно, но до конца оккупации терпели, благо никаких

поводов для подозрений она не давала. Однако после войны ее репрессировали. 12 лет провела на Колыме и всю жизнь потом проклинала сердобольного гестаповца: расстреляй он ее тогда – числилась бы героиней подпольной борьбы с фашизмом...

– Давид Самойлов и Генрих Бёльз на Курской дуге стреляли друг в друга. После войны – в одном ряду писателей-гуманистов, творцов и мастеров мировой культуры. А вот и наша современность: истинно гуманистическим пафосом исполнены недавние строки Татьяны Кузовлевой:

*В стране, где не всех схоронили солдат,
Где к людям безжалостно время,
Стою я, повинно потупивши взгляд,
Пред жертвами всеми.*

.....
Мне крикнут: – Врагов не желаешь судить!

Отвечу: – Неужто мы слепы?

*Мы счеты с живыми привыкли сводить,
Но с мертвыми счеты – нелепы.*

Но только ли о мертвых наша сегодняшняя печаль?

– В 1980 г. в Западном Берлине возникла организация искупления. Она исповедовала, признавала обоюдосторонний долг памяти: и тогдашний Советский Союз, и Германия были втянуты в истребительную – кто кого? – войну, понесли многомиллионные потери с обеих сторон. Это трагедия не одной Европы, а мировой цивилизации в целом. Неужто она издревле и навечно обречена на такие непомерные жертвы? Одно дело – локальные войны, от которых мир не избавлен и по сию пору. Как ни ужасны их кровопролития, они не сопоставимы с теми глобальными, какие неизбежны в войнах межконтинентальных, чья зловещая тень нависает над XXI в. Но суть ведь не только в войнах самих по себе, а в конфликтах, какие вызревают и набухают до войны. Так вызревал, пока не прорвался войной, конфликт двух тоталитарных систем – фашизма и коммунизма. Их замирение в августе 1939 г., закрепленное сговором Сталина-Молотова и Гитлера-Риббентропа, было и обманом народа, и самообманном апогеем тайной дипломатии.

– *Отказ от которой якобы отныне и навсегда фари-сейски провозгласил так называемый Декрет о мире, принятый вторым Всероссийским съездом Советов в день, вернее, в ночь октябрьского переворота большевиков.*

– Демагогия и цинизм неотлучно сопутствовали всей тайной большевицкой дипломатии. И тот же пакт о советско-германской дружбе сопровождался секретными протоколами, существование которых коммунисты упорно не хотели признавать вплоть до перестройки. И не признавали до тех пор, пока комиссия под руководством А.Н. Яковлева не сделала тайное явным. Было что утаивать! Протоколами предусматривался раздел не одной Польши и не только Европы, но всего мира. Они обнадёживали «сброд тонкошеих вождей» желанным выходом к Дарданеллам. Мечта Владимира Жириновского омыть русские сапоги в южных морях родилась не с его избранием депутатом государственной думы. Когда после II мировой войны на Ближнем Востоке образовалось еврейское государство, СССР первым признал и поддержал Израиль. Но что двигало Сталиным и его

кликлой? Те же имперские вождения – выйти к теплым морям, стать там «ногою твердой». Отрывки их дают о себе знать и в наступившем новом веке..

– *Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» размышлял о том, как календарное начало века не совпадает с началом событийным – оба расходятся на разные, иногда большие временные расстояния. Так, для него, писателя, XX век начался не 1 января 1901 года, а 14 годами позже – с первой мировой войной. Я вспомнил об этом 11 сентября прошлого года. В день, мне кажется, да и не мне одному, – не календарного, а событийного начала нашего XXI века.*

– Имперский пыл может ослабевать. Мы ушли – вынуждены были уйти – из Афганистана. Оставили, отказавшись от своих амбиций и притязаний, Среднюю Азию, Закавказье. Но намертво вцепились в Северный Кавказ, в Чечню. Зреют конфликтные ситуации на Волге. Не случайно же секретарь совбеза Владимир Рушайло провел там недавно совещание по проблемам российской безопасности. Да и как было не провести, если открылось, будто бы исламские террористы проходили обучение не только за кордоном, но и совсем под носом – в Татарии и Башкирии.

– *Как в этом контексте выглядит проблема объединения России и Белоруссии в границах союзного государства?*

– России оно нужно из соображений стратегических, хотя я и не уверен, что они поняты правильно. А Белоруссии? В документах, подготавливающих объединение, много и пафосно говорится об исторической общности народных судеб, о родственной близости языков. Но ничего не сказано о развитии национальной культуры, национального языка в Белоруссии.

В Республике прошли недавно военные маневры. Президент Лукашенко в форме то ли маршала, то ли генералиссимуса руководил учениями по отражению агрессии НАТО. И доложил об успехах президенту Путину. А что полковник Путин? Принял победный рапорт всерьез или все-таки как игру? О том неизвестно...

– *На одном из пиков жарких российских дискуссий о едином союзном государстве покойный писатель Юрий Давыдов едко заметил: от объединения с Лукашенко – увольте, а объединяться с Василем Быковым всегда готов. Поддерживая, уточню: с Василем Быковым мы, в России, и не развеедились, а духовно и не разлучались.*

– Несколько лет назад я говорил в Минске на митинге: мы с Россией академика Сахарова, Сергея Ковалева. Но не с коммунистической Россией сталинистов.

– *К месту вспомнить давнюю полемическую статью нашего общего друга Александра Адамовича. Он давал резкую отповедь молодым литераторам, объявившим Достоевского и Толстого чужими, не своими классиками. Не пристало, мол, белорусам видеть в них вершины, на которые всем должно равняться...*

– В той статье и мысль Адамовича была не совсем точна. Хватит греться, взывал он, у своего хуторянского костерка. Но в том и драма белорусской культуры, что костерок не разгорелся в костер и опалиться его огнем никто не успел. В призыве Адамовича оппоненты увидели покушение на нашу национальную самобытность. Так со-

здавалась конфронтация, а она всегда не на пользу литературе, взаимопониманию литературных поколений.

– По высшему счету Адамович, по-моему, был прав. Ни одна литература не может развиваться сколь-либо плодотворно, если ограничивает себя межами только своего национального надела, избегает развернутых в ширь и в глубь связей с культурами ближних и дальних соседей, не признает их вершин ориентирами для собственного равнения. Но не будем о той давней полемике: со времени ее кануло уже немало лет и тогдашняя конфронтация себя исчерпала. Насколько могу судить со стороны, в Белоруссии пришла пора новых, куда более крутых литературных разборок...

– Но в основе их все те же печали и тревоги – большие проблемы национального чувства, самосознания, национальной самобытности культуры. Под бдительным приглядом президента волевым актом послушных ему чиновников и без какого бы то ни было предварительного совета с писателями заменены все главные редакторы литературных журналов. С чего начала свою деятельность новый главный редактор журнала «Неман» Нина Чайка, вознагражденная этой должностью за активное участие в предвыборной президентской кампании, когда она предводительствовала женским электоратом Лукашенко? С того, что сняла из очередного номера принятые до нее публикации Буравкина, Быкова, а также беседу академика Бориса Кита. Между прочим, это светило белорусской науки. По образованию математик, профессор, доктор философии и истории, вице-президент Международной европейской академии астронавтики... Ходят слухи, что она же намерена печатать роман Проханова «Господин Гексоген».

– Не слухи. Об этом она объявила печатно. А в кулуарах, но прилюдно добавила: пусть Быков научится писать, как умеет Проханов, тогда, возможно, мы и его тоже станем печатать... По счастью, такое обвальное бедствие белорусской словесности не грозит. Вот и приходится спешно ставить в номер российский «национальный бестселлер». Или того выше? По словоблудной аттестации первого прохановского друга и его заместителя в газете «Завтра», знаковый роман не года, не десятилетия, не столетия даже, а всего третьего тысячелетия! И не просто роман, а суворовский прорыв через Альпы, который отважно осуществил Проханов как третий после Шекспира и Достоевского имперский писатель. Правда, почему первые двое имперские, ума не приложу. Но мое неразумие – полбеды. Вся же беда в том, что и белорусам теперь светит приобщение к российской имперскости. Выходит, фантазмагории «огненных метафор» Александра Проханова им нужнее суровой правды военного и современного бытия в прозе Василя Быкова?

– Ну, что касается последнего, то его отлучили не только от «Немана». Никола Меглицкий, новый главный в «Полымя», поставил публикации Быкова в прямую вину своему предшественнику Сергею Законникову. В том числе публикацию рассказа «Труба». На него яро ополчился и писатель, который служит ныне в администрации президента, Эдуард Скобелев. Газопроводные трубы, уличал он, нужны народному хозяйству. А у клеветника Быкова до того дошло, что в трубу чело-

века заваривают... Между тем, случай такой был, я его не придумал... Президентского советника Скобелева оспорил Геннадий Буравкин и тут же поплатился за свою статью в мою защиту. Поехал на встречу с читателями, а выступление его, не посчитав нужным предупредить заранее, отменили.

– Значит, и он теперь под запретом?

– Такие запреты у нас – явление обыденное. Оно органично вписывается в духовную атмосферу, какая царит в Беларуси. «Чужих» запрещают и отлучают, «своих» пригревают и опекают. Как генерала Ускопчика, заместителя министра обороны Белоруссии. Он руководил штурмом вильнюсской телебашни, и литовцы требуют выдать его для следствия и суда...

– Закономерно требуют!..

– ..А Лукашенко «закономерно» не выдает. Зато его нисколько не волнуют исчезновения людей, укоренившиеся как метод тихой расправы с инакомыслящими оппозиционерами. Это документально подтверждено рапортами исполнителей. Не так давно у нас сбежали на Запад два прокурора. Увезли с собой документы, которые предали гласности, распечатали... К слову, в канун наших президентских выборов эти распечатки были пересланы Путину – никакой реакции.

– Доводилось слышать, что сегодня в Белоруссии детям случается расплачиваться за родителей, сыновья становятся ответчиками за отцов, как бы «заложниками». Не это ли высекло эмоциональный жаряд, послужило первотолчком повести «Болото», по существу повторяющей тему повести «Круглянский мост»? И там, и здесь при всей разности боевых обстоятельств в партизанском тылу лихие командиры жестоко и цинично жертвуют жизнями подростков.

– Новая повесть действительно в чем-то повторяет прежнюю. Но повторяет тематически, а не сюжетно. Сюжеты же обеих заданы множеством безысходных ситуаций партизанского героизма детей, от которого взрослые дяди, не будь они бездушными прагматиками, эапоренными пресловутой «пользой дела», не только должны, но и могли уберечь.

– А насколько вообще велика роль достоверного факта, доподлинного эпизода в сюжетах военной и не только военной прозы Василя Быкова? Спрашиваю потому, что помню твое недоумение: ранние повести «Измена» /«Фронтальная страница»/ и «Альпийская баллада», где почти все придумано и по событиям, и по характерам, критика хвалила за правду войны. А повесть «Мертвым не больно», которая писалась как воспоминание, там менее всего сочиненности, там почти все, что касается сюжета и обстоятельств, – документально», клеймили за искажение, извращение правды. И даже за очернение, клевету. Стоит напомнить нынешним молодым, дабы не облезчала с нашим уходом, не спрямлялась и не упрощалась история литературы – ни русской, ни белорусской: о «Мертвым не больно» как повести, идейно порочной, первым написал по заказу «Правды» тогдашний аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС Владимир Севрук, сделавший потом карьеру погромщика в идеологическом отделе ЦК. Его усилиями повесть не издавалась четверть века и после первой публикации у

Александра Твардовского в «Новом мире» была запретной даже для беглых упоминаний в перечнях. В послевоенскую бытность Севрука, сбежавшего в Минск и ставшего там советником президента не то по идеологии, не то по культуре, не то по той и другой вместе, мне довелось прочесть в его воспоминаниях, что он ничуть не раскаивается в его содеянном черном деле, напротив, сожалеет: поделкатничал, недостаточно приложил Быкова, надо бы крепче и резче. Но – много чести о Севруке, хватит с него и этой справки для молодых читателей нашей беседы. Поговорим лучше о повествовательных сюжетах – их доподлинности или придуманности.

– То, что случалось на самом деле, зачастую так или иначе входит в рассказ или повесть. Не обязательно фактографически. Скорее – в преображенном виде, меняющем и характеры, и обстоятельства.

Расскажу, к примеру, о драме недавно умершего поэта Анатоля Иверса. До войны он работал в слонимской районной газете. С началом войны редакция уехала, а на его семью не нашлось места. Из-за семьи он и остался в оккупации. Сначала жил молчком да тишком на хуторе. Но как-никак, а бывший советский работник, и партизаны вышли на связь с ним. Поставили задачу: надо внедряться. Внедрил в городскую управу, и взаимодействие с ним наладилось прочное. Кстати сказать, в местных управах тогда работали по заданиям многие. И сами внедрялись, и помогали другим внедряться. Благодаря своему положению не в самой оккупационной власти, но близко от нее, они могли способствовать некоторым партизанским акциям, помогать подполью, прикрывать его, содействовать освобождению заключенных, препятствовать массовым мобилизациям в Германию. Иверс работал в управе, а его друг Богданчик, тоже внедренный, ни мало, ни много – в следственном отделе СД... Так и шло своим чередом – оба делали одно дело, выполняли партизанские задания. В конце концов Иверса разоблачили, сам он выжил, но близких, из-за которых остался в оккупации, потерял. Богданчик же получил очередное задание: уничтожить семью хуторянина, которого за сотрудничество с немцами сочли предателем. Задание он выполнил, семью уничтожил. Убил всех, кроме малолетней девочки, которая, когда он появился на хуторе, успела спрятаться. Девочка выросла и спустя 20 лет опознала Богданчика, показав на него как расстрельщика семьи. Арестовали обоих – и Иверса, и Богданчика. Былых партизанских командиров, которые могли свидетельствовать в их пользу, не привлекали: кого в живых уже не осталось, а других и не старались отыскать. И никаких документов не сохранилось – не вели партизаны документацию по учету внедренных кадров. От Иверса потребовали разоблачить Богданчика, подтвердить его участие в преступлениях карателей. Он отказался. Из тюрьмы выпустили, но с работы выгнали. Пошел на смолокурный завод, где и зарабатывал на хлеб много лет. А Богданчику за измену родине и сотрудничество с гитлеровскими оккупантами впаляли 15 лет. В начале перестройки Иверс приезжал в Гродно, привез и показал бумагу из прокуратуры об отсутствии состава преступления. О судьбе же бывшего друга не знал ничего.

– Понимаю, Богданчик – жертва запредельно бесчеловечных обстоятельств. Но как бы там ни было, а собственноручно, по приказу расстрелять семью... Да пусть отец и вправду предатель, – дети-то при чем?

– А я спорю? О другом речь. О том, что гуманные обображения не по особому счету войны, которая обезценивает человеческую жизнь, включая и жизнь детей. Не положи Богданчик семью подлинного или мнимого предателя, сам бы ходил в предателях, впрочем, недолго: его убрали бы, не мешкая. А так в глазах партизан герой, не просто выполнивший боевое задание, но с риском для себя исполнивший долг, совершивший подвиг. К тому же уничтожение семьи списали на карателей-немцев. Как будто это что-то меняло в судьбе погибших детей, словно им от этого легче!..

– Так что, этой трагедией и подсказан, высечен замысел повести «В тумане»? Действие ее начинается с того, что два партизана выходят из леса с заданием расправиться с человеком, виновным лишь в том, что побитый да невредимый выпущен из гестаповского застенка...

– В какой-то мере. Или в той именно мере, в какой подозрения в предательстве и всегда скорые, но не всегда правые расправы с предателями, как подлинными, так и мнимыми, типичны для партизанского прошлого. А значит, и прототипичны. Но в повести важен еще один мотив: выпуская Сущенко, гестаповцы шахматно просчитали: партизаны сами уберут его как якобы предателя, но, убирая, дадут, может быть, возможность выйти на их след.

– А были ли «прототипические» реалии, направившие один из частей для Василя Быкова сюжетных мотивов: фронтовой случай сводит вместе советского и немецкого солдат, и каждый по-своему испытывается близостью врага, даже прямым общением с ним? Впервые, помню, в повести «Третья ракета»: обгоревший немецкий танкист, потеряв в беспамьятстве направление, приползает на позицию подбившей его «сорокопятаки». Иные ситуации, но тот же мотив непосредственной близости, прямого общения в повести «Мертвым не больно», некоторых других повестях. На этом целиком построен и давний рассказ, где два солдата, русский и немец, оказываются в подвале, заваленном взрывом бомбы

– Одна такая история случилась в полку, в котором я воевал. Произошло это в Венгрии, в погребе оказались немецкий обер-лейтенант и наш солдат. Оба ранены. И оба настороженно следят друг за другом, но не стреляют, потому что не знают, кто наверху. А наверху были немцы. Они и обнаружили в погребе обоих после боя. Немец перевязал нашего и спросил, куда он хочет: в плен или к своим.. Конечно, к своим! Его положили на плащ-палатку и перетащили ближе к нашим окопам, а дальше он сам дополз. Попал в госпиталь. И там по секрету рассказал кому-то, что и как с ним приключилось. После этого в полку его уже не видели. Сгинул. Ниточка к рассказу, пожалуй, отсюда.

– Помимо всего, и эта, и другие высвечивают еще одну сквозную тему – ужесточения морали, размыва нравственности. Война призвала к бдительности. Но бдительность свели к огульному недоверию. В предательстве, шпионстве подозревали всех и каждого.

– В самом начале войны я был очевидцем кошмарной сцены: разъяренная толпа линчевала человека, а до этого он спокойно читал газету на стенде. В руке тоже была газета: он прикрывался ею от солнца. Кому-то померещилось: шпион, подает сигналы самолетам. Тут же нашли аргумент: посмотри, какие у него ботинки. Ботинки же и впрямь не скороходовского производства. Он приехал в них из Львова, откуда был эвакуирован. Газету же, причем «Правду», читал по пути в военкомат – повестку о призыве нашли потом в кармане.

Это в войну. Но то же и после войны, уже в наши 70-е. Завели персональное дело на Алексея Карпюка. Даром что писатель, партизан, бежал из немецкого концлагеря. Откопали в каком-то архиве лагерную ведомость с его росписью о получении 15 марок. Что за марки, откуда? Он свою роспись признает, а объяснить ничего не может – забыл. Но раз от подписи не отказывается, значит, подтверждает, что сотрудничал с гестапо. Дело дошло до бюро ЦК КП Белоруссии. Там решили исключить из партии.

– Наверняка мстительно решили. В наказание за то, что без конца беспокоил власти всех уровней в Гродно, Минске, Москве, строптиво докучал своим неистовым правдолюбием.

– Машеров при голосовании воздержался и предложил направить дело на следствие. Тем временем в Гродно приехал польский журналист, знавший Карпюка по прошлому комсомольскому подполью, его атаковали анонимными звонками, предупреждали, чтобы не являлся с гестаповским прислужником. Но он не внял угрозам и докопался до правды. Злосчастные 15 немецких марок перевели на прокорм родственников Карпюка – в некоторых немецких лагерях такое допускалось. Начальство ему этих денег не выдало, но расписку потребовало. Потому он и забыл об этом. Такие вот дела шились людям, причем уважаемым, авторитетным, тем, кто на виду, уже не в войну и не в послевоенные сталинские, а в брежневские годы развитого социализма.

Коммунистическая идеология завела в тупик не только экономику, стержнем которой было бесконечное наращивание вооружений. Не в одночасье, а десятилетиями она разрушала и мораль, вытравляя в сознании людей христианские нравственные принципы. С последствиями этой тотальной потравы мы то и дело сталкиваемся и по сию пору, хотя нет уже ни СССР, ни КПСС с ее рулевой ролью ума, чести и совести эпохи. Взять полковника Буданова – явный преступник: надругался, убил. А Фемида проводит экспертизу за экспертизой, силась списать преступление на невменяемое состояние.

Нет, существовать в тисках коммунистической идеологии, и экономике развалившейся, и мораль, нравственность выхолостившей, было далее невозможно.....

– Стало быть, распад СССР – неизбежность истории, а не злонамеренные козни закулисно сговорившихся предателей, будь то Горбачев с Яковлевым или Ельцин с Бурбулисом?

– Национал-большевицкая пропаганда представляет объективный ход истории таким немудрящим образом: собрались трое в Беловежье, выпили едва ли не на брудершафт и спяну развалили «союз нерушимый».

Но будь он, в самом деле, нерушим, не развалился бы. А то, что развалилось по воле истории, реанимировать никакими стараниями невозможно. Думаю, это ясно осознавал Горбачев, которого я лично считал и считаю великим человеком. Он ведь мог применить против «беловежцев» силу. Не применил. Предпочел уйти. И ушел достойно, поступок неординарный.

– А в нашей отечественной истории первый. До него лидеры не уходили, а их уходили, если они до этого не отдавали Богу душу. И вообще, думается, для политического деятеля крупного масштаба вовремя уйти так же важно, как и прийти вовремя. Самый яркий тому урок дал, по-моему, де Голль. А после него Войцех Ярузельский, который также безошибочно почувствовал, что свое историческое дело он уже совершил, и дальнейшее пребывание во власти не пойдет на пользу ни ему, ни Польше. Пример Горбачева в этом ряду. Хотя на избрание президентом России он претендовал напрасно, заведомо обрекал себя на поражение.

– Мне памятна встреча Горбачева с интеллигенцией в 1988 году. На ней присутствовало человек двести. Для большинства из них был неожиданным его вопрос: что произошло в Минске? Произошло же вот что. В Белоруссии возник Народный фронт. А через день после его учреждения – праздник «Дзяды» с обрядами поминовения усопших. Тогда же открылась жуткая правда Курапат, и ожидалось шествие к этому месту массовых расстрелов. Народный фронт принял постановление: организацию он на себя не берет, но в Курапаты пусть идет каждый, кто считает это долгом памяти и совести. Все закончилось трагически – разгоном шествия, избиением демонстрантов. Генерал милиции, руководивший расправой, получил потом повышение. Еще бы: представил манифестацию как мятеж против перестройки. Виктор Астафьев назвал все это «штучками» КГБ и партийных властей. О таких «штучках» я и написал Горбачеву. Так что его вопрос на встрече был ответом на мое письмо..

Из книги Андрея Грачева, его пресс-секретаря, я узнал, какую роль сыграл Михаил Сергеевич в моей писательской судьбе. Оказалось, что обсуждение повести «Знак беды» стояло в повестке дня одного из заседаний политбюро. Чебриков заявил решительно: печатать ее нельзя. Горбачев возразил: нельзя не печатать. Демократическая струя снимет волну кривотолков, каких опасается КГБ. По существу, он санкционировал публикацию повести. Причем в противовес не только Чебрикову, но и Лигачеву: тот требовал снять сцены коллективизации если не из книги, то хотя бы из фильма, который ставил Михаил Пташук. А тем временем близились мое 60-летие. Слюньков, придя на место Машерова, утратил с Москвой, как отметить юбилей, чем наградить юбиляра. Горбачев настоял дать героя социалистического труда. И подписал указ. Я об этом, как говорится, ни сном, ни духом...

– Ну вот, а не к ночи упомянутые Владимир Севрук и Эдуард Скобелев, а также заедный с ними любимый автор «Советской России» и «Завтра» Евгений Ростиков простить не могут Василью Быкову этого «геройства», колют глаза и им, и лауреатством, и званием народного писателя Белоруссии...

– И еще моим депутатством, то ли не зная, то ли делая вид, будто не знают предыстории моего избрания. Меня выдвигали по союзному писательскому списку. Я не хотел, отказывался. На первом съезде народных депутатов, когда избирали верховный совет, написал записку о самоотводе. Горбачев посетовал, но самоотвод поддержал. Потом стали утверждать составы депутатских комиссий. Адамович подал заявку на две комиссии сразу, но ни в одну не попал. А я попал в комиссию по обороне. В Москву на заседания не ездил, да и будучи в Москве, ходил редко. Но однажды попал на заседание, которое оказалось сплошь антигорбачевским. Его обвиняли в предательстве, в развале армии, в том, что потакает писателям, которые придумали дедовщину. Писатели придумали!.. В знак протеста я ушел, не дождавись конца заседания. Рассказал обо всем услышанном Адамовичу, и он, выступая на съезде, обратился к Горбачеву: главная опасность, Михаил Сергеевич, не в межрегиональной депутатской группе, а среди генералов, которые дышат вам в затылок...

– *Часто вспоминаю рассуждения Адамовича: что бы и как бы ни стало дальше с Горбачевым, его историческая заслуга неоспорима. Он освободил нас от страха перед войной, заставил поверить, что третьей мировой с ее самоубийственными ядерными ударами возможно избежать.*

– А я подтверждаю это впечатлениями от поездки в США. В ней, кстати, был и наш покойный друг Игорь Дедков. Горбачев тогда выступал в ООН. И впервые говорил об общечеловеческих ценностях.

– *По-моему, не впервые. Еще до речи в ООН самое это понятие он ввел в текст приветствия международному Иссък-Кульскому форуму писателей, который созвал и вел Чингиз Айтматов.*

– Но озвучил впервые все-таки в ООН. Наверное, при поддержке А.Н. Яковлева, который по возвращении из Канады не раз заявлял, что русофобия изгнали понятие общечеловеческих ценностей, извратили, опознали их, приспособили под свой имперский, великодержавный шовинизм.

– *Похоже, мы увлеклись политикой. Вернемся поэтому к литературе. И, в частности, к волнующей меня теме культурного наследия, от которого нам сегодня не стоило бы отрекаться, напротив перечеркивая все, что создавалось в советские три четверти века. Что можно сказать в связи с этим о белорусской литературе советского периода?*

– Ее сегодняшнее восприятие не могло не измениться под воздействием многих и разных факторов. Например, включения в национальную культуру широкого потока эмигрантской литературы, давшей десятки талантливых поэтов и прозаиков. Не случайно появление посвященных ей глубоких и обстоятельных исследований Лидии Савик, Левона Юревича, других историков и литературоведов. Еще один фактор – новые имена в современной литературе и новые произведения, раздвинувшие былые тематические горизонты, снявшие прежние запреты на глубинные пласты народной истории. Такие, к примеру, как Слуцкое восстание 1920 года, которому посвящен роман Алеся Пашкевича.

Но все это пришло на заложенный фундамент,росло на подготовленной почве. И перечеркивать их огулом, как это делают иные молодые, было бы в целом несправедливо. Белорусская литература в советские и, особенно, в постсталинские десятилетия поднялась на уровень, какого раньше не знала. Прежде всего – поэзия 60-70-х, представленная именами Рыгора Бородулнна, Геннадия Буравкина, Анатоля Вертинского, Нила Гилевича, Василя Зуенка, Дануты Бичель-Загнетовой, Евгении Янищиц.

– *Благодаря или вопреки режиму?*

– Литература тогда чего-то стоит, когда не на поводу идет, а создается наперекор. Иван Шамякин творит в согласии со всеми режимами и чувствует себя уютно, комфортно при каждом.. Но в многотомном собрании его сочинений нет ничего, что стояло бы выше усредненной беллетристики. «Люди на болоте» Ивана Мележа – выделяю эту первую книгу его трилогии «Полеская хроника» – роман, созданный вне режима или во всяком случае вне его идеологием, социологизмов и прочих догматов. Потому и в литературе остался одним из ее обретенных. Таким образом, как сталинское, так и постсталинское поколения белорусской словесности дали писателей разных уровней и масштабов. Сейчас литература переживает, по-моему, не столько ослепительную, сколько ослепляющую вспышку постмодернизма. Вижу в нем дурное поветрие моды на формализацию стиля. В русской, да и в мировой классике самый не стилист, пожалуй, Лев Толстой...

Высшие обретения литературы противостоят тоталитаризму, оппозиционны ему. Но все-таки не вся литература и не общество в целом, даже не демократическая часть общества. Бывший президент США Картер посетил Кубу, встретился с Фиделем Кастро. И вынес впечатление: биологического оружия Куба не производит. Ну и что с того? Разве при этом кубинский режим перестает быть деспотическим? Демократия часто благодушна и безоружна в противодействии тоталитаризму, не ищет адекватных средств в борьбе с ним. А одной литературе найти их не под силу.

– *Что же, опять вернулись к политике?*

– Тогда и закончим ею. Белорусская литература, пусть не вся целиком, но ее значительная и авторитетная часть, сказала свое слово в защиту национальной суверенности. Но подлинного суверенитета в своей истории Белоруссия знала немного. Так почему бы не опробовать? Белорусско-российскому добрососедству это не должно помешать...

– *И все-таки нет – не политикой кончим. А тем, что заранее поздравляю тебя с близким уже – до 19 июня меньше месяца осталось – 78-летием. Наверняка знаю: к моему поздравлению задним числом присоединятся и редакция «Посева», и читатели журнала, на суд которых мы выносим нашу беседу. Да и не только они присоединятся, а все, кому дорог честный и совестливый, бескомпромиссный и мужественный талант писателя Василя Быкова и в твоей родной Беларуси, и у нас в России, и на многих других широтах и меридианах нашего неспокойного мира...*

Шлесс Вуперсдорф – Берлин. Май 2002 г.

ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РОССИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ДЕПУТАТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ АЛЕКСАНДРОМ ЧУЕВЫМ

Ответственный секретарь «Посева» **Г.Кокунько** встретился с депутатом Государственной Думы, председателем Российской Христианско-демократической партии **А.В.Чуевым**.

Александр Викторовичу 37 лет, он закончил Московскую государственную юридическую академию и Университет истории культур. Православный. Женат, имеет двоих детей.

В 1988-89 гг. А.Чуев - член Центрального Координационного Совета Демократического Союза, создатель и главный редактор газеты «Свободное слово», участник издания журнала «Бюллетень Христианской общности», вместе с А.И.Огородниковым - газеты «Вестник Христианской Демократии» и Христианско-Демократического Союза России; в 1989-90 гг. - заместитель председателя ХДСР.

В мае 1990 г. А.Чуев стал одним из инициаторов создания Российской Христианско-Демократической партии, которую и возглавляет до настоящего времени. В 1999 г. избран депутатом Госдумы РФ, является заместителем Председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций. Член фракции «Единство».

Недавно съезд Российской Христианско-Демократической партии привел ее, в соответствии с требованиями нового Федерального закона «О политических партиях». В отличие от многих организаций, действующих с начала 90-х годов, РХДП практически не вносила изменений в программные документы. Значит ли это, что, по мнению РХДП, за последнее десятилетие в обществе произошли слишком незначительные перемены к лучшему?

РХДП существует уже 12 лет, и, как консервативная партия, приучилась к уважительному отношению к своим программным документам. Мы идем на их изменение только при крайней необходимости. Согласитесь, когда программа партии то и дело переписывается, это наводит на мысль о неустойчивости убеждений.

Наша первая программа, принятая еще до августа 1991 года, относилась к иному историческому периоду, и замена ее была вызвана политической необходимостью. Новая программа – это несколько модифицированный вариант второй программы РХДП «Духовное возрождение Отечества» 1995 г. В ней в той или иной мере отражены основные проблемы нашего общества, прошедшие через резкий слом привычной организации.

Конечно, далеко не все, что хотелось нам осуществить в своей деятельности и в развитии российского общества, было сделано за прошедшие годы. И задачи, которые мы ставили перед собой прежде, остаются для партии на повестке дня. Но все же нельзя сказать, что никаких перемен к лучшему в обществе не произошло. Чрезвычайно важно, что Церковь свободна и может открыто осуществлять свое служение, созданы условия для реализации права на свободу слова, Россия стала более открытой миру, складывается многопартийная система, экономические реформы привели к созданию рынка, правовые реформы расширяют роль суда, ограничивая административные решения. Однако эти изменения носят половинчатый характер, часто не завершены, иногда принимают извращенный характер – и, значит, нам нет причин принимать некую радикально новую программу.

Особо отмечу такие проблемы: под словом «светское государство» до сих пор подразумевается государство атеистическое; крупные средства массовой информации монополизированы политическими и экономическими группами; в Россию хлынули второсортные произведения массовой культуры; партии пока не установили прочный контакт с избирателями, и партийная палитра страны меняется с каждым выборами; до сих пор не создан свободный рынок, не сформировалась национальная предпринимательская элита, продолжается передел собственности; работа судов оставляет желать лучшего...
Важнейшая проблема современной России - непомерная цена, заплаченная за реформы, обеднение значительной части населения, потеря многими надежды на будущее, разрастание аморализма и потребительского отношения как к своим согражданам, так и к обществу в целом.

Какими Вы видите основные цели и задачи партии в ближайшее время?

Наша цель – укрепление рядов, создание условий для ознакомления наших сограждан с принципами и целями партии, участие в региональных выборах и подготовка к выборам в Госдуму. Стала регулярно выходить газета «Христианская политика» - мы хотели бы превратить ее в массовую, ориентированную не только на членов партии.

Среди первоочередных законодательных инициатив – закон о социальном партнерстве государств и традиционных религиозных организаций России (такое название в ходе обсуждений и доработки получил этот законопроект), направленный на расширение их участия в жизни общества, в решении социальных проблем. Готовится и проект под рабочим названием «Общественный Кодекс», в котором мы пытаемся систематизировать правовые нормы, относящиеся к деятельности некоммерческих организаций в современной России.

Мы готовим также ряд круглых столов в Думе по наиболее серьезным проблемам общества. Два из них уже

прошли – по проблемам инвалидов; семьи, детей и молодежи.

Каким представляется Вам место РХДП в политическом спектре страны? Судя по принятым документам, она гораздо ближе к традиционному представлению о правых, нежели к политическому центру. Во всяком случае, во многом «правее» СПС или «Яблока»...

В Европе христианские демократы занимают правый центр, выступая в защиту традиционных ценностей: семья, религия, традиции, уважение к частной собственности, национальным задачам государства; во многих странах они вступают в блоки с консервативными партиями (английские консерваторы образуют с христианско-демократическими партиями единую фракцию в Европарламенте). Важную роль в программах христианских демократов занимают социальные проблемы, причем европейские правые дают иные способы их решения, нежели социалисты и социал-демократы, видя не только материальную, но и духовную сторону социальных проблем. Таким образом, европейские правые скорее консерваторы, чем либералы, – собственно либеральные партии не выходят за рамки 7-8 % голосов избирателей (например, СвДП в ФРГ).

Не думаю, что российские христианские демократы сильно отличаются от своих коллег в других странах, и все вышесказанное про консерваторов относится и к нам. Другое дело, что пока мы не можем похвастаться такой же мощной поддержкой избирателей. Но это не удивительно – в России, по существу, лишь формируется гражданское общество, те социальные группы, средний класс, на который традиционно опираются европейские правые.

Как стало известно, Министерство юстиции отказало Российской Христианско-Демократической партии в перерегистрации. Чиновники сочли, кажется, что ее название не соответствует требованиям закона «О политических партиях»...

Вот дословный текст обоснования отказа: **«Наименование политической партии не соответствует требованиям Федерального закона «О политических партиях». Наличие в наименовании словосочетания «христианско-демократическая», где базовым словом является слово «христианско», указывает на признак религиозной принадлежности, что нарушает требования п.3 ст.9 Федерального закона «О политических партиях».**

Это некая случайность, чисто формальная придирка или чья-то попытка устранить с политической арены вашу партию? Политический наезд, так сказать? И что вы намерены предпринять? Вряд ли ведь партия захочет менять свое название?..

Придирка, наезд – сказать не могу. Не знаю. Гадать бессмысленно. Лучше вернуться к формально-юридической стороне вопроса.

Мы не согласны с процитированной трактовкой закона «О политических партиях» Министерством юстиции. Вот текст этого Федерального закона. Читаю тот самый пункт 3 статьи 9-й, на который ссылаются чиновники: *«Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности.*

Под признаками профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности в настоящем Федеральном законе понимается указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии.

Политическая партия не должна состоять из лиц одной профессии».

Таким образом, дело не в **названии** партии, а в том, **содержатся ли в ее уставе и программе цели защиты религиозных интересов!** В нашей же программе, уставе и наименовании таких положений **не содержится**. Христианская демократия – не новое религиозное течение, а сложившаяся в мире светская политическая идеология, основанная на христианских нравственных ценностях.

Мы, конечно, будем отстаивать свои права в суде.

Вообще-то говоря, не вполне, на мой взгляд, справедлива сама процитированная норма закона – даже если допустить, что ее и верно применили в данном случае!..

Между прочим, говоря теперь о неформальной стороне проблемы, я был одним из немногих депутатов Госдумы, выступавших против ограничений в создании партий по религиозным или иным признакам. Такое ограничение противоречит правам на объединение и на участие в управлении государством, гарантированным Конституцией России. Однако мои аргументы натолкнулись на объединенное противодействие депутатов из либеральных фракций, стремящихся доказать свою приверженность «современным западным ценностям», и коммунистов, выступающих против всего, напоминающего о возрождении традиций России. Возможно, законодатели боятся создания радикальных партий, в том числе мусульманских однако разве юридическими запретами делу поможешь? Ведь ничто не мешает создать партию с вполне нейтральным названием, на деле превратив ее в конфессиональную или национальную. Заставляя такие партии скрывать истинные намерения, мы просто загоняем проблему внутрь, одновременно повышая уровень неискренности в политике.

Это не значит, что я являюсь сторонником конфессиональных и национальных партий, но и запрещать их, если они действуют в рамках закона, не вижу оснований. Впрочем, это уже тема для Конституционного Суда.

Вернемся к политической ситуации в стране. Как сейчас Вы оцениваете свое решение выступить перед прошлыми выборами в Думу соучредителями блока «Единство»? Видите ли Вы ее очередной попыткой чиновников создать «партию власти» или же «Единая Россия» действительно имеет шансы стать основой центристской партии?

Предвыборный блок «Единство» мог стать центристской партией, имея поддержку не только Президента, но и избирателей, разочаровавшихся в существовавших политических силах. Мы как раз полагали, что он может развиваться как партия правого центра, опираясь на традиционные консервативные взгляды. Но, на мой взгляд, идет лишь механическое слияние сил с различной структурой, создающее параллельность в управлении партией и размывающее ее позицию, особенно слева.

До сих пор, как представляется, не определена четкая политическая платформа партии, определяющая ее положение в политическом спектре. Она в большей степени продолжает ориентироваться на эксплуатацию своей близости к Президенту, чем на определение социальных групп населения, на которые ей предстоит опираться. Кроме того, как ни парадоксально, но в «Единой России» нет жесткости, возможности эффективного управления, несмотря на близость к власти.

«Единая Россия» пока продолжает оставаться скорее предвыборным образованием, нежели партией. На очередных выборах «Единая Россия» получит достаточный процент голосов, хотя и несколько меньше ожидаемого.

Каковы в этой связи ваши планы на предстоящих выборах – останется ли РХДП в составе блока или попытается сформировать собственную фракцию?

Мы предполагаем выйти на выборы в составе одного из блоков. Какого - сейчас еще рано говорить конкретно. Посмотрим, какие вообще будут складываться блоки. Хотелось бы найти партнеров по коалиции, разделяющих правоконсервативные в традиционном понимании взгляды.

В майском номере «Посева» было интервью с А.А.Кара-Мурзой – одним из лидеров СПС. Он выдвигает концепцию почвенного либерализма, сочетающего патриотизм, традиционно правые принципы с демократическими, либеральными (соглашаясь с «неправизной» своего СПС). Однако формирование действительно правой политической силы он связывает все-таки именно с СПС. Не думаете ли Вы о более тесном сотрудничестве с теми, кто, в том числе, в рядах нынешнего СПС разделяет ваши взгляды?

У РХДП и СПС слишком разные избиратели.

В этой связи поясните свою позицию по реституции – ведь отношение к ней во многом определяет степень «правизны» той или иной политической организации. Вас знают как едва ли не единственного в Думе ее сторонника, инициатора разработки законопроектов о возвращении собственности ее историческим владельцам и их наследникам.

Мною был подготовлен проект закона о частичной реституции имущества, национализированного советской властью. Касался он лишь имущества, находящегося в запущенном состоянии, но даже в таком усеченном виде не получил поддержки. А ведь неопределенность статуса собственности в современной России может стать серьезным препятствием на пути экономического развития. Мы хотим доработать закон с учетом современных политических реалий и снова внести его в Государственную Думу. И вот тут понадобится самое тесное сотрудничество с теми в рядах СПС или «Яблока», кто на него готов. Возможно, для проведения нового варианта законопроекта понадобятся неожиданные политические предложения.

Мы рассматриваем реституцию не столько как экономический акт, сколько как шаг к восстановлению правопреемственности России, возвращение ее на путь, с которого она свернула в начале 20-го века. Пусть это дело не завтрашнего дня, и потребует оно огромной и

очень тяжелой подготовительной работы, но решать этот вопрос необходимо.

Насколько Вам представляется реальным разрешение его в обозримом будущем – хотя бы с одной юридической точки зрения?..

Сам по себе вопрос сегодня далеко на периферии политических дискуссий и остается маловажным для всех, кроме некоторых общественных организаций (в основном сословных – потомков купцов, дворян, казаков). Типичный аргумент против - «а так ли уж это нужно?» Общественное мнение уже принимает реституцию церковной собственности; но вот нужна ли реституция для физических лиц? Неужели нельзя восстановить историческую правопреемственность государства без новых переделов собственности и социальных потрясений?

Говоря сугубо теоретически, можно. Однако Россия все еще напоминает человека, страдающего почти полной потерей памяти. Может ли он отказаться даже от малозначительного воспоминания? И реституция - как воспоминание об истинной России, как способ восстановить хоть малую часть утраченной памяти - является общественной потребностью.

Наиболее часто употребляемый довод в пользу реституции, что право частной собственности ни при каких условиях не может быть нарушено. Утверждение это верно лишь отчасти. Любое право, в том числе «священное» или «естественное», принадлежит человеку, живущему в обществе. Для защиты его человек прибегает к помощи общества.

История знает реформы, в массовом порядке нарушавшие право частной собственности – и признанные благотворным вмешательством. Один из ярких примеров – реформа Солона в Афинах. Это VI век до Р.Х.!

В греческих полисах давались кредиты под обеспечение личной свободы должника и членов его семьи. С формальной точки зрения весьма последовательный, этот порядок неизбежно вел к социальным противоречиям, и решением власти были ликвидированы значительная часть долгов, лежавших на крестьянских хозяйствах, и сам институт долгового рабства... Здесь видны условия проведения подобных реформ – **действия в интересах спасения всего общества**. Права одних граждан пришли в непримиримое противоречие с правами других и привели к вмешательству публичной власти для их урегулирования.

Еще примеры - освобождение в США негров Авраамом Линкольном или крестьян в России Александром II Освободителем.

Были ли вынужденной необходимостью для спасения общественного организма действия советской власти? Несомненно, нет! Более того, именно эти меры привели к параличу хозяйственной жизни России!

Меры советской власти были конфискацией, основанной на тезисе, что быть собственником – преступление. Действующее же законодательство не предусматривает наказания за подобного рода «преступления». В данной ситуации неприменим и аргумент о сроке давности, так как все это время ни собственники, ни их наследники не могли в законном порядке предъявить свои права на принадлежавшее им или наследуемое

имущество. С точки зрения действующего права, надо путем соответствующих процедур признать законность советских декретов или начать реституцию!

Возможен ли некий компромисс между крайними позициями в вопросе о реституции?

Любое ограничение права, как и восстановление его, всегда должно быть **общественно приемлемым компромиссом**.

В принципе, конечно, можно объявить всех, кто владеет или пользуется сегодня имуществом, подлежащим возвращению, недобросовестными приобретателями (они, мол, должны были знать о незаконности советских декретов). Однако исполнение такого решения было бы затруднительным и несправедливым! Эта попытка вычеркнуть 80 лет из истории страны не просто возложила бы на отдельных лиц ответственность за все деяния власти, но и породила новую несправедливость при исправлении старой.

Должно быть признано **право нынешних владельцев** на восполнение понесенных ими расходов по поддержанию имущества в должном порядке. Возможно, распространенным способом восстановления прав законных владельцев станет придание им прав совладельцев имущества.

Кстати, мы не первые обращаемся к подобной проблеме. Обустройство постсоветской России, в том числе и реституция, широко обсуждались в Белом Движении и русской эмиграции. Есть и практический пример - деятельность Правительства барона Врангеля. Очень интересен опыт его земельной реформы, приведшей к быстрому подъему хозяйства. Да и в 20-х годах сама советская власть пыталась проделать нечто вроде возврата собственности законным владельцам в рамках так называемой «демуниципализации»...

Вернемся к важным для РХДП вопросам – о взаимоотношении с Церковью, о роли РПЦ в построении в России гражданского общества...

Напомню, что мы не являемся клерикальной партией, РХДП – светская организация, открытая для всех, кто разделяет наши убеждения. Однако вопросам духовным и нравственным мы придаем большое значение. К сожалению, наследие советской пропаганды в обществе не преодолено. Еще раз повторю: им все еще фактически ставится знак равенства между понятием светское и атеистическое! Отсюда и настороженное отношение значительной части образованного сословия, так или иначе влияющего на формирование общественного мнения, к Церкви.

С этим довелось столкнуться в ходе подготовки к проведению Гражданского Форума осенью 2001 г. В любой стране мира, пожалуй, религиозные организации были бы приглашены на него, как одна из составляющих гражданского общества. В Германии, например, на двух основных религиозных организациях - Католической и Евангелической Лютеранской Церквях - лежит значительная часть социальной работы общества, начиная с детских садов и кончая тюрьмами. Но наша попытка убедить организаторов Форума в необходимости привлечь религиозные организации и к его организации, и к участию, ни к чему не привели. Так весьма значительная часть нашего общества, притом наиболее почвенная, была изначально как бы «исключена» из гражданского общества. А само общество было разделено «по религиозному признаку». В чем, не в последнюю очередь, причина того, что Гражданский Форум до сих пор не получил дальнейшего развития.

РХДП подверглась критике ряда политических сил и средств массовой информации, ставя вопрос о сотрудничестве государства с традиционными религиозными конфессиями. Нас обвинили чуть ли не в том, что, вводя понятие «традиционная конфессия», мы хотим ограничить право сограждан на свободу совести и вероисповедания! Однако задача законопроекта - расширить возможность для участия традиционных конфессий России в жизни нашего общества.

Какими Вы видите возможности сотрудничества с НТС и «Посевом» – в частности, может быть, и в формировании будущего правового движения?

Мы уже сотрудничаем: на страницах «Посева» появляются материалы, подготовленные членами нашей партии, в ряде регионов между РХДП и НТС налажены тесные рабочие контакты по многим вопросам. Как пример упомяну наше общее участие в установлении памятной доски А.В.Колчаку в Санкт-Петербурге. Можно здесь вспомнить и достаточно тесное наше сотрудничество в рамках содействия работе Комитета за историческую правопреимственность России...

Мы высоко оцениваем роль «Посева» в деле просвещения. Особенно ценны для нас НТС и «Посев» как информационный канал, через который можно обратиться к русской эмиграции. Сотрудничество в собирании оказавшегося в рассеянии русского народа мне хочется выделить как важнейшее направление совместной работы. Хотелось бы рассчитывать и на поддержку членами НТС наших кандидатов на предстоящих выборах разных уровней.

Готовится к печати третье издание первого выпуска библиотечки россияведения

«Коммунистический режим и народное сопротивление в России. 1917-1991»

Под редакцией Б.С. Пушкарева.

Под таким названием в середине октября 1997 г. вышел в свет спецвыпуск журнала «Посев», посвященный осмыслению событий отечественной истории 1917-1991 гг. Его содержание – обвинительный акт преступлениям коммунистического режима, хроника народного сопротивления (перечислено 210 наиболее характерных его вех. Подобная сплошная хронология в литературе дается впервые), анализ последствий владычества большевиков и возможные варианты иного развития событий (их приведено 10).

80 стр., мягкая обл., цена договорная.

Заказы направлять по адресу: 103051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

Юрий Каграманов

ТРОЦКИЙ: «ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ?..»

Рис. Ю. Анненкова

За успехом Жана-Мари Ле Пена на президентских выборах во Франции остался практически незамеченным другой не менее сенсационный факт: успех троцкистов. Кандидаты от трех партий, называющих себя троцкистскими, – «Рабочая борьба», «Коммунистическая революция» и «Партия рабочих» – собрали в общей сложности 10,6% голосов избирателей, втрое больше, чем кандидат от «партии Тореза», которую в Москве всегда считали «главной» из западных компартий. Основную часть голосов получила лидер «Рабочей борьбы» Арле Лагийе, «пламенная», как Теруань де Мерикур (жрица любви, ставшая одной из самых известных деятельниц революции 1789-94 гг), но, в отличие от нее, девственница (уже в летах), пренебрегшая личной жизнью ради борьбы за счастье мирового пролетариата.

Итак, с огромным запозданием осуществляется мечта Троцкого, с которой он покидал СССР в 1929 г.: отбить у сталинцев мировое коммунистическое движение. При жизни этого ему сделать не удалось, несмотря на все усилия. Зарубежные, французские в частности, коммунисты видели в советской компартии мировую силу и не хотели иметь дело с человеком, ставшим маргиналом, пусть и с «громким» именем», так что ему пришлось довольствоваться небольшими группами сохранивших ему верность последователей. Что сегодня кажется особенно удивительным: как могли знаменитые писатели, художники, ученые так слепо верить Сталину? Ведь и сквозь опустившийся железный занавес просачивалась информация, которая никак не могла удовлетворить людей даже с левыми взглядами. Видимо, им так была дорога иллюзия «победившего Октября», что все несовместимые с нею факты отскакивали от них как горох от стенки.

Фактически только со сменой поколений стал возможен разрыв с традицией сталинизма. И тут «заполнить пустоту» явился Троцкий. В канун выборов газета «Монд» опубликовала интересные данные опроса, проведенного среди молодых избирателей в возрасте от 18 до 24 лет. Подавляющее большинство их собиралось отдать свои голоса левым. Притом наибольшую симпатию у них – примерно у 60% – вызывала «пламенная Арлетт». Правда, проголосовать за нее намеревалось только 14%; остальные, видимо, поосторожничали. На вопрос о «властителях дум» молодые люди первым назвали Ганди и вторым Троцкого. При всей несхожести есть у этих двоих и нечто общее: Ганди «представляет» «III мир», а Троцкий, кажется, первым из коммунистических деятелей «повернулся лицом» к неевропейскому («третьемирскому») пролетариату как подающему большие надежды в смысле революционной активности.

Не знаю, насколько троцкизм «тов». Лагийе, равно как и ее товарищей, соответствует взглядам основоположника. Некоторые ее высказывания свидетельствуют, что не вполне соответствует. У «тов». Лагийе, например, вызывают симпатию участники кронштадтского восстания 1921 года, приказ о подавлении которого отдал... именно Троцкий. Помнится, еще в 30-х известный троцкист Виктор Серж (французский писатель русского происхождения) разошелся в этом пункте со своим кумиром. А нынче спонтанный революционизм того типа, что продемонстрировали участники кронштадтского восстания, особенно подкупает молодежь, со вкусами которой нельзя не считаться.

Молодежь во Франции традиционно левая – это у нее возрастное. С течением времени скороспелые леваки в большинстве своем постепенно превращаются в законопослушных тартаренов, обеспечивающих победу правым, как это произошло на последних выборах (президентских и парламентских). Но есть многочисленные стойкие кадры, никогда левым убеждениям не изменяющие; среди них – «интеллектуалы левого берега» (парижского Латинского квартала). Многие из них теперь склонились к Троцкому. Выступая за мировую революцию, они, наверное, полагают, что и в случае ее победы им будут подавать на десерт именно тот сорт сыра (один из двухсот имеющихся в наличии) и именно ту марку вина (одну из не знаю скольких), к которым они привыкли и без которых не могут обойтись. Или, может быть, они в мировую революцию не верят и именно потому заявляют себя ее решительными сторонниками?

Это о них писал Жорж Бернанос: «Французский интеллектual говорит и делает столько глупостей, что его априори следует принимать за глупца, откуда он не сумеет доказать обратное».

Задумываешься над тем, что Троцкого и на родине еще рано сбрасывать со счетов. Вполне вероятно, что выпавшая ему причудливая линия судьбы (прижизненной и посмертной) готовит какие-то новые сюрпризы. Пока что она остается по отношению к нему «несправедливой». Оболганный со всех сторон и «навечно» проклятый сталинцами, Троцкий испытал на себе некоторый проблеск внимания в короткое время «перестройки» и снова отступил в тень – никому не нужный и не интересный. Но, может быть, так будет не всегда. Демоническая фигура в островерхом шлеме и стрелецкой шинели еще может быть «мобилизована и призвана». Есть некоторые основания так считать.

Нынешняя КПРФ, вышедшая из сталинского сапога, явно вошла в стадию разложения. Принцип единства, которого она еще придерживается, основан на вынесенном из советских времен убеждении, что существует одна-единственная, правильная дорога, по которой народ за своей долей идет; а где эта дорога пролегает, решает головка партии. Но на втором десятилетии послесоветского развития становится очевидно, что головка не знает, куда вести. Поэтому люди чешут затылки и начинают думать самостоятельно, а, коль скоро это так, значит разброд неминуем.

Тем более чувствует себя свободной в выборе молодежь, тяготеющая к коммунистической идее. И, к сожалению, молодежь эта достаточно многочисленна. Нежелание или неспособность правящего класса строить «капитализм с человеческим лицом» (я говорю о правящем классе, а не о политическом руководстве и во всяком случае, не о президенте, который, по моему впечатлению, делает в этом смысле, что может) оборачивается подспудной радикализацией значительной части молодежи. Какие-то птенцы опереются сейчас на вылет, и можно не сомневаться в том, что красный цвет будет преобладать в их оперении. Удивительно ли? Позади осталась целая историческая эпоха, которая хватает и долго еще будет хватать живых. Вместе с тем, молодые люди гораздо более самостоятельны и умеют по-своему различать запахи советской жизни, в отличие от старших поколений, воспринимающих их в одном «букете».

В этой перспективе подлинный «автор» Октябрьского переворота и создатель Красной армии имеет, мне кажется, неплохие шансы на «возвращение».

Что такое троцкизм и отличен ли он чем-нибудь от ленинизма? Сам Троцкий, как известно, отрицал, что он в чем-то отступил от Ленина и самое слово «троцкизм» брал в кавычки. Историк В. Роговин на протяжении 90-х написал, по меньшей мере, четыре книги, в которых вполне убедительно, с коммунистической точки зрения, доказывал, что между Лениным и Троцким не было никаких глубоких разногласий, а были только тактические разногласия; да и те, если считать от весны 1917 г., случались нечасто¹.

И все же это еще не значит, что можно приравнять троцкизм к ленинизму. Троцкизм – это феномен в ис-

тории партии *после* смерти Ленина, но нам не дано знать, как повел бы себя Ленин, если бы остался жить и при этом сохранил рассудок. Твердо можно сказать, что он не пошел бы по пути Сталина. Но какую позицию он занял бы в противостоянии «левых» (троцкистов) и «правых» (бухаринцев), можно только гадать. Разница между ними была в том, что левые продолжали преследовать фантом в его «чистом» виде, тогда как «правые» пытались как-то примирить его с реальностью. Кто из них «лучше» и кто «хуже», сказать невозможно; те и другие хуже.

Объединяло «правых» и «левых» то, что они были «идейные», в отличие от возглавлявшегося Сталиным «центра», просевшего, по выражению Троцкого, «на собственный зад». Льву Давыдовичу казалось, что политика партии решается на уровне идей, поэтому главным противником он долгое время считал «Балаболкина» (Бухарина), а не «мастера» (Сталина), который умел действовать только «подколенно-бюрократическим порядком», а в идейном смысле был «ни то, ни се, а черт знает что такое». Теперь мы знаем, что решающей силой оказался именно зад.

В «Стране негодяев» Есенина Чекистов, в которого, несомненно, вложены некоторые черты Троцкого, так характеризует сам себя: «...обладающий даром Укрощать дураков и зверей»². Это самопредставление Чекистов адресует Замарашкину – красному «добровольцу», видимо, отнесенному к числу укрощенных. Самоуверенность Чекистова отражает самоуверенность Троцкого, свято верившего, что никакие «косные силы», откуда бы они ни исходили, не смогут остановить победное движение коммунистической идеи. Троцкий недооценил способность замарашкиных к упрямому самостоянию в тех пределах, которые были им доступны и понятны. И, шире, недооценил «дыханье почвы и судьбы» – в данном конкретном случае тяжелое и нечистое.

Когда он спохватился, было уже поздно. «Глупость, – негодювал Троцкий из Алма-Аты, куда был отправлен, по его выражению, «обогревать старые места царской ссылки», – наглет и, оскалив гнилые зубы, глумится над всякой попыткой серьезного обобщения. Чувствуя, что поле за ней, она начинает орудовать своими средствами»³. Что-то, а зубы у глупости как раз были здоровые и крепкие, и она легко перегрызла с костями равно «правых» и «левых» со всеми их турусами на колесах.

Вот чем может привлекать Троцкий коммунистически мыслящих людей: он воплощает «романтический» этап революции, изначальную «чистоту замысла», «незапятнанность» идеи, еще не извалынной в сталинских непотребствах, не сращенной со всякого рода привходящими обстоятельствами и просто глупостями, налипшими на нее «по ходу дела».

Повторяю: *может* привлекать. На самом деле «романтического» этапа у нас не было. Как писал А. Аверченко («12 ножей в спину революции»), вместо «свер-

¹См., в частности: Роговин В. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М. 1992.

²Собр. стихотворений, т.3. М. 1926, репринт 1992, с.154.

³Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. М. 1995, с.166.

кающей прекрасной молнии», по французскому образцу, мы получили «дрянь, копоть и мрак». Это, во-первых, а во-вторых, Троцкий имеет прямое отношение к последующему развитию революции на том ее этапе, когда он был не у дел, а потом в изгнании. Для него самого стал величайшим сюрпризом переход «центра» в 1928-30 гг на «позиции троцкизма» (насилованная коллективизация, ускорение индустриализации, возврат революционного аскетизма). Вообще-то многое из того, что происходило в коридорах власти, он понял правильно (и, кстати говоря, его поздние сочинения – дубинка, которую побивается сталинизм; и, наоборот, сталинизм как явление – дубинка, которую насмерть забивается ленинизм-троцкизм или ленинизм и троцкизм, если это разные вещи); но вот этого понять не мог. Если Сталин, как он правильно считал, ведет дело к Термидору, тогда зачем ему вдруг захотелось «полакомиться троцкизмом»? Троцкий не уловил или, во всяком случае, не до конца уловил специфику русского Термидора: далекий от «революционного идеализма», новый класс управленцев воспользовался планами Троцкого (еще ужесточив их) для утверждения *своего* господства.

Или возьмите сферу общественного сознания: и здесь Троцкий был «с нами» до самого конца советской эпохи. Если бы «советскому человеку», воспитанному в ненависти к самому имени его, дали почитать его извлеченные из самых глубоких глубин спецхранов сочинения (кроме, конечно, тех, в которых автор полемизирует со Сталиным или в дореволюционные годы Лениным), предварительно выдрав у них титульный лист, он ни в жисть не догадался бы, что перед ним злейший враг. Напротив, он нашел бы Троцкого таким же «родным», как и «Ильича»; даже еще более «родным», потому что Троцкий писал и говорил (сохранились пленки с записью его речей) ярче, проникновеннее. Проваленный в тартарары, он продолжал жить в душах «советских людей» – как Скрытый Имам. И здесь замарашкины, ставшие правящим классом, сумели всех перехитрить: они укротили революционный огонь, зажженный не в последнюю очередь Троцким, и заставили его себе служить.

Таким образом, «алиби» Троцкого по отношению ко всему тому, что делалось в нашей стране после 1927 (или даже 1924) года, весьма относительно. Но формально оно есть, и кто-то на этом может сыграть. И еще, наверняка, сыграл.

Личные черты Троцкого также дают ему некоторое преимущество в сравнении со Сталиным и даже в сравнении с Лениным. Троцкий не был гнусным злодеем, каким был (или, точнее, до которого развился) «мастер»; злодейства революционных лет, к которым он причастен, и по объему-то намного меньше сталинских (особенно если не иметь в виду стихийные, а только организованные злодейства). И, главное, совершались они «ради идеи», а не ради каких-то личных корыстных целей. Плоть от плоти «ордена» интеллигенции, Троц-

кий лично был «порядочен» и почти бескорыстен. Извергом он был, да, но кознодеем и садистом просто не мог стать.

И Ленин в чем-то проигрывает Троцкому. Юлящий, картавый (у Троцкого речь почти как у актеров Малого театра), весь в «добрых» морщинках, с пресловутой «хитринкой» в глазу, он совсем не выглядит героем (впечатление априори его боготворивших и впервые увидевших его людей, как правило – некоторое разочарование). Троцкий – настоящий «вождь», прямой и несгибаемый, как Сен-Жюст. Не говорю уже о том, что Ленин основательно поднадоел бывшему «советскому человеку», был им растаскан на бесчисленные анекдоты и продолжает мозолить глаза всевозможными памятниками. Троцкий – вечный изгнанник, и по сей час не возвращенный из изгнания, способен что-то сказать коммунистическому сердцу, чего уже не скажет «Ильич»⁴.

Кое-чем Троцкий как будто способен и оттолкнуть нынешнюю молодежь – а именно своим «просветительским» апломбом, верой в слово, становящееся «плотью». Слишком уж ныне силен козлий дух, исходящий, как заметил еще О. Мандельштам, от врагов слова. Но ведь почему-то стал Троцкий «властителем дум» у молодых французов – в стране, которая первой взбунтовалась в 68 г. против «излишней» вербальности и «чрезмерной» серьезности. Видимо, у них какой-то «свой» Троцкий, непримиримо враждебный по отношению к буржуазии, но с протестующей молодежью снисходительно-панибратский.

И все же хочется верить, что «возвращение» Троцкого, по французскому примеру, если оно у нас состоится, не будет сколько-нибудь масштабным. Все-таки у нас другой опыт. У французов их главная революция, во многом задавшая тон последующей истории, еще содержала некоторые позитивные начала, а раны, которые она нанесла национальному сознанию, были не столь заметны на фоне восходящего движения гуманизма (еще близкого к своим христианским истокам). Русская революция была не столько революцией (понятие, которое, вообще говоря, может означать прорыв органических творческих сил общества), сколько *смутой*. Слово Троцкого, как и Ленина, вызвало к жизни силы небытия, и это процесс тем более губительный, что он связан с общим, европейским и мировым, ухудшением антропологического «фона». Никто не нанес России больше вреда, чем эти два «волнователя народов», два «идеалиста», за каждым из которых ходило по семь приставных бесов. Ленин и Троцкий – имена русского несчастья, и чем более широкое признание получит это, тем больше надежды, что последствия, какие имел «русский бред» 17-го, рано или поздно удастся залечить.

⁴Если еще будет поддержана версия, что Троцкий – прямой потомок одного из незаконнорожденных сыновей А.С. Пушкина (существует такая!), то тогда отпадет, хотя бы частично, «пятый пункт», который сильно мешал и мешает Троцкому.

Андрей Деркач

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ

Синхронизированная с Россией интеграция в евроструктуры усилит позиции Украины в Европе.

Появление доктрины «В Европу – вместе с Россией» стало серьезным историческим этапом не только для Украины, но и в целом для процесса становления единой Европы, Европы «от Атлантики до Урала» согласно знаменитой деголлевской концепции. Вне этой геополитической схемы любой проект объединенной и стабильной Европы будет заведомо ущербен, так как никакое прочное континентальное объединение невозможно без России и Украины, традиционно являющимися неотъемлемыми элементами безопасности европейского континента. Ее реализация позволяет обеспечить, с одной стороны, геостратегическую стабильность и эффективное функционирование ЕС, с другой – поэтапное и органическое вхождение Украины и России в экономические и политические структуры Евросоюза.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ БЛЕФ

Подобный системный подход, обеспечивающий соблюдение взаимосвязанных интересов Украины, России и европейских стран в целом, вполне логично вызвал ожесточенное противодействие лоббистов так называемой «евроатлантической интеграции». Как я уже неоднократно отмечал, для определенных политических сил на Украине и за ее пределами стало привычным маскировать подобным невнятным определением курс подмены интеграции в ЕС вхождением в НАТО и проведением четко выраженной политики конфронтации с Россией. Не стоило бы, вероятно, останавливаться на «глубокомысленных» замечаниях некоторых деятелей, что с тем же успехом Украина может «интегрироваться в Европу с Малайзией», если бы это так ярко не иллюстрировало уровень, на котором проходит отрицание единственно возможной для Украины интеграционной доктрины. Подчеркну – доктрины, лишенной внутренних противоречий и отвечающей ожиданиям подавляющего большинства населения нашей страны. Сравнение в любом контексте роли России для Украины с далекими тихоокеанскими государствами свидетельствует не только о крайнем уровне невежества, но и о вполне сознательном желании сделать нашу внешнюю политику лишенной основы. Историческая взаимосвязанность интересов Украины и России аксиоматична, обе они принадлежат к единому восточнославянскому православному цивилизационно-культурному типу, являющемуся составной полифонической частью европейской мегацивилизации. Если же взять только экономические аспекты двухстороннего сотрудничества, то переплетение экономик отнюдь не является «колониальным наследием», как это представляется страдающим комплексом национальной неполноценности квазиполитикам, а подтвержденной временем объективной необходимостью. Разрыв экономических связей с Россией будет государственной катастрофой для Украины – адекватную им замену невозможно найти даже теоретически. Не видеть этого нельзя – можно не хотеть этого видеть...

Что же касается упорного связывания процесса евроинтеграции с вхождением в НАТО, то показателен пример Турции, которую активное членство в Североатлантическом альянсе ни на йоту не приблизило к вхождению в ЕС. Вообще, говорить о сближении Украины с НАТО можно будет только при изменении ее фундаментальных основ, соответствии их концепции безопасности мира, пережившего трагедию 11 сентября. Подгонять подобное сближение под юбилейные даты, составлять пятилетние планы можно только в состоянии полного невосприятия реальной действительности. Кстати, опыт Анкары показателен еще в одном отношении – сейчас уже ясна ошибоч-

ность взятой ею стратегии на получение статуса ассоциированного члена ЕС как переходной ступени к полноценному членству. Несмотря на все усилия Турции, этот ошибочный шаг фактически заморозил ее отношения с Евросоюзом при отсутствии реальной перспективы изменения сложившейся конфигурации. Поэтому наша задача состоит не в достижении полумер, а в получении полноценного членства в ЕС.

КУРС НОВОЙ РОССИИ

Немаловажно отметить, что доктрина «В Европу – вместе с Россией», в отличие от лозунга «евроатлантической интеграции», не имеет неакцентируемых скрытых смыслов, а более конкретно – не означает маскируемого курса на вхождение в Союз России и Белоруссии. Синхронизированный с Россией процесс евроинтеграции – это не скрытая интеграция в СРБ, а составная часть европейского выбора Украины, отсутствие которой приведет к дальнейшему прозябанию Украины на задворках Европы.

В России понимание целесообразности данной политики уже перешло от деклараций к этапу реализации. Весьма показательны заявления Владимира Путина во время его последнего визита в Германию, в которых данная позиция была высказана предельно четко. Совершенно логичным результатом прагматических действий является заключение особого стратегического партнерства России с ЕС в топливно-энергетической сфере, что имеет непосредственное отношение к интересам Украины как транзитной страны.

Уже сейчас можно констатировать, что благодаря правильно выбранному внешнеполитическому курсу и его скрупулезно выверенной реализации Россия после бесспорно содержательной пассивности в течение ряда лет вышла на уровень субъектности в мировой политике, что в первую очередь проявляется в ее роли в процессе евроинтеграции. Для Украины это пока далекая перспектива, и нельзя уйти от признания нашей безусловной объектности.

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУВЕРЕНИТЕТА

Немаловажно также отметить, что синхронизированный с российским стратегическим партнером курс на вхождение в экономические и политические структуры объединенной Европы находится, в отличие от других предлагаемых сценариев развития, в полном соответствии со статусом Украины как нейтрального внеблокового государства и, что не менее важно, не нарушает ее национальный суверенитет. Синхронизированная с Россией политика евроинтеграции позволит Украине избежать неприемлемого для независимого государства югославского пути вхождения в ЕС, проводимого путем разрушения единого государства и отказа от защиты на-

циональных интересов. Эта проблема отнюдь не является надуманной. В европейских государствах все более крепнет понимание тупиковости пути отрицания национального суверенитета ради абстрактных идеологем. Украина сможет успешно отстаивать свои интересы только вместе с Россией, засвидетельствовавшей свою приверженность именно данному пути вхождения в Европу. Таким образом, **доктрина «В Европу — вместе с Россией» имеет не только внешне-, но и глубокое внутриполитическое содержание.** Более того, ряд наиболее болезненных проблем страны не имеют приемлемого решения на внутреннем уровне и нуждаются в применении не противоречащих Конституции Украины внешних факторов. Достаточно привести хотя бы пример со статусом русского языка, придание которому официального статуса поддерживает большая часть населения Украины. Стараниями национал-радикалов, блокирующих принятие любых вариантов, нарушающих искусственно возводимый монолингвизм, не отвечающий интересам ни русскоязычных, ни украиноязычных граждан, становится малореальным решение проблемы на внутреннем уровне. Не вызывает сомнения, что наилучшее решение вопроса находится в плоскости приведения законодательства Украины в соответствие с общеевропейскими демократическими нормами посредством ратификации Европейской Хартии региональных языков. Таким же образом легко разрешаются все проблемы, ставшие предметом внутриполитического противостояния. Бессмысленно устраивать политические дискуссии, не приводящие к конкретным результатам и только способствующие усилению дестабилизации государства. Достаточно просто **унифицировать отечественное законодательство в соответствии со стандартами ЕС, что одновременно является и обязательным условием для вступления Украины в Евросоюз.** Исходя из этого можно констатировать, что унификация законодательства является прежде всего внутренним процессом. Недооценка необходимости изменения внутреннего законодательства, уход от решения насущных для общества вопросов чреватые самыми серьезными последствиями, как это было продемонстрировано успехом Жан-Мари Ле Пена. Французы в своей массе проголосовали за лидера «Национального фронта» не из-за приверженности ксенофобским идеям. Просто действующая власть и традиционные партии длительное время уходили от решения вопросов, волновавших рядовых избирателей, в первую очередь гарантий личной безопасности граждан, ставших весьма условными при динамике роста насильственных преступлений. Бездействие власти породило разочарование в ней, и НФ, предлагающий иллюзорно простые решения, приобрел немало сторонников. Дополнительная причина роста популярности французских ультра — опасения, связанные с боязнью утраты национальной идентичности и суверенитета в процессе нарастающей глобализации, неумение правительства убедительно развеять эти страхи, показать положительные аспекты проходящей евроинтеграции. Учитывая французский опыт, для Украины представляется еще более очевидной позиция выработки синхронизированной с Россией политики евроинтеграции, позволяющей сохранить национальный суверенитет как основную гарантию обеспечения личной безопасности граждан.

ЕС И ЕАЭС

Не менее верно данное положение и в экономических аспектах евроинтеграции, которые имеют ключевое значение для процесса в целом. **Экономические позиции Украины в странах Евросоюза и ЕС в целом определяются ее статусом транзитной страны в процессе транс-портровки на Запад энергоносителей.** Только вопроса-

ми транзита она интересна в экономическом плане для объединенной Европы. Будучи реалистами, нельзя не отдавать себе отчет в том, что ни промышленность, ни сельское хозяйство Украины в обозримой перспективе не будут представлять интерес для ЕС. Он объективно не заинтересован в развитии потенциальных конкурентов, и было бы наивно ожидать крупных западных инвестиций как единственной панацеи от экономического кризиса. Эти отрасли экономики Украины нуждаются в реализации параллельного курса — **воссоздании комплексной экономической интеграции и взаимодействия на постсоветском пространстве, что возможно наиболее эффективно реализовать в рамках Евро-Азиатского экономического сообщества.** Первым шагом Украины в обозначенном направлении должно стать получение статуса наблюдателя в этой организации, что значительно усилит ее позиции на внешних рынках. При этом **всестороннее украинско-российское сотрудничество в рамках ЕАЭС стратегически важно для интеграции в ЕС, который всегда более склонен считаться с консолидированной экономической силой.**

Для ЕС, в отличие от ЕАЭС, главный интерес заключается в транзитных возможностях Украины. Было бы, однако, большой ошибкой выстраивать на этой основе спекулятивную политику по отношению как к ЕС, так и к России, что априори принесет негативные результаты. **Транзитным статусом следует не спекулировать, а выстраивать на его основе долговременную стратегию экономических отношений с Россией и ЕС, сделать его ключевым элементом экономической и опосредованно политической евроинтеграции.**

ШАГИ В ЕВРОПУ

Особо хочу отметить, что **объединение «В Европу — вместе с Россией» не ограничилось формулированием новой комплексной доктрины, но и проводит системную работу по выработке мер по следующим ключевым направлениям евроинтеграции:**

- разработка совместно с российской стороной экономических проектов евроинтеграции с использованием как потенциала двух стран, так и возможностей ЕАЭС;
- унификация украинского и российского национальных законодательств в соответствии с утвержденными европейскими правовыми стандартами, координация работы в этом направлении Верховной Рады Украины и Государственной думы РФ;
- определение конкретных направлений совместного украинско-российского сотрудничества с приоритетными государствами ЕС, в первую очередь с Германией, имеющей наибольший объем инвестиций в экономику Украины и объективно заинтересованной в создании континентальной геополитической оси Москва — Берлин — Киев;
- развитие политического диалога с ЕС как на двустороннем уровне, так и в плане выработки единой политики в отношении третьих стран и межгосударственных союзов;
- социальные аспекты евроинтеграции и их адаптация к условиям Украины и России;
- права человека и защита гражданских свобод посредством налаживания конструктивного диалога в этом вопросе;
- украинско-российское взаимодействие в рамках ПАСЕ, что должно стать одним из основных направлений международной деятельности нового парламента.

Альтернативы практической работе по налаживанию диалога по формуле «Украина — Россия — ЕС» не существует. Или, если быть точным, она заключается в вытеснении Украины на дальнюю периферию мировой экономики и политики, возврат откуда будет уже невозможен...

Кирилл Фотиев

О ПЕРСОНАЛИЗМЕ*

Отечественным фальсификаторам свободной философской мысли приходится все чаще заниматься «опровержением» того, что они презрительно именуют «буржуазной философией»...

В чем сущность персонализма, вызывающего такое возмущение партийной философии?

Кратко персонализм может быть охарактеризован как философское учение, в центре которого стоит наделенная свободным самосознанием личность, которой в иерархическом строении бытия открывается реальность духовных ценностей и которая видит цель своего существования в творческом служении этим ценностям.

Личность представляет собой живое единство всех ступеней бытия – материального, психического, общественного и духовного. Задача человека – осуществить в себе гармоническое единство этих отдельных ступеней бытия, подчинив их духовному началу. С точки зрения персонализма недопустимо и порочно выделение одной из этих ступеней из единства с другими, ее утверждение за счет других.

Человеческой мысли и действию необычайно трудно совершить подвиг синтеза, объединения всех явлений жизни в новое, совершенное целое. Трудность эта еще увеличивается в силу того, что синтез никогда не бывает чем-то окончательно достигнутым, чем-то навеки завоеванным и неизменным. Только царство идей Платона или религиозный образ Царствия Божия обладают ничем не нарушимой, законченной и совершенной гармонией. В процессе же философского творчества или конкретного исторического строительства человек постоянно склоняется к тому, чтобы придать абсолютное значение одной из форм бытия. Примером такой односторонности – утверждения преимущества материального бытия, идеи пользы и наживы – могут служить в одинаковой мере как буржуазные идеологии, так и марксизм. Но в отличие от буржуазности, которая представляет собой практический стиль жизни и метод поведения, марксизм претендует на научность и непоколебимость. Однако критическая мысль не может не заметить противоречия между материалистическими основами марксизма и его государственно-историческим обликом. Никакая диалектика не может объяс-

нить, исходя из материалистических основ, такие явления как любовь, жертвенность, совесть или творчество. Произнося эти слова, материалист уже разрушает низкие своды своего учения и врывается, неосознанно и непоследовательно, в те области, о которых говорит персонализм. Высшие побуждения человеческой души возможны только тогда, когда сознательный, критический, но и движимый этическим вдохновением, взор человека обращается не только на мир материального бытия, но и на сферу духа. Реальность этой сферы духа открывается человеку постепенно с помощью умственного усилия и философской интуиции. Интуитивное видение открывает нам предмет познания в его подлинном и целостном виде. Но анализирую-

щий ум с трудом поспекает за величием образа, явленного в интуиции. Альпинист у подножья горного массива может окинуть взором и запечатлеть в памяти его очертания, но пройдет долгий срок, прежде чем он сможет физически приблизиться к вершинам этого массива. Какие-то последние высоты могут остаться для альпиниста недоступными, и он будет лишь издали любоваться их ослепительным сиянием. Но если творческое усилие человека, согласно учению персонализма, должно быть направлено на целостное познание материального и духовного мира, то путь к этому познанию лежит через саму личность человека, через ее внутреннее возрастание.

Персонализм различает в психической жизни человека три сферы: сознательного, подсознательного и сверхсознательного. Сфера сознательного – это та часть потока человеческой душевной жизни, которая в своей непосредственной данности яснее всего открывается человеку. Основное качество сознания – свобода. Сфера сознательного – это тот плацдарм, с которого личность свободна начать восхождение к сверхсознательному или скатиться в темную бездну подсознательных, стихийных влечений. Покоряясь сфере подсознательного, человек перестает быть личностью, он растворяется в безликом хаосе слепых страстей и влечений.

В этой близости человеческого сознания к бездне есть нечто трагическое. В русской литературе этот трагизм нашел свое выражение в философской поэзии Тютчева; в новейшее время на это с особой силой ука-

* «Наши дни», 1958, № 4.

зала экзистенциальная философия. Человек находится перед выбором – или обуздать низменное влечение к наслаждению и самоутверждению и вознестись в область творчества и религиозно-моральных озарений, или покориться стихии, отказавшись от своего высокого призвания. Русскому философу Б.П. Вышеславцеву (1877-1954) принадлежит заслуга разработки учения о сублимации¹ области подсознания. Всякий приказ, попытка путем внешнего принуждения заставить человека отказаться от следования подсознательным влечениям приводит к восстанию человеческой личности, которая не терпит принуждения и утверждает за собой право «по своей глупой воле пожить». Только образ, вызывающий бескорыстное восхищение и желание подражать ему, способен преодолеть как инертность личности, так и мощные подсознательные влечения.

Повинуясь воле личности, плененной образом сверхличных ценностей – истины, красоты, святости, – подсознательные стремления превращаются из разрушительных сил в энергии, которые возносят сознание ввысь, спасают человека от самого ужасного – духовной бесплодности.

Наш очерк будет неполным, если мы не коснемся взаимоотношений личности и общества в учении персонализма. Философская мысль движется и здесь, как и в вопросе осмысления индивидуального бытия, между двумя полюсами: индивидуализма и коллективизма. В индивидуализме личность «дичает», отрывается от соучастия в творческом преобразовании мира, в культурном строительстве. Коллективизм же подавляет личность, лишая ее самобытности и своеобразия. С предельной ясностью психологию воинствующего коллективизма выразил один из героев Достоевского, обещавший ради торжества коллективизма в младенчестве задушить всякого гения. Но было бы ошибочно думать, что коллективизм присущ только коммунизму или фашизму. Буржуазное общество также тяготеет к коллективизму, призывая человека «быть как все». Буржуазное общество, защищая идеал личной свободы, не уничтожает личность, но и не способствует ее развитию.

Согласно учению персонализма, человеческое общество приближается к совершенству тогда, когда стремится стать не механическим коллективом, а коллективной личностью. Чем выше те идеалы, которым служит общество, и чем насыщеннее атмосфера свободного служения, которое царит в нем, тем ближе общество к совершенству.

Общество может и должно пресекать, с помощью законодательной и исполнительной власти, действия личности или общества, направленные на зло или разрушение другой личности или общества, но оно не имеет права произвольно лишать человека физической и духовной свободы, принуждать его служить обязательным кумирам или подменять его совесть «идеологией» коллектива. Единственное человеческое сообщество, обладающее полнотой личного бытия, есть Церковь, но явление Церкви относится уже к области чудесного, не выразимого в рациональных понятиях до конца.

Некоторые течения современной мысли, в том числе и персонализм, приближаются в своем развитии к истинам религиозного порядка. Так, христианская религия говорит о «синергизме» (совместном усилии) Бога и человека в становлении личности и в историческом процессе, предвосхищая философское учение о «преображении» сил подсознания и мысль Канта о том, что нравственно-императивные требования содержат в самих себе силу для своего осуществления в жизни. Истина о единстве вселенной и о ценности человеческой личности составляет также основу христианской религии.

Но, верная своему научному призванию, философия идет путем проверки интуитивных откровений аналитическим разумом. Даже при максимальном сближении философия и религия никогда не сольются и не заменят друг друга. Вера и знание относятся к различным областям духовной активности человека. Попытки слияния философии и религии (гностицизм древности, современная антропософия; в классической литературе – вторая часть «Фауста» Гёте) неизменно приводят религию к рационалистическому оскудению и лишают философию ее критического, научного пафоса.

Но и философия, и религия подводят человека к тайне личности и требуют от него решения этой проблемы:

«Когда в Евангелии говорилось, что в Царствии Божием нет ни эллина, ни иудея, – неужели это означало только то, что перед Богом все равны? Нет, для этого не было необходимости в Евангелии, это знали уже раньше философы Греции, римские моралисты, пророки Ветхого Завета. Нет, Евангелие хотело сказать другое: в этом новом виде бытия, которое мыслится из сердца и которое называется Царством Божиим, нет народов, а есть личности... Христианство, тайна личности – есть именно то, что должно быть воплощено в жизни для того, чтобы жизнь получила для человека смысл...» (Б.Л. Пастернак, «Доктор Живаго»).

Кирилл Васильевич Фотиев родился в Москве 11 ноября 1928 года. Его отец, Василий Васильевич Фотиев, театральный критик и режиссер, болел туберкулезом. Мать, Екатерина Сергеевна, урожденная Юдина, тоже заразилась туберкулезом и стала быстро угасать. Опасаясь за жизнь своего младшего сына Кирилла (жи-

ли они все вместе в сырой, полуподвальной комнате в Денисовском переулке), она решила на крайний шаг: отправить его за границу к своей сестре Натальи, жившей тогда в независимой Латвии. Старший брат обеих сестер, знаменитый хирург Сергей Сергеевич Юдин устроил это, казалось бы, немыслимое в советских условиях дело через каких-то своих сановных пациентов. Таким образом, шестилетний Кирилл навсегда расстался с родителями и попал в 1934 году к своей тетке в Либаву.

¹ Сублимация – термин, предложенный З. Фрейдом для обозначения переключения энергии низших побуждений на высшие цели и объекты.

После прихода советских войск в 1940 году мальчик стал прислуживать в церкви.

Весной 1941 года, когда среди русских в Латвии шли повальные аресты, семье тетки удалось выехать к родственникам в Германию. Кирилл поступает в немецкую гимназию в Любеке, но бомбы разрушают дом, в котором их приютили; семья переезжает в Бреславль, где ее в июне 1944 года гестапо арестовывает за связь с НТС. Кирилла опекают знакомые из Латвии и вывозят в 1945 году в Западную Германию.

Уцелевшие члены семьи поселяются в лагере для беженцев Менхегоф под Касселем, где Кирилл в 1946 году кончает русскую гимназию и поступает на философский факультет университета в Гамбурге. В 1947 году он вступает в НТС. Весной 1949 года его приемная семья эмигрирует в Марокко; он следует за ней и идет на заработки на землемерные работы. Но уже в ноябре 1949 года он получает стипендию в Православном богословском институте в Париже и переезжает туда. Среди его преподавателей – столпы русской богословской науки: проф. А.В. Карташев, прот. Василий Зеньковский, епископ Кассиан, прот. Николай Афанасьев, архимандрит Киприан и другие.

Его дипломная работа «Попытки украинской автокефалии в XX веке» выходит из печати в Мюнхене в 1955 году.

По окончании института в 1954 году Кирилл переез-

жает в Рим, где разворачивается работа НТС по встречам с начавшими выезжать из СССР туристами. Он совмещает союзную работу с академическими занятиями. Из Рима организация направляет его в Германию, где он работает в редакции радиостанции НТС «Свободная Россия», участвует в разработке учебных материалов НТС, в сношениях с иностранцами, пишет статьи в союзную прессу, выступает на конференции «Посева» 1959 года. В это же время и до конца жизни он становится членом Руководящего Круга НТС.

Затем, как почти три десятка других членов Союза, он решает посвятить себя высшему призванию и принимает в 1962 году сан священника. Как священник отец Кирилл сначала получает направление в Монреаль, а потом в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке отец Кирилл с 1977 года участвует в создании «рабочей группы “Посева”», потом ее преемника «Русского Исследовательского Фонда», привлекая к их работе новейших эмигрантов. Он устраивает выступления на собраниях НТС своих друзей из духовенства – прот. А. Шмемана, прот. И. Мейендорфа, о. Мерсона-Аксенова. Кроме того, он читает религиозные передачи по «Голосу Америки». В 1985 году возвращается в Европу и последние пять лет своей жизни ведет религиозные передачи по радио «Свобода» из Мюнхена, оставаясь членом редколлегии «Посева».

О. Кирилл Фотиев скончался в 1990 году.

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Ростислав Полчанинов

БОРИС БОРИСОВИЧ МАРТИНО*

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Боря Мартино родился 5 июня 1917 г. в Кронштадте в семье морского офицера, который в 1919 г. был послан в Королевство СХС (сербов, хорватов и словенцев) – Югославию морским атташе при русском посольстве в Белграде, а после демобилизации стал преподавателем французского языка в сараевской шариатской (мусульманской) гимназии.

В Сараево был русский «Детский дом», при нем был детский сад, куда стал ходить Боря, и русская начальная школа, которую он и окончил в 1926 г. Боря поступил в местную государственную гимназию и в том же году записался в отряд югославянских скаутов. В звене он был и самым младшим и низкорослым: ему там не понравилось. В Белграде у Бори был троюродный брат Сергей Мартино, который состоял в русской скаутской организации. Боря решил записаться в русские скауты, написал письмо, но не получил ответа.

Когда один Борин приятель стал вожаком, он предложил Боре снова вступить в скауты на должность по-

мощника вожака. Среди новичков Боря был самым старшим – ему было 13. Начальник отряда Луло Фркович, познакомившись с ним, предложил ему собрать свое звено и стать вожаком, хотя Боря еще не успел сдать III разряд. В свое будущее звено Боря привлек Славу (Святослава Владимировича, 1916–46) Пелипца и меня. Слава был Бориным ровесником и не мог набирать новичков в своем классе, так как те должны были бы быть младше своего вожака, и он поручил это дело мне, за что и назначил меня помощником вожака. Звену был дан флажок какого-то старого звена, и мы стали звеном «Ласточка».

1 февраля 1931 г. Боря был назначен вожаком и провел первый сбор своего звена, 16 февраля сдал экзамен на III разряд. Сборы устраивались два раза в неделю. В ту, дотелевизионную эпоху, это было вполне возможно.

Все скауты должны были покупать ежемесячный журнал «Скаутски гласник» (Скаутский вестник), а Боря покупал еще и ротаторный журнал «Нови скаут», который издавался в Загребе и был интереснее официального органа.

В апрельском номере «Нового скаута» было напечатано обращение скаутмастера Ивана Семеновича Све-

* Впервые опубликовано в «Страницы истории разведчества – скаутизма» № 19 (76), июль 2002 г. В «Посеве» печатается с сокращениями. Все примечания, помеченные знаками «*», принадлежат редакции.

това (1902-82) к русским членам Союза скаутов Югославии с предложением войти в связь с Центральной штаб-квартирой русских одиночных скаутов в Европе. Мы решили откликнуться. По дороге из гимназии все вместе зашли к Боре, он написал письмо Светову, а Слава и я подписались. Это было 4 апреля 1931 г., и этот день считается датой основания одиночного «патруля» «Волк» (по нынешней терминологии – звена). 15 июля 1932 г. из кадет, приехавших на лето в Сараево, было сформировано второе звено – «Белый Медведь» и одновременно Сараевский ген. Корнилова отряд русских скаутов.

В 1931 г. Боря вместе со мной выпустил два номера рукописного журнала «Волк», а с 1932 г. мы стали выпускать рукописный журнал «Волчий вой». Всего под Бориной редакцией до 1937 г. вышло 28 номеров.

В 1934 г. Боря окончил VIII югославянский курс для руководителей на Плитвицких озерах, девизом которого было БКС – «Будем как солнце» (слова из стихотворения Бальмонта). Там он был замечен начальником курсов Максимом Владимировичем Агаповым-Таганским (1890 – 1973), который пригласил его читать лекции на следующем курсе. Это было единственным случаем в истории этих курсов. Следующий курс состоялся там же в 1935 г., и Боря читал там лекции по Звеновой системе (по-хорватски – Водни систем) – одному из главных предметов руководительских курсов. Готовясь к чтению лекций, Боря написал «Водни систем», который позднее перевел на русский, назвав «Звеновая система» (1-е издание, Берлин, 1942. Затем переиздавалось еще несколько раз).

Окончив гимназию в 1934 Боря поехал в Белград и записался на юридический факультет. Для этого достаточно было иметь свидетельство об окончании гимназии с оценкой по латинскому языку. Боря решил заниматься заочно, что формально не разрешалось, но негласно терпелось.

В 1935 г. Боря был назначен начальником Сараевского отряда¹ и, кажется, тогда же был произведен в помощники скаутмастера. Летом 1936 г. мы решили провести недалеко от Сараева у подножья горы Белашница отрядный лагерь. В лагерь поехало 6 человек и длился он всего 6 дней. Проведя успешно свой первый лагерь, Боря решил в 1937 г. провести месячный совместный лагерь Сараевского и Загребского отрядов в Шуметлице около г. Нова Градишка. В этом лагере был проведен I КДВ – Курс для вожаков. Это был первый

Борис Борисович Мартино.

русский курс, проведенный по программе югославянских руководительских БКС курсов, созданных русскими руководителями Агаповым-Таганским, Гарднером и Ивашинцевым.

Осенью 1937 г. Мартино-старший был переведен с повышением в Ужице. Родители решили, что будет лучше, если Боря поедет в Белград, где он без труда устроился в студенческий дом короля Александра. С ним поехал и наш четвертый сараевец, боснийский мусульманин Малик Мулич, а Слава Пелипец уже с 1934 г. учился на агрономическом факультете Белградского университета в предместье Белграда – Земуне.

И так в 1937 г. в Белграде оказалось три сараевца из четырех. Живя в Земуне, Пелипец принимал активное участие в работе местного общества «Русский Сокол» и НТСНП – Национально – Трудового Союза Нового

Поколения (ныне НТС), Боря и Малик решили работать в Белградской дружине русских скаутов и вместе со Славой посещали собрания НТСНП в Белграде. Боре было предложено руководить II БОРС – II Белградским отрядом русских скаутов. По началу Малик помогал Боре, но вскоре, в том же 1937 г., основал III БОРС. Боря II Борс назвал Суворовским, а Малик III БОРС – Ермака Тимофеевича. Слава решил вернуться к разведческой работе и 9 апреля 1938 г. основал IV БОРС ген. Дроздовского.

Белградец Саша (Александр Михайлович, р.1920) Глянцев так вспоминает появление сараевцев в Белграде: «Очень-очень жаль, что между белградцами и сараевцами получились и отчасти амбициозные нелады <...> но вы пришли и принесли НОВОЕ, ЖИВОЕ, ИНТЕРЕСНЕЙШЕЕ!»².

Мы, сараевцы, решили выпускать в Белграде разведческий журнал и назвали его – «Мы». Первый номер журнала вышел в январе 1938 г. Начиная с № 3-4 в журнале появилась страница юмора, которую делал Сева Селивановский. В 1945 г. в Зальцбурге он возобновил журнал, который в 1997 г. вернулся в Россию, и в Петербурге вышло 3 номера (30 – 32).

Школьный год 1937-38 прошел в подготовке к большому месячному лагерю в Шуметлице, на этот раз всего Югославянского отдела. В лагере были одновременно проведены и II КДВ и I КДР – Курс для руководителей, тоже по программам югославянских БКС курсов.

Если лагерь в Шуметлице в 1937 г. был назван лагерь Перуна, то лагерь в 1938 г., по случаю отмечавше-

¹Приказ No.132 от 6.11.35 по Югославянскому отделу пар.3.

²А.М. Глянцев: письмо от 25.05.94 г. в архиве автора.

гося всем Зарубежьем 950-летия крещения Руси, – лагерем Св. Владимира. Получилась символическая последовательность. Эти два случая положили начало традиции давать лагерям свои названия, которые затем ложились в основу идейной работы, проводимой в лагере. Большинство лагерных традиций в российском разведчестве ведут свое начало от курсов БКС и лагерей в Шуметлице в 1937-38 годах.

Сдав последние экзамены, Мартино в июне 1938 г. отправился в гости к тете по материнской линии в Финляндию. Борис посетил Литву, Латвию и Эстонию. Побывал на искони русской Печерской земле, посетил Валаам и подходил вплотную к колючей проволоке, отделявшей родину от свободного мира. Везде встречался с русскими скаутами и вынес неизгладимые впечатления от этой поездки к границе СССР³.

Председатель НТСНП Виктор Михайлович Байдалаков (1900-67) попросил Бориса узнать о судьбе арестованных в Эстонии местных союзных руководителей: Б. Агеева, В. Булдакова, А. Тенсона, Р. Чернявского и С. Ходоровского. По счастливой случайности скаутский руководитель в Нарве Константин Луга (Luuga) был членом Союза и мог сообщить все подробности случившегося⁴.

Окончив университет, Борис, как полагалось в Югославии, был призван в армию. Как новобранец с высшим образованием, Борис отбывал воинскую повинность в школе пехотных офицеров запаса, которую он окончил в 1939 г.

Найти работу по специальности было не так просто, а тут в апреле 1941 г. на Югославию напала Германия со своими союзниками и разгромила ее в считанные дни так, что даже не успели призвать на военную службу запасных. Босния и Герцеговина были присоединены к Хорватии. Для православных, названных «греко-восточниками», был введен особо строгий полицейский час. Шли массовые аресты и расстрелы православных сербов. Лишь после нападения Германии и ее союзников на СССР отношение к русским улучшилось. В связи с этим начался их призыв в хорватскую армию.

Слава Пелипец, отбывавший во время войны воинскую повинность в югославянской армии, был послан на фронт и взят немцами в плен. Слава бежал из плена и при помощи НТС вскоре оказался в Смоленске. Борис, Жорж Богатырев, Клавдий Цыганов, Игорь Москаленко и я решили последовать примеру Пелипца и поехали на работы в Германию в надежде оттуда продвигаться дальше в Россию.

Мы покинули Хорватию 26 января 1942 г. и с рабочим транспортом прибыли в Берлин. Борису удалось бежать и НТС его дней через десять отправил в Варшаву. Для этого Мартино надо было около Ченстохова нелегально перейти границу, а это было не так просто. Борис шел по пояс в снегу через лес и сильно простудился.

Из Варшавы он должен был двигаться дальше, но не сразу. На несколько месяцев Борис получил работу в Варшаве в Доме молодежи. Тот находился в ведении Русского комитета и помещался на улице Маршалковской, д. 68, в помещении, где до войны был русский студенческий клуб. В Доме молодежи несколько раз русскими скаутскими руководителями начиналась разведческая работа, но каждый раз, когда становился заметен ее характер, она пресекалась.

Борис умел увлекательно говорить, хорошо рисовать и писать стихи. В 14 лет он написал на мотив «Алла верды» песню сараевского звена «Волк» – «Когда патруль наш основался...», а через год – «Марш Сараевского отряда». Приехав в Варшаву, он написал в начале 1942 г. «Костер разведчика» («Давно, еще в Павловском Парке...»). Эта песня вскоре стала как бы вторым гимном организации. Тогда же он написал и утраченное стихотворение «Забывшие Гумилевым», в котором упрекнул поэта, что в стихотворении «Капитаны» не упомянул ни одного русского героя. У меня случайно сохранились лишь две первые строфы.

Председатель Русского комитета в Генерал-губернаторстве (часть Польши, оккупированная немцами) Сергей Львович Войцеховский (1900-84) писал впоследствии, что «Б.Б. Мартино, обладавший необыкновенной способностью привлечь сердца молодежи <...> занялся в Варшаве русским Домом Молодежи и преобразил его талантливым руководством»⁵. В день Св. Георгия 1942 г. предполагалось, что Борис попросится с Дружиной молодежи (официальное название), чтобы двинуться дальше «на Восток», но у него неожиданно пошла кровь горлом и врачи нашли у него туберкулез. Сильная простуда, полученная при нелегальном переходе через границу, и плохое питание (русские были приравнены к полякам, а поляки получали очень скудные продовольственные карточки), сделали свое. О продвижении «на Восток» не могло быть и речи. Борис остался в Варшаве на своей должности, а меня назначили его помощником. Дел было много. Надо было готовить лагерь. В прошлые лагеря принимались только дети из Варшавы, но я предложил принимать и иногородних, на что С.Л. Войцеховский охотно согласился. В своих воспоминаниях он упомянул детей из Радома и Ченстохова⁶, но я помню, что были и из Кракова и из Люблина.

После лагеря разведческая работа в Доме молодежи была прекращена. Войцеховский вспоминал: «В Свидере, к сожалению, он (*Борис – прим. РВП*) проявил крайнюю несдержанность в споре с молодой участницей лагеря <...> В 1943 году лагерь был переведен из Свидера в соседний дачный поселок Михалин и из скаутского стал детским»⁷. Руководство им было поручено Г.М. Шутьгину.

Мне кажется, что в действительности была другая причина: любая скаутская деятельность нацистами за-

³Р.В. Полчанинов: Поездка Б.Б. Мартино в Финляндию в 1938 г. // Страницы истории разведчества-скаутизма, 2000, Но.12 (69).

⁴То же.

⁵Войцеховский, С.Л.: Эпизоды, изд. «Заря», Лондон, Канада, 1978, с. 91.

⁶Там же с. 58-59.

⁷Там же.

прещалась. В Свидере на лагерных воротах красовалась лилия и кое-кто носил разведческие галстуки. Как-то нагрязнула немецкая комиссия, которая не могла не заметить всего этого. Думаю, что это было настоящей причиной того, что в следующем году лагерь «из скаутского стал детским». Наверное, все бы было иначе, если бы Войцеховский предупредил Бориса, чтобы он не пользовался скаутской символикой. Дом молодежи закрыли, а Мартино и меня уволили, предупредив, чтобы мы не вздумали нелегально вести разведческую работу.

Переждав, Мартино все же начал осторожно встречаться с разведчиками и разведчицами и устраивать поездки небольшими группами в окрестности Варшавы.

О разведческих лагерях в Польше не могло быть и речи. Но в 1943 г. Борис получил из Берлина из Центрального штаба НОРМ** официальный вызов в лагерь. На основании этого он получил пропуск через границу и смог в июле в лагере «Русь» ок. местечка Пельцкуль провести VI КДР***. Это был самый многолюдный слет подпольного Германского отдела.

В марте 1943 г. при помощи НТС я устроился в Псковскую православную миссию преподавателем Закона Божия, а в Варшаву, вскоре после моего отъезда, приехал, тоже при помощи НТС, Малик Мулич. Он пробыл в Варшаве недолго, готовясь ехать дальше. В глазах немцев он был говорящим по-русски хорватом и потому, без всякого труда, получил работу переводчика в одной немецкой фирме в Крыму. Малик, будучи в Варшаве, помогал Борису, принимая активное участие в подпольной разведческой работе.

Когда летом 1944 г. Красная армия приблизилась к Варшаве, Борис уехал в Гратц, где в то время пребывал начальник НОРМ и подпольного Германского отдела разведчиков Георгий Львович Лукин. Было решено, несмотря на исключительные трудности, устроить лагерь и VII КДР. Найти место для лагеря взялся Олег Минаев, которому удалось его устроить в августе в Альпах в Цойчахе (Zeutschach) якобы для подготовки русской молодежи к вспомогательной службе в противовоздушной обороне (Flakhelfer). Кандидаты на КДР, которые не могли на работе получить отпуск, так как в середине 1944 г. уже никому отпусков не давали, получали на бланках НОРМ вызов явиться на курс «флакхелферов». Благодаря этому на КДР собралось ок. 20 человек. Подготовка «флакхелферов» входила в планы немцев и потому все прошло благополучно. От немцев даже были получены палатки.

В сентябре 1944 г. Борис, приглашенный быть крестным отцом моей дочки Людмилы, приехал ко мне в Берг, в рабочий лагерь, который находился на немецкой стороне Дуная недалеко от Братиславы. Встреча Бориса и приехавшего с ним Г.Л. Лукина с Евгением Евгеньевичем Поздеевым (1916-94) и мною была использована для обсуждения дел подпольной организации скаутов-разведчиков.

**Национальная организация русской молодежи – единственная разрешенная нацистами в Германии русская молодежная организация.

*** КДР – Курсы для руководителей.

Пражский манифест 14 ноября 1944 г. открыл новую страницу в биографии Мартино. 17 декабря состоялось заседание КОНР – Комитета Освобождения Народов России, на котором ген. Г. Н. Жиленков сделал доклад о положении русской молодежи в Германии⁸. Ген. А.А. Власов проявил особый интерес к работе с молодежью, и в январе 1945 г. был создан СМНР – Союз молодежи народов России, который подчинялся Гражданскому управлению КОНР. Начальником СМНР был назначен член НТС лейтенант Ю.В. Дьячков, а Борис стал членом Совета СМНР⁹. В феврале КОНР и его Гражданское управление были эвакуированы в Карлсбад (Карлови Вари). Конец войны застал Мартино, Пелипца, Лукина и Маргариту Николаевну Сагайдаковскую в баварском городе Меммингене, в 30 км от Фюссена и 100 км от Мюнхена.

В Меммингене нашлись русские дети, и Борис устроил летом 1945 г. разведческий лагерь. Но детей в Меммингене было мало, и Борис поехал в ближайший ди-пи–лагерь в Кемптен и в более отдаленный Мюнхен, ставший к тому времени одним из центров русской общественной жизни, налаживать там разведческую работу.

В Мюнхене трудами о. Александра Киселева (1909-2001), в прошлом скаутского руководителя в Эстонии, был создан православный дом «Милосердного Самарянина». Русским в Германии, Австрии и Италии, чтобы избежать насильственной выдачи коммунистам, нельзя было называться русскими. Американцы считали «национальность» подданством, и тех, кто в графе «национальность» писали – «русский», считали советскими подданными, подлежащими насильственной выдаче. В зависимости от обстановки в графе «национальность», писали или «бесподанный» или что-то другое.

В доме «Милосердного Самарянина» о. Александр создал гимназию и помог созданию отряда скаутов-разведчиков. В гостеприимном доме 4-6 ноября был проведен первый за всю историю русских скаутов-разведчиков за границей «Съезд руководителей юных разведчиков». На нем присутствовали, с правом голоса или без него, русские скауты-разведчики из разных стран, оказавшиеся случайно в то время в Мюнхене или в ближайших лагерях. Борис сделал доклад о работе ИЧ – Инструкторской части в годы войны (1941-45) и был избран заместителем по Европе старшего русского скаута Олега Ивановича Пантюхова (1882 – 1973), проживавшего в США, связь с которым в годы войны была прервана. НОРС-Р – Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков, переименованная на Дальнем Востоке в ОР – Организацию разведчиков (в Европе НОРП), приняла новое название ОРЮР – Организация Российских Юных Разведчиков, а ИЧ была на том же съезде переименована в ГК – Главную квартиру. Как бы завершением съезда в Мюнхене была конференция 18-20 февраля 1946 г. в ди-пи–лагере Менхегоф около Касселя.

⁸Кромнади К.Г.: За землю за волю..., Глобус, Сан-Франциско, 1980, с. 2 02.

⁹С. Зауер: письмо от 7.05.2002 в архиве автора.

В конце 1945 г. у Бориса был неприятный разговор с представителем Пантюхова Владимиром Аполлоновичем Темномеровым (1900? – 1989). В результате Борис в приказе № 7 от 21.12.46 объявил: «В виду изменившегося внешнего положения организации и в результате обсуждения его с личным представителем О.И. Пантюхова, заменяю наименование должности «Заместитель Старшего Скаута на Европу» наименованием Старший Скаутмастер ОРИОР».

Работать Мартино устроился в немецкое агентство новостей: записывал радиодиктовку ТАСС и переводил на немецкий. Помню, как он, отправляясь в разведческий лагерь, брал с собой для этой цели портативный радиоприемник. Подрабатывал он еще и передачами по «Голосу Америки».

Борис трудился не щадя себя, и в ноябре 1946 г. из-за приступа камней в почках слег в городскую больницу в Розенгейме, в которой работала сестрой милосердия мать Юры (Георгия Михайловича) Солдатова (р.1932). Г. Солдатов вспоминает: «Несмотря на болезнь, Борис каждый день занимался корреспонденцией, читал и старался в разговорах с живущими в городе эмигрантами узнать адреса русских ребят в соседних городах и лагерях. <...> Бывало, когда в палату заходила моя мать, я оставался и слушал их разговоры о России и разведчиках. Моя мать считала Бориса большим патриотом и слушала о том, что, по его мнению, необходимо было бы сделать для России и для молодежи в эмиграции»¹⁰.

Несмотря на необходимость лечиться, Борис летом, без разрешения врачей, при помощи старших разведчиков, несколько раз совершал побеги из больницы через окно, чтобы участвовать в летних разведческих лагерях, проводить руководительские курсы и организовать II съезд руководителей ОРИОР в сентябре 1947 г. в лагере в Легау¹¹.

Покинув больницу осенью 1947 г., Борис продолжал работу с разведчиками, и когда Лукин попросил его освободить от должности начальника Баварского отдела, он принял и эту должность. В 1948 г. он принимал участие во всех летних лагерях, в результате из-за трудных условий у Мартино начался туберкулез костей левой ноги и ему пришлось ходить с палочкой. Таким мы его видели на I разведческом слете по случаю 40-летия организации 6-9 мая 1949 г. в лагере Фельдмохинг ок. Мюнхена. Слет, на который собралось ок. 300 человек со всей Германии, посетил Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий, отслуживший торжественный молебен.

С тех пор ОРИОР устраивала каждые 10 лет слеты с меньшим количеством участников, но зато уже из всех стран, где велась разведческая работа.

Вскоре после слета и до весны 1950 г. Борис жил в Мюнхене в бараках для беженцев на Белградерштрассе № 152, где делил комнату с молодым руководителем Вовой (Владимиром Гаевичем) Тремлем¹².

С декабря 1951 г. по май 1952 г. Мартино – снова в госпитале, где ему было сделано две операции. Из госпиталя Борис уехал в Бад-Гомбург (предместье Франк-

фурта) на работу в «Посев», НТС-овский Институт изучения СССР и в НТС-овское Русское информационное агентство. По службе приходилось часто ездить в командировки.

Туберкулез костей ног сделал Мартино инвалидом. На лечение не хватало денег, и руководители ОРИОР стали регулярно собирать между собой средства на его лечение. В письме членам Совета от 10.03.54 Борис писал: «О себе, к сожалению, не могу сообщить ничего отрядного. Все те же боли в ногах. Курс уколов не дал результатов. 16 февраля мою правую ногу заключили в гипс, в надежде этим укрепить сустав. 4 марта гипс разрезали, так что я теперь могу принимать ванны и получать массаж <...>, однако без гипса ходить запрещено. Сколько времени придется носить гипс, неизвестно. <...> Ходить с тяжелым гипсом, конечно, очень трудно, без костылей невозможно. <...> Правая нога неподвижна в колене, а левая в бедре и к тому же левая на 5 см короче правой.

Во Франкфурте заботу о Борисе взяла на себя семья Поздеевых. 30 января 1955 г. из НТС были исключены В.М. Байдалаков, Е.Е. Поздеев и еще ряд лиц. Мартино не был исключен, но ему пришлось бросить службу в НТС и вместе с Поздеевыми уехать в Мюнхен. Летом 1955 г. Борис принимал самое деятельное участие в разведческих лагерях. Про него (лесное имя «Волк») пели: «Град и дождь бьет день за днем / «Волку» это нипочем»¹³. Но из-за подобной жизни, Борис снова оказался в санатории в Гаутинге¹⁴. Летом 1957 г.¹⁵ и 1958 г. ему пришлось лечиться все там же¹⁶.

В июле 1956 г. Борис стал редактором журнала для руководителей «Опыт», который редактировал до конца жизни.

1 октября 1957 г. вступил в силу новый устав ОРИОР. Если раньше номинальным главой организации признавался Пантюхов, то теперь единственным главой организации был утвержден Мартино. Давно назревавший разрыв произошел: ОРИОР и НОРС-Р стали отдельными организациями.

Осенью 1958 г., выйдя из санатория, Борис устроился на «Радио Освобождение» в отдел новостей. Борис писал мне в письме от 29.11.58: «Я служу в Освобождении. После санатория очень трудно. Зверски устаю, а свободное время трачу на поиски комнаты, что крайне сложно (лестницы ведь для меня неприемлемы). Живу пока в пансионе». Летом 1959 г. Мартино прилетел в Калифорнию, чтобы принять участие в юбилейном слете ОРИОР по случаю 50-летия организации. Это было оформлено как служебная командировка: он делал записи для передач. На «Освобождении» (с мая 1959 г. – «Свобода») Борис пробыл до самой смерти 22 июля 1962 г.

У Мартино не было семьи, и все свое свободное время он отдавал ОРИОР.

Бориса похоронили на городском кладбище Мюнхена Perlacher Forst. В ста метрах за оградой – православный собор. За его могилой ухаживает Мюнхенская дружина ОРИОР¹⁷.

¹³Опыт, Мюнхен, №.24 за март 1957 г., с.2.

¹⁴Опыт, Мюнхен, № 27 за декабрь 1957 г., с.32.

¹⁵Мои письма от 2 и 22 июня 1958 г., посланные в санаторий в Гаутинге.

¹⁶Г.Г. Кобро: письмо от 8.05.02.

¹⁷Там же.

¹⁰Г.М. Солдатов: письмо от 8.03.02 в архиве автора.

¹¹Там же.

¹²В.Г. Тремль: письма от 12.07.01, 21.08.01 и 3.05.02 в архиве автора.

Архимандрит Августин (Никитин)

«...ВСЕ ТОНЕТ В ФАРИСЕЙСТВЕ...»

«АВИАЦИОННЫЙ МАРШ» И «ХОРСТ ВЕСЕЛЬ»

На протяжении 70 с лишним лет коммунистической диктатуры ложь пропитывала жизнь нескольких поколений, живших «под глыбами». Советская власть стояла на лжи, но всегда камуфлировала ее под правду. Величайшее зло мира – недаром диавола называют отцом лжи – разрушительная сила, которая словно ржа разъедала все, к чему прикасалась, будь то экономика страны или человеческая душа.

На лжи был замешан и советский музыкальный агитпроп. Была, например, переделана песня царской армии, начинающаяся со слов: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один умрем за дорогую». В 30 гг был знаменит и популярен советский фильм с участием Леонида Утесова «Веселые ребята». Музыка, написанная к этому фильму Исааком Дунаевским, также вызывала восторги. Но однажды во время пребывания в СССР делегации мексиканских рабочих им показали в виде огромного достижения этот фильм. Когда в фильме Утесов запел известную песню со словами: «*Легко на сердце от песни веселой/ Она скучать не дает никогда...*», все члены мексиканской делегации стали хором ее подпевать. – Неужели вам так понравилась эта песня? – спросили у мексиканцев, – Конечно! Ведь это песня из нашего знаменитого фильма «Вива, Вилья»!

Скандал пришлось замять, ведь его «фигуранты» уже получили госпремии, спецпайки, дачи. А Сталинская премия – это святое и обратного хода не имеет. Но на воротах дачи Дунаевского чья-то шкодливая рука постоянно чертила строчку из пресловутой песни: «**Мне** песня строить и жить помогает!»

«Хозяину» фильм понравился: на фоне массовых расстрелов, шедших в стране, «веселые ребята» помогали зрителям подавлять страх и загонять его в подсознание. Особенно хороша была строчка: «Мы будем петь и смеяться как дети». Через несколько лет Иозеф Менгеле будет приводить узников концлагерей в подобное состояние с помощью инъекций...

При Сталине «за мелодию» сажали редко, а вот за «рыбу» (текст песни) – чаще. Так, в заключении побывал автор текста знаменитой песни «Эх, хорошо в стране советской жить!» Владимир Георгиевич Лебедев-Шмидтгоф. Это ничего, что строки были верноподданические. Как говаривал Феликс Эдмундович, «если у вас еще нет судимости, то это не ваша заслуга, а наша недоработка». Уже при Брежневе отсидел свой срок кинорежиссер Параджанов, который с «антисоветским умыслом» искажал партийную установку: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно **душат** человек!»

Особенно «вредоносными» были в те годы «сектанты». Мало того, что они «опутывали «липкой паутиной» простодушных граждан, попадавших в их сети, – они посягали и на советские святыни. Вот что сообщалось в 1960-е о христианах веры евангельской (пятидесятни-

ки) в атеистических брошюрах: «Важнейшей особенностью песенного творчества пятидесятников является то, что многие их гимны исполняются на мотивы популярных советских народных песен. При этом следует отметить, что пятидесятнические псалмотворцы заимствуют, как обычно, не только мелодии этих песен, но и их форму, ритм, размер, а в некоторых случаях оставляют почти без изменения и отдельные строки. Так, например, всем хорошо известен «Авиационный марш». Вот на что зовет этот марш нашу молодежь:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью (впрочем, тогда уже пели: ... чтоб Кафку сделать былью),

*Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал в стальные руки крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.*

*Все выше, и выше, и выше!
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.*

Автор брошюры негодует. «За эту популярную, ставшую действительно народной песню и ухватились пятидесятнические псалмотворцы. Но что они сделали с этой песней, какое содержание вложили в нее? Вот как она теперь выглядит в рукописных сборниках «духовных песен» пятидесятников:

*Мы рождены, чтоб весть нести Христову,
Провозглашать любовь Его кругом,
Он нам для этого оставил слово,
Чтоб грешник примирился со Христом.*

*Все выше, и выше, и выше!
Стремимся мы ввысь к небесам,
Мы слово Господне слышим,
Зовущее нас в Ханаан².*

Как известно, в СССР движение пятидесятников находилось под запретом вплоть до 1991 года; пасторов «изымали из обращения» и бросали в лагеря. Не от хорошей жизни в общинах, загнанных в подполье, использовались мотивы советских песен – своих композиторов не было. (Режиму нужны были композиторы другого рода. Из фольклора Гулага. О соседе по нарам: «Он «композитор» – пишет «оперу» (начальнику оперативной части)». Это была не их вина, а их беда.

Но автор брошюры продолжает возмущаться «коварными пятидесятниками»: «И так всю песню они переделали на свой лад и для своих целей. Какую же цель преследовали они при этом? Смысл переработки заключается в том, чтобы приспособиться к изменившимся условиям жизни советских людей, чтобы сохранить пошатнувшееся влияние религии на трудящихся, и прежде всего на молодежь, чтобы придать проповеди религиозного мракобесия популярность в народе. Все это показывает, что использование популярных народных мелодий в религиозном культе есть одно из проявлений приспособленческой тактики современного пятидесятничества»³.

Но каково же было удивление пятидесятников, которые в «эпоху гласности» узнали из прессы, что мелодия «Авиационного марша» – это марш гитлеровских штурмовиков – «Хорст Вессель»⁴. Оправившись от потрясения, пятидесятники стали выяснять «истоки и составные части» других песнопений, которые они вынужденно заимствовали из советского репертуара. Самые дотошные из них обнаружили сходство пахмутовских мелодий с синагогальными напевами...

А ведь «Авиационный марш» был культовой песней, и апологеты режима с пеной у рта защищали ее от посягательств христиан веры евангельской. «Советские летчики в грозные годы Великой Отечественной войны с достоинством и честью выполнили призывы любимой песни. Наши же советские летчики-космонавты Ю.А. Гагарин, Г. С. Титов, А.Г. Николаев, П.Р. Попович, В.Быковский, В. Николаева-Терешкова и другие действительно были рождены и воспитаны нашей партией для того, чтобы сказку – мечту человечества о полете в космос – сделать былью. И это сделали они, и сделали первыми в мире. Их бессмертными подвигами гордится весь мир, а их любимая песня «Авиационный марш» получила еще большую популярность среди нашего народа, ее теперь поют и наши друзья за рубежом»⁵.

Первый полет в космос по «сакральности» приравнивался к «залпу» «Авроры». И кто посягал «на святое», получал «по рукам». Но прошли годы, и «нас разбудили, нам сообщили», что: 1. «Шарик», где должен был находиться космонавт № 1, был небольшой – вес и габариты определяла «голова ракеты». А она проектировалась не для полета человека в космос, а для термоядерного заряда, который надо было доставлять до США. Вот почему все первые космонавты были маленького роста. Такие параметры задал Королев⁶. 2. Что первый космонавт приземлился не в «шарике», а на парашюте и, строго говоря, это не был до конца полет **корабля**. 3. Что С.П. Королев, приземливший космонавта № 1 «на тряпках», в свое время сидел в бериевской шарашке.

А если углубиться в советскую историю, то срабатывает «эффект домино». Ведь «залп» «Авроры» был лишь холостым выстрелом из салютной пушки (на крейсере вообще не было боевых снарядов), но какая истерика поднялась в советской прессе, когда об этом заикнулись в «Новом мире»! А матрос, «шарахнувший по Зимнему», отсидел в ГУЛАГе при Сталине свою «законную десятку». А сама «Аврора», оказывается, стояла на Неве под парами не для того, чтобы лупить по дворцу. В случае подавления переворота она должна была свалить в Швецию с Лениным, Троцким и Зиновьевым на борту.

Иосиф Бродский чрезвычайно тонко чувствовал фальшь режима. Ему принадлежит такое наблюдение: «Медный всадник» на Сенатской площади: Петр I смотрит через Неву на Академию наук, университет. Позади – Иса-

акиевский собор, слева – здание Св. Синода и Сената. Справа Адмиралтейство, ведомство которое прорубало для России окно в Европу. Все чинно, благородно.

Памятник вождю на броневике. Ленин смотрит через Неву на «Большой дом» (здание КГБ), слева – райком и тюрьма «Кресты», справа советское военное училище, а сзади – пьяный и заплеванной Финляндский вокзал, – на всякий случай...»

«МУЗЫКА» Ю. ХАЙТА

Сразу после 22 июня 41-го, когда большая часть наших самолетов была уничтожена на прифронтовых аэродромах, о последнем куплете «Авиационного марша» старались не вспоминать:

*Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет,
И верьте нам, на всякий ультиматум
Воздушный флот сумеет дать ответ.*

А если это звучит еще на мотив «Хорста Весселя»...

Два слова об этом персонаже. Ганс Хорст Вессель (1907-30), немецкий штурмовик с уголовным прошлым, был возведен нацистской пропагандой в ранг «мученика». В 1928 г. он написал проникнутые духом национал-социализма слова. Сутенер-нацист умер в Берлине 23 февраля (праздничный у нас день!) после смертельного ранения в уличной стычке с сутенером-коммунистом за «право обладания» девицей в одном из берлинских притонов⁷. А песня на его слова стала гимном национал-социалистической партии под названием «Хорст Вессель». Интересно, на какую же музыку положили слова? В 1923 г. советскому композитору Ю. Хайту заказали музыку для марша Красного воздушного флота. В то время в стране советов было принято для новых песен «заимствовать» старые мелодии. Бр. Покрасс положили убогие слова песни первой конной армии на старую хасидскую мелодию. Хайт же выбрал для Красного воздушного флота музыку старого немецкого морского марша. В 1926 г. переведенный на немецкий текст и ноты «Авиационного марша» были опубликованы в немецкой коммунистической газете «Роте фане» под названием «Марш красных летчиков». Нацисты, мало что знавшие о немецких флотских традициях, выбрали эту музыку для своего «Хорста Весселя». Как говорится, «Карл у Клары украл кораллы».

Но это не то, о чем вы подумали. Преступником вовсе не был коммунист Карл Маркс, а пострадавшей стороной коммунистка Клара Цеткин. У Маркса была не kleptomания, а, как сказали бы психиатры, «навязчивый бред реформаторства». Кроме того, он разрабатывал теорию «жизненного пространства» (лебенсraum), которое должны завоевывать более развитые народы (немцы), вытесняя менее «продвинутых» (славян) с их земель. А Гитлер лишь «честно» воплощал идеи Маркса в жизнь. (Встает вопрос: то ли Гитлер – марксист, то ли Маркс – нацист?)

Хорст Вессель

В 2001 г. в Питере показали фильм «Триумф воли», посвященный съезду национал-социалистической партии в Нюрнберге в 1934 г. Он был снят по заказу Гитлера кинорежиссером Лени Рифеншталь. (После войны она провела более 2 лет в военной тюрьме союзников и вышла на волю после процедуры денацификации во французском военном трибунале в августе 1947 г.) Журналистка, присутствовавшая на просмотре, пишет о том, что в этом фильме есть удивительно подобранная музыка, от Вагнера до нацистских гимнов и песен. «Откровением было услышать ту, которую мы считали своей – «Мы родились, чтоб сказку сделать былью»...»⁸

Впрочем, общими у двух империй зла были не только песни и красные знамена, но и многое другое. Причем во многом был советский приоритет, самобытность. В 1993 г. один вредоносный читатель прислал вопрос в редакцию «Аргументов и фактов»: «Правда ли, что широко применявшаяся немцами во время II мировой войны «душегубка» является советским изобретением?»⁹ На «провокационный вопрос» («нам тут подбрасывают») ответил подполковник главного управления Федеральной службы охраны РФ А. Олигов: «Действительно, отцом «душегубки» – специально оборудованного автофургона типа «Хлеб» с выведенной в кузов выхлопной трубой – был начальник административно-хозяйственного отдела Управления НКВД по Москве и Московской области И. Д. Берг. По своему прямому назначению – для уничтожения людей – «душегубка» была впервые применена в 1936 году»¹⁰. Правда, потом палачи перегрызли между собой, и «в 1939 году Берга расстреляли по обвинению в заговоре сотрудников НКВД против руководителей государства»¹¹.

Бесспорен наш приоритет и по линии НКВД-СС. Именно на воротах советских лагерей появились лозунги: «Труд в СССР – дело чести, доблести и геройства» (И.В. Сталин). А уже потом – на воротах Освенцима: «Труд делает свободным». Но Гитлер не во всем слепо копировал Сталина. Так, в предвоенные годы в Москве был создан «Ансамбль песни и пляски НКВД». Но у «старинны Гиммлера» хватило ума не учреждать «Ансамбль песни и пляски СС».

МУЗЫКА ШУМАНА, СЛОВА МИХАЛКОВА

Неблаговидные истории вскрылись после II мировой войны, когда в распоряжение комиссии Союза композиторов по трофейной музыке попали немецкие трофейные ноты. Выяснилось, в частности, что музыка песни М. Блантера «В лесу прифронтовом» – это довоенный немецкий вальс. Подлог обнаружил член Союза композиторов Никита Богословский, трижды изгонявшийся из этой конторы. Ему и слово. «В 1948 году неизвестная женщина из Прибалтики прислала мне ноты, изданные аж в 1925 году в Хемнице, прусского композитора Victor Matyasovich «Konigin der Nacht», второй частью которых являлась мелодия песни военных лет «В лесу прифронтовом» Матвея Блантера. (За которую он получил Сталинскую премию в 1946 году). Я дал ноты композитору Евгению Жарковскому, который хорошо читал с листа, и он на совещании в СК по творчес-

кому методу сыграл «В лесу прифронтовом» с нот, изданных в Германии. Потом был секретариат СК, где в защиту Блантера выступили добрый человек Шостакович, Кабалевский, еще кто-то. Потом разбирались в Голубом зале «Комсомолки». В итоге выговор дали мне, наверное, за то, что вынес сор из избы»¹².

Есть устойчивое устное предание о «творческом импульсе», побудившим Блантера написать другую песню – «Летят перелетные птицы». Когда в ООН решался вопрос о создании государства Израиль, молоденький Андрюша Громыко, по наводке Хозяина, голосовал «за». (В те годы Сталину нужен был плацдарм для советского внедрения на Ближний Восток). Вскоре в пропагандистских целях в Землю обетованную было выпущено несколько тысяч «простых советских евреев». На «историческую родину» якобы засобирались и Блантер. Но поскольку он был уже не простой, а номенклатурный, ему было отказано. Надвигалась «борьба с космополитизмом», «дело врачей» и, дабы обезопасить себя от травли, М. Блантер со своим напарником М. Исаковским написал «Перелетных птиц». Вот ключевые строки этой песни:

*Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.*

Те, кому это предупреждение было адресовано, намек поняли и затаились до начала 1970-х гг. («дело самолетчиков»). А Исаковский – автор «рыбы», не удосужился привести строки своей текстовки в соответствие с нормами правописания:

*А я остаюся с тобою
Родная моя сторона.*

А зачем? «Пипл все схавает»...

В 1948 году вскрылось, что песня К. Молчанова «Вот солдаты идут» – это прямое заимствование шлягера русского эмигранта Петра Лещенко, притом вместе со словами»¹³. А уж про песню «Вставай, страна огромная...» и говорить как-то неудобно. Там все было «в тему». Она была написана в начале I мировой войны, «против германца», в 1941 году В.И. Лебедев-Кумач немного изменил текст (слова Лебедева-Кумача, музыка Александра). Вместо «тевтонская орда» появилась «фашистская».

Под конец войны, с ее десятками миллионов жертв, оставшимся в живых было трудно «петь и смеяться как дети». Потребовалось новое идеологическое обеспечение, и от вождя поступил заказ на новый гимн. «Тендер» выиграли Александров, Михалков и «примкнувший к ним» Регистан. Заимствовать слова из старого наследия (Боже, **вождя** храни!) было неудобно, и баснописец представил Заказчику байку про нерушимую дружбу народов под руководством «тов.» Сталина, на десятилетия вперед сделавшись «гимнотом № 1». Но его подвел смежник – Александров, позаимствовавший мелодию у Шумана и в том же 1943 г. получивший звание генерал-майора. Кстати, Шуман с особой похвалой отзывался о несравненном исполнительском таланте Алексея Федоровича Львова, автора русского государственного гимна «Боже, царя храни!» Шуман писал, что Львова «можно поставить наряду с первоклассными артистами, что он представляет явление как будто

из другой сферы, из которой музыка выливается во всей сокровенной чистоте, и музыка настолько новая, своеобразная и свежая в каждом звуке, что ее, как прикованный, хочешь слушать и слушать»¹⁴. Интересно, что бы сказал Шуман об Александрове? Впрочем, Александров грешил плагиатом и раньше, и это потом было трудно скрывать. Так, в сборнике популярных песен, изданном в 1971 г., над строками «По долинам и по взгорьям» читаем: «Музыка А. Александрова». А внизу стыдливая сноски: «На основе мелодии Атурова, красноармейского командира»¹⁵. Впрочем, что тут такого? Ведь не белогварейского. Про то, что первоначально это была песня Дроздовского полка, конечно, промолчали...

Создание гимна Александрова-Михалкова тоже замешано на лжи. До поры до времени коммунисты вместо гимна обходились «Интернационалом», и подчиненные Москве коминтерновцы при его звуках делали стойку «пиль». (В расстрельном 1937 г. битый-перебитый Д. Д. Шостакович «на нервной почве» обработал мелодию «Интернационала» для симфонического оркестра). Именно Сталин дал команду законопослушным немецким коммунистам в 1933 году идти на выборы в едином блоке с национал-социалистами, а не с социал-демократами, благодаря чему Гитлер и пришел к власти. Одновременно усиливалась власть Кремля в Коминтерне; в Москве старинную Воздвиженку переименовали в улицу Коминтерна; появилась станция метро Коминтерна (после войны – Библиотека им. Ленина). Тогда же Л.М. Каганович распорядился облицевать станцию метро Дворец Советов (ныне Кропоткинская) мрамором, снятым перед взрывом со стен храма Христа Спасителя.

Но у Сталина не было «верхнего чутья»; приведя Гитлера к власти, он наступил на грабли. В первые годы войны, отчаянно нуждаясь в помощи, теперь уже «дядя Джо» должен был выполнять команды союзников. Было дано разрешение на выборы патриарха, прекращено гонение на баптистов и т.п. А в мае 1943 г. вождь приказал распустить Коминтерн. «Ограниченный контингент интернационалистов» разогнали и пересажали. (Делалось это негласно, и «коминтерновский след» еще несколько лет мозолил глаза москвичам. Лишь в 1946 г. в советской прессе появилось любопытное сообщение: улица **бывшая** Воздвиженка переименовывается в ул. М.И. Калинина. О Коминтерне ни слова). Тогда же из Кремля был дан заказ на новый гимн. Но «проклятьем заклейменный» исполнялся еще вплоть до 1 января 1944 года.

После принятия нового гимна началось массовое зомбирование населения через магнитные глотки репродукторов. Под музыку Шумана-Александрова ложились и вставали. При исполнении гимна в общественных местах у советского человека не было выбора: если не встанешь, то сядешь.

Подсоветские люди отреагировали на нововведение с юмором – единственным оружием духовного сопротивления. Вот один из образцов устного творчества. В Кремле решили сделать для вождя (Сталин, Хрущев, Брежнев, – нужное подчеркнуть) «Санузел № 1». Изю-

минка состояла в том, что, когда «процесс пошел», срабатывает фотоэлемент, и в туалете звучит гимн. Но разразился скандал, поскольку при звуках гимна у вождя срабатывал условный рефлекс, и он вставал с унитаза...

После «разоблачения культа Сталина» «наш дорогой Кукита Кусеевич» приказал убрать из гимна слова, а Михалков (**дворянин**, член КПСС с 1950 г.) понял, что «надо сидеть тихо, и тогда всем будет хорошо». После снятия Хрущева (1964) «дядя Степа» пошел в гору, в 1965 г. он был сделан I секретарем правления Московской организации СП (до 1970 г.), а потом начал насаждать милицейский режим в СП СССР (секретарь правления). Однако засвечиваться с гимном было рано, и в третьем издании Большой советской энциклопедии, в томе на «М» (1974 г.) Михалков представлен лишь баснописцем и автором пьес для детей. Про гимн ни слова. А в томе на «Р» – ни слова о Регистане. В нашей стране, как и в Китае, автор должен жить долго и, сидя на берегу реки, ждать, когда вниз по течению поплывут трупы его врагов. Как сказал поэт:

– *Ишь, докривляется лет до ста!*

Нет корреляции возраста.

– *У нас бы одумался, стал бы другим.*

Написал бы Гимн...

(Андрей Вознесенский. Диззи Гиллести)

«Маразм крепчал», и в конце 80-х, в период развала советской империи, родилась идея: петь гимн с вопросительной интонацией: *Союз? нерушимых? республик? свободных?*...

Но при проведении съездов все послушно вставали под музыку Шумана – Александрова. Так же резво вставало «агрессивно-послушное большинство» при «захлопывании» Сахарова на I съезде нардепов. Но в то время уже начали формироваться политические меньшинства. Вот отрывок из книги Анатолия Собчака «Хождение во власть»: «В этот миг я ощутил, что некая мощная сила поднимает меня, выталкивает из депутатского кресла и заставляет встать вместе с залом. Я буквально вцепился в подлокотники и лишь успел бросить взгляд на своих соседей: слева академик Игорь Спасский, справа митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. Втроем мы сумели усидеть, сумели не поддаться стадному инстинкту ярости и агрессии. Я знал это чувство по своей армейской службе: когда ты под оркестр идешь в строю, возникает что-то похожее. Но то – парад, а тут нечто уже похожее на бой... Допускаю, что и усидели-то мы на своих местах благодаря молитве будущего нашего патриарха»¹⁶.

Однако на том же съезде бесстрастная кинокамера зафиксировала эпизод с участием другого митрополита. В едином порыве он поднимается с места вместе с генералитетом. Попробуй не встать при таких смесницах! Да еще если работаешь в одном «Фонде культуры» вместе с Раисой Максимовной...

БУДЕМ ВСТАВАТЬ ПОД «МУРКУ»?

4 декабря 2000 г. Путин предложил думе пакет законопроектов о госсимволике. В «подарочном наборе» было три с половиной закона (3 – это гимн, герб, флаг; половинка – это знамя вооруженных сил, которое соби-

рались принять только в первом чтении. Закон о гимне (советском) был уже принят в первом чтении прошлой, коммунистической думой 10 марта 1999 г. – со второго раза 307 голосами (при минимуме в 300). Закон о символах России (Глинка, орел, триколор), внесенный президентом Ельциным в январе 1998 г., та же дума свалила¹⁷. Символы, упрятанные в один пакет, не давали свободы выбора. Прямо как в фильме «Чапаев»: «Ты за коммунистов, али за большевиков?» Голос протеста не возвысил даже пламенный трибун Владимир Вольфович и не рванул на себе рубаху. Говоря словами Высоцкого, «настоящих буйных мало, вот и нету жожаков». Еще раз стало ясно, что все настоящие буйные уже хорошо прикормлены.

Накануне обсуждения охотнорядцами вопроса о гимне в СМИ как бы случайно прошла «деза»: якобы мелодия Глинки – это старинный польский католический хорал. Рейтинг Глинки в думе упал, а «путинг» Александрова-Михалкова вырос. Путинская идея состояла в том, чтобы сторговаться с коммунистами: сдать им гимн и за это взять с них обещание проголосовать за герб и флаг. По мнению прагматического президента (холодный ум, горячее сердце), при таком раскладе и волки (коммунисты) оказывались сыты, и овцы (либералы) целы. То, что принцип равного внимания к нуждам жертв и палачей может кого-нибудь оскорбить, президенту и его советникам в голову не пришло¹⁸. Вот что сказал об этом академик Виталий Гинзбург: «Из известных мне действий В. Путина решительное отторжение вызвало у меня лишь принятие сталинско-михалковского гимна. Считаю этот факт пощечиной миллионам еще живущих и надругательством над прахом погибших»¹⁹.

Первые лица «традиционных» конфессий почти единодушно поддержали «пакет символики». Но обычная, советская аргументация – это слишком скучно. «Символика государства должна отражать нашу историю – и дореволюционную и послереволюционную», – такие слова «замыленное советское ухо» пропускает. От харизматических лидеров требовалось что-нибудь этакое, с вывертом, с перчиком. Так, верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин заявил, что «Всевышний запрещает нам осквернять идолов, которым поклоняются язычники, чтобы они от злости и из мести не проклинали Бога»²⁰. Но это – реверанс в сторону фундаменталистов. А дальше – по обычной канве: «От имени миллионов российских мусульман поддерживаю предложение президента о государственных символах Российской Федерации»²¹.

Сходную позицию занял и Совет муфтиев России во главе с Равилем Гайнутдином. Но за поддержку мусульмане потребовали отступного. Так, сопредседатель информационно-аналитического центра совета муфтиев Фарид Асадуллин заявил: «Мы поддерживаем президента России, а значит, поддерживаем его предложения по государственной символике... Что касается флага, к сожалению, нас не спросили, а иначе мы обязательно попросили бы добавить в российский флаг полосу зеленого цвета – цвета мусульман, которые со-

ставляют значительную часть населения России»²². Мусульманская фракция «словила момент» – было внесено предложение добавить зеленую полосу – цвет ислама. Но утвердили триколор, если бы навязали красный флаг, это уже был бы перебор.

Красный флаг давно действовал на народ как красная тряпка на быка. Это отразилось и в фольклоре. Иностранец провалился в Москве в открытый люк. Бедолагу вынули, отправили в больницу, наложили гипс. А он возмущается: почему не поставили ограждения? Почему не было красных флажков, предупреждающих об опасности? А ему в ответ: Ты при въезде в страну, на границе, красный флаг видел? – Видел. – Ну!?

Известно, что Московский Патриархат Русской Православной Церкви прилагает большие усилия для упразднения раскола с «карловчанами» (РПЗЦ). Идя им навстречу, Архиерейский Собор (2000 г.) причислил к лику святых императора Николая II и членов его семьи, убитых большевиками. Но «зарубежников» чуть было не спугнули сталинским гимном. В эмигрантской православной прессе стали появляться такие, например, рассуждения: «И даже если поведут нас на новую Голгофу под старый гимн коммунистов, дай нам, Господи, силы быть до конца верными Вере, Царю, Отечеству, чтобы, уходя непобежденными в вечность, шептать на последнем вздохе слова никем не отмененного гимна «Боже, Царя храни!» и молитву «Господи, спаси Россию и прости врагов наших, ибо не ведают, что творят»²³.

Если руководители буддийской сангхи, исламской уммы, как в былые времена, тесно сплотились «вокруг ЦК с его закрытыми распределителями», то в иудейской общине России в отношении к гимну произошел раскол. Российский еврейский конгресс, президентом которого тогда был Владимир Гусинский, резко отрицательно отнесся к предложенному президентом варианту гимна. В то же время глава московской еврейской общины Геннадий Хазанов «сломался» и поддержал позицию Владимира Путина относительно госсимволики России. Центристскую позицию занял главный раввин России Берл Лазар и Федерация еврейских общин России: «Вопросы государственной символики, рассматриваемые сегодня, представляются неоднозначно воспринимаемыми обществом. Предлагаемые для гимна мелодия Александрова и двуглавый орел в качестве герба России ассоциируются у многих людей не только с героическими, но и с бесславными страницами нашей истории. Тем не менее, мне кажется, что исторический груз не может быть причиной непримиримых противоречий»²⁴. «По этому поводу вспоминается факт из еврейской истории, – продолжал Лазар. – Один из известных раввинов XIX века ребе Шнеур Залман создал партизанское движение среди евреев Белоруссии против Наполеона. В качестве партизанской песни предложил подслушанный в лагере французских марш Наполеона. Он пояснил, что таким образом он лишил врага его духовных сил. Из этой истории в нашей ситуации вывод может оказаться полезным для непримиримых врагов, скажем, коммунистической идеологии. Ведь если новая демократическая Россия

будет следовать по пути демократического развития именно с гимном на мелодию, ассоциируемую с коммунистами, от этого коммунистическая идеология только ослабнет»²⁵.

Представим себе, что в нынешней Германии при открытии бундестага звучит «Хорста Весселя», но с новыми словами, а «старые партайгеноссе» с улыбкой понимающе переглядываются. Но ведь пожилые немцы до сих пор на дух не переносят даже ни в чем неповинного Вагнера, как у нас Дунаевского-Долматовского-Исаковского и прочих Блантеров, – его музыкой их перекормили при Гитлере.

«Радио России» в 6 утра и в полночь передает гимн РФ **без слов**, несмотря на то, что Путин еще в конце 2000 г. утвердил стихи С. Михалкова. В чем дело? По словам первого зам. гендиректора «Радио России» В. Умановского, «мы транслируем тот вариант гимна, который нам передан сверху». В России всегда были мастера спускать любую инициативу на тормозах. Вот образец такой тактики. По словам зампреда ВГТРК А. Быстрицкого, «гимн на «Радио России» и РТР исполняется согласно статье 2 закона «О Государственном гимне РФ» от 25.12.2000 г. Она разрешает озвучивать гимн «в оркестровом, хоровом, оркестрово-хоровом, либо ином вокальном и инструментальном варианте». **Вариант без слов пока признан более удобным для слушателей**»²⁶.

Впрочем, по неофициальным данным, у такого выбора есть и политическая подоплека. Слушая мелодию А. Александрова, люди старшего поколения могут напевать про себя привычные слова про «союз нерушимый», тогда как новые стихи рискуют вызвать раздражение и психологический дискомфорт²⁷. Поэтому решено временно обойтись без слов, чтобы на сходках красно-коричневых не обострялась «детская болезнь левизны»: «срыв динамического стереотипа на фоне регрессирующей фрустрации и взаимоиндуцированного реактивного психоза»... И дебатов по гимну в ближайшее время не предвидится. Подрастающие новые буйные в силу своей буйности быстро достигают высо-

кого социального уровня и, боясь его потерять, соответственно, эту буйность утрачивают.

Но все же у многих «мыслящих единиц» формируется синдром «расщепленного сознания», ибо «нельзя жить одновременно под музыку Александра и президентские обещания вступить в НАТО»²⁸. А у большинства «населения» (большевики презрительно называли его «болотом» и «человеческим материалом») выработалось устойчивое безразличие к госсимволике. В парадоксальной форме и не без юмора такую позицию «озвучил» Николай Сванидзе в одном из интервью.

– *Вот Вы, например, поднимали общество против гимна Александра, а зачем?*

– А потому что «против» тот же Солженицын, Ростропович, Майя Плисецкая, Виктор Астафьев и многие-многие другие интеллигенты, с которыми в данном случае не посчитались, и они чувствуют себя сильно обиженными. Мне это не нравится.

– *И что теперь Вы не встаете, когда слышите этот гимн?*

– Я к этому отношусь прагматично. Если страна, в которой я живу и гражданином которой остаюсь, приняла этот гимн, то я встаю под него. Если страна примет «Мурку» в качестве Государственного гимна – я и под «Мурку» встану²⁹.

Беседа с известным телеведущим озаглавлена: «Родина **не** в опасности». Но то, что в 2001 г. обернулось фарсом, в 1941 г. было трагедией. – Меня всегда выбирала старостой. Сначала в школе, затем в техникуме, потом в институте... А потом пришли немцы, а у меня уже такой опыт, представляете?..

А если после Путина президентом изберут какого-нибудь новорусского братка, а он, в отличие от своего предшественника, будет любить не все советское, а все блатное? То, что же, стране тогда придется вставать под «Мурку»? Конечно же, это лучше, чем под сталинский, но все равно будет противно.

Не проще ли все же вернуться к музыке Львова, или, в крайнем случае, Глинки? Придет время – правда восторжествует.

¹ «Новое время», № 30, 1995, С. 48

² Москаленко А. Т. Пятидесятники. М. 1966, С. 147-148.

³ Там же, С. 148-149.

⁴ «Аргументы и факты», № 22, 2001, С. 14.

⁵ Там же, С. 148-149.

⁶ «Аргументы и факты», № 10, 2001, С. 3.

⁷ Энциклопедия Третьего рейха. М. 1999, С. 114-115.

⁸ Петрова Елена. Триумф воли фрау Рифеншталь // Аргументы и факты, № 26, 2001, С. 11.

⁹ Рейнгольд И., Иркутск // АиФ, № 17, апрель 1993, С. 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² «Литературная газета», 18.12.1996, С. 16

¹³ Новое время, № 30, 1995, С. 48.

¹⁴ Цит. по: «Православный Санкт-Петербург», № 6 (97), 2000, С. 4.

¹⁵ Песни труда и любви. М. 1971, С. 84.

¹⁶ Собчак А. Хожение во власть. М. 1991, С. 44-45.

¹⁷ «Русская мысль», № 4345, 14-20 декабря 2000, С. 2.

¹⁸ Там же

¹⁹ Гинзбург Виталий. Внутренняя слабость // Литературная газета, № 42, 17-23 октября 2001, С. 4.

²⁰ Послегимние // Русская мысль, № 4346, 21-27 декабря 2000, С. 2.

²¹ Тульский Михаил. Гимны нашей родины // НГ-Религии, № 23 (70), 14. 12. 2000, С. 2.

²² Там же.

²³ «Православное обозрение», № 2, 2001.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Кто выкинул слова из гимна? // «Аргументы и факты», № 31, 2001, С. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Переяслав Николай. Жизнь после взрыва // Литературная газета, № 43, 24-30 октября 2001, С. 7.

²⁹ Сванидзе Николай. Родина не в опасности // Литературная газета, № 27, 4-10 июля 2001, С. 10.

Игорь Шауб

«ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ» – «ИКОНА» АВАНГАРДА

Футуризм мертвой хваткой взял Россию.
В. Маяковский, 1915

Государственный Эрмитаж недавно обогатился новым сокровищем – одним из 4 известных на сегодняшний день «Черных квадратов» Казимира Малевича (счастливые обладатели других: Государственная Третьяковская галерея (двух) и Государственный Русский музей). Миллион долларов на покупку этого незатейливого шедевра из коллекции обанкротившегося Инкомбанка пожертвовал известный российский меценат и покровитель Государственного Эрмитажа, глава холдинга Интеррос Владимир Потанин.

Еще в январе сего года Министерство культуры РФ особым приказом поставило картину на государственный учет как «особо значимый памятник истории и культуры России». Это не позволило выставить холст на аукционные торги, где была распродана большая коллекция Инкомбанка. (Насколько известно, в это собрание произведения Малевича продали его наследники).

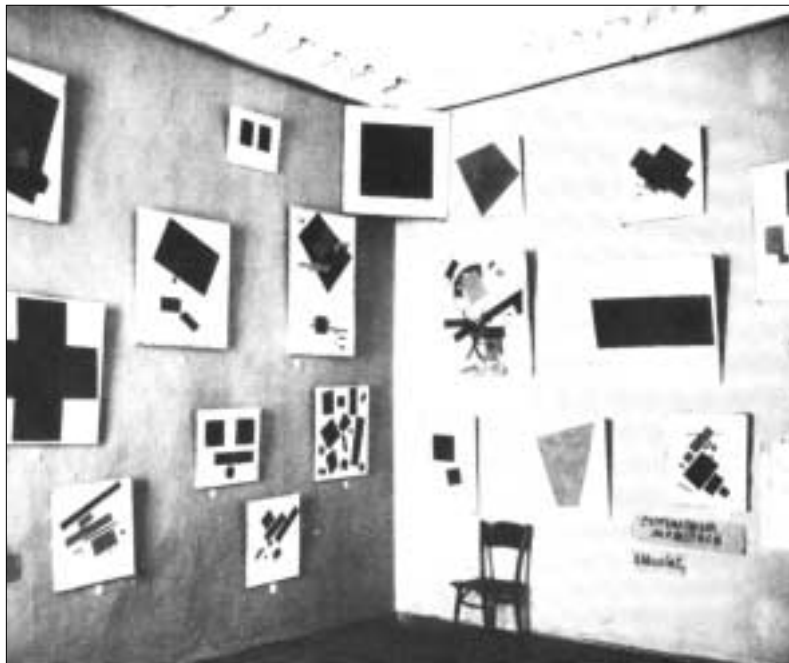
По словам министра культуры М. Швыдкого, к нему с предложением купить «Квадрат» для своего музея обращался Зураб Церетели. Однако, сообщает газета «Коммерсантъ» (№75 от 27.04.2002), «статус у музея несколько двусмысленный: неясно, на какие средства Церетели пополняет его коллекцию. Утверждает, что на бюджетные, но никакой музейный бюджет в РФ не потянет почти 700 тыс. долларов, заплаченных музеем на аукционе коллекцией Инкомбанка за «Автопортрет» и «Портрет жены» Малевича, и это не считая других покупок. И государство в лице Михаила Швыдкого выбрало Эрмитаж».

Возражать государству никто не стал, – продолжает автор газеты. – Хотя сумма в 1 млн кажется мизерной по сравнению, например, с 17 млн, уплаченными за «Супрематическую композицию» Малевича в Нью-Йорке. Оценил «Квадрат» в 1 млн независимый эксперт Георгий Путников, член Ассоциации оценщиков ювелирных изделий и антиквара. По просьбе «Ъ» господин Путников объяснил свое решение тем, что российский рынок замкнут, предметы искусства нельзя ни ввозить, ни вывозить. Потому и цена значительно ниже мировой, и существует «психологический предел» покупки. По мнению уважаемого эксперта, для России он составляет ровно 1 млн долларов. Глава аукционного дома «Гелос» Олег Стецюра, конечно, предпочел бы продать «Черный квадрат» с аукциона – там была бы названа настоящая рыночная стоимость «Квадрата». Однако возражать Министерству культуры не может и он».

Оставляя в стороне вопросы подлинности картины (современная техника позволяет безукоризненно подделывать куда более замысловатые холсты) и целесообразности покупки (шедевр Малевича несомненно привлечет новые толпы посетителей в Эрмитаж), стоит внимательнее взглянуть на «Квадрат» и его создателя в культурно-исторической перспективе.

В 1883 г. художник А. Альфонс продемонстрировал на выставке своё произведение «Девушки под снегом» – лист чистой бумаги, прикрепленный к картонному планшету. Однако время для восхищения подобными шедеврами еще не пришло. О гении и его творении надолго забыли.

В декабре 1915 г. на петроградской «Последней выставке футуристов 0,10» появляется «Черный квадрат» К. Малевича. Знаменательно, что художник настаивал на точной датировке картины 1913 г., хотя до вышеупомянутой

Последняя футуристическая выставка. 1915 г. Петроград.
«Черный квадрат» вместо иконы.

выставки его никто не видел. Судя по всему, окончательно идея «Черного квадрата», да и всего супрематизма, созрела у Малевича в 1913 г. во время работы над оформлением футуристической оперы «Победа над солнцем» (музыка М. Матюшина, либретто А. Крученых, пролог В. Хлебникова). Таким образом, здесь «черный квадрат» «побеждает» Солнце, поэтому неудивительно, что в иллюстрациях к книжке Крученых и Хлебникова «Игра в аду» черти напоминают «будетлян»-силачей из «Победы над солнцем».

Восторгаясь «Черным квадратом», Малевич писал: «Новая моя живопись не принадлежит земле исключительно. Земля брошена, как дом, изъеденный шашлями. И на самом деле, в человеке, в его сознании лежит устремление к пространству, тяготение «отрыва от шара земли». Умильно комментируя эти слова, искусствовед Д. Сарабянов справедливо, но простодушно отмечает: «Та акция, которую совершал Малевич, не была только художественной. В ней проявилась та самая тенденция к синтетизму, которая стала традицией русской культуры и которая объединила искусство, литературу, философию, политику, религию и другие формы интеллектуальной человеческой деятельности. «Черный квадрат» оказался не только вызовом, брошенным публике, утратившей интерес к художественному новаторству, но и свидетельством своеобразного богоискательства, символом некоей новой религии».

«Черный квадрат» откровенно иконоподобен. Характерно, что на выставке 1915 г. он был повешен как икона, в красном углу зала. А. Бенуа в связи с этим заметил: «Несомненно, что это и есть та «икона», которую господа футуристы ставят взамен Мадонн...» Отвечая Бенуа, Малевич радостно писал: «И я счастлив, что лицо моего квадрата не может слиться ни с одним мастером, ни временем... В искусстве есть обязанность выполнения его необходимых

форм. Помимо того, люблю я их или нет. Нравится или не нравится – искусство об этом вас не спрашивает, как не спросило, когда создавало звезды на небе». Такие заявления Малевича только подтверждали опасения Бенуа, который утверждал, что «черный квадрат в белом окладе – это не простая шутка, не простой вызов... а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведет всех к гибели». Но это было как раз то, чего Малевич и желал: «Следует больше жалеть о сошедшем с нарезки винте, чем о разрушении храма Василия Блаженного».

Малевич еще в 1922 г. знал, что «бог не скинут» (так называлась его очередная декларация). «Однако учтем, что «иконность» содержание картины не исчерпывается; познание ее в принципе невозможно, а интерпретаций много. Это, конечно, не «черный квадрат» как таковой, но это образ его», – глубокомысленно утверждает В. Турчин, специалист по авангарду. Конечно, содержание любой картины не исчерпывается какой-то одной ее гранью, что же касается «иконности» в картине Малевича, то, на наш взгляд, приведенных фактов уже достаточно, чтобы говорить именно об этом ее аспекте как о главном (и объективно, и субъективно для Малевича).

Прежде чем привести еще некоторые аргументы в пользу нашего утверждения, надо сказать об «эстетике» Малевича, которая была органической частью его мировидения.

В 1913 г. в письме Матюшину Малевич писал: «Мы дошли до отвержения разума, но отвергли мы разум в силу того, что в нас зародился другой [не лучше ли было бы – Другой? – И.Ш.], который в сравнении с отвергнутым нами может быть назван *заумным*, у которого тоже есть закон и конструкция и смысл, и только познав его, у нас будут работы основаны на законе истинно новом, *заумном*».

В своих теоретических брошюрах на языке модной «зауми» русских «будетлян»-футуристов, который современникам казался бредом сумасшедшего, Малевич ведет последовательную борьбу против предметного мира: «Я вышел из круга вещей», «вещи исчезли, как дым». Для его «эстетики» характерно утверждение необходимости введения «пятого измерения – экономии», вера в планетарное назначение нового искусства. Кубизм и футуризм художник подвергает резкой критике за неспособность «вполне разделаться с предметностью». «Вся бывшая и современная живопись до супрематизма, – продолжает Малевич, – скульптура, слово, музыка были закрепощены формой природы и ждали своего освобождения».

Освобождение от форм природы, выход в «заумное» пространство означает приобретение власти над материей. Летом 1917 года Малевич официально объявляет себя председателем мирового пространства. Малевичу, его ученикам и последователям (таким, как Чашник, Суетин, Лисицкий, Хидекель, Коган, Раяк, Магарил, Зуперман) виделся некий универсальный человек, владеющий всеми тайнами мироздания. В одном из писем художник сообщил Матюшину: «Был у меня Хлебников, взял несколько рисунков для измерения их отношений, и нашел число 317 и, кажется, 365. Кажется, это те числа, на которых он основывает законы разных причин». И дальше Малевич добавляет: «Найденные числа Хлебникова могут говорить за то, что в «*supremus'e*» лежит нечто большое, имеющее непосредственный закон, или даже тот самый – мирового творчества. Что через меня проходит та сила, та общая гармония творческих законов, которая руководит всем, и все, что было до сих пор, не дело».

Первый период революции оказался своеобразным смотром утопических идей и устремлений, какие созревали в предреволюционном искусстве, но лишь теперь раскрепостились и вышли на поверхность. Как раз в эти годы Татлин работал над знаменитой моделью «Башни III Интернационала», вобравшей многое из «заумного» опыта его контррельефов 1910-х. Именно теперь пыльным цветом расцвели и социальные, и эстетические утопии Малевича, мечтавшего в своих трактатах о «творческой армии», создающей «форму всему утилитарному и духовному миру вещей», об «искусстве красного образа мира», вступающим в «единую связь с коммунизмом экономического блага человечества». При этом он заявлял, что основа его искусства – философия Ничто: «Мир как разнообразие людей равен нулю...» Подобную ситуацию еще до октябрьской катастрофы предчувствовал чуткий Н.А. Бердяев: «Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство... Ныне свободная игра человеческих сил от возрождения перешла к вырождению, она не творит уже красоты. И остро чувствуется неизбежность нового направления для творческих сил человека. Слишком свободен стал человек, слишком опустошен своей пустой свободой».

Подавляющее большинство авангардистов (и среди них, конечно, Малевич), по точному определению теоретика русского футуризма С. Третьякова, оказались группой людей, «основной точкой соприкосновения которых были даже не положительные задания, не четкое осознание своего «завтра», но ненависть к своему «вчера и сегодня», ненависть неутолимая и бесплодная». Малевич считал, что «кубизм и футуризм были движения революционные в искусстве, предупредившие и революцию в экономической и политической жизни 917 года», а его ученик Эль Лисицкий выводил победивший коммунизм прямо и непосредственно из супрематизма своего учителя. Психологическое ощущение сродства художника и революции простодушно выразил в своей автобиографии Марк Шагал (в то время комиссар от искусств при наркомпросе): «Ленин перевернул Россию вверх ногами – точно так же, как я поступаю в своих картинах».

Лишь немногие представители авангарда не были склонны отрицать прошлое и подчинять свое искусство задачам социального переустройства, а стремились «делать лишь то, что всегда делали их предшественники: свободно создавать новые формы, независимые от идеологических категорий» (И. Голомшток). Так, основоположник абстракционизма В. Кандинский писал в 1916 г. «Беспредметная живопись не есть вычеркивание всего прежнего искусства, но необычайно и первоначально важное разделение старого ствола на две главные ветви, без которых образование кроны зеленого дерева было бы невысказано... Утверждение, что я хочу опрокинуть здание старого искусства, всегда действует на меня неприятно. Сам я никогда не чувствовал в своих вещах уничтожение уже существующих форм искусства: я видел в них ясно только внутренне логический, внешне органически неизбежный дальнейший рост искусства». А Шагал буквально кричал от ужаса: «Куда мы идем? Что это за эпоха, которая слагает гимны техническому искусству и делает бога из формализма?»

«Как и весь русский авангард, Малевич идейно готовил грядущую революцию, активно участвовал в попытках создания новой культуры, так и не поняв, почему он оказался не нужен», – пишет В. Турчин. Все в этой фразе верно, кроме пассажа о ненужности художника.

После Февральской революции Малевич избирается в моссовет и назначается председателем его художественного отдела. В первые дни октябрьского переворота становится комиссаром по охране ценностей Кремля. Художник участвует в ленинском плане монументальной пропаганды, пишет статьи, резко выступая против всех, кто противостоит авангардистам, «сознательно сплотившимся для поддержки Революции».

В это же время Маяковский, друг и духовный брат Малевича, требовал (в «*Радоваться рано*»):

*«Белогвардейца
найдете – и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
<...>*

Старье охраняем искусства именем.

*Или
зуб революции ступил о короны?
Скорее!*

*Дым развейте над Зимним –
фабрики макаронной!»*

Но подобный максимализм не всегда одобрялся властью советов (так, Ленин, не скрывавший своей позиции по отношению к авангарду, говорил: «Совершенно не понимаю увлечения Маяковским. Все его писания – штукарство, тарабарщина, на которую наклеено слово «революция». По моему убеждению, революции не нужны, играющие с революцией, шуты гороховые вроде Маяковского. Но если решат, что и они ей нужны – пусть будет так»). Возможно, сознавая это, Малевич был или старался казаться не таким кровавым, как его соратник Маяковский. Впрочем, когда в 1918 г. Шагал основал в Витебске художественную школу и пригласил на работу Малевича, тот, приехав в Витебск, был возмущен, увидев зеленых коров и синих лошадей своего директора, которыми последний разукрасил весь город в виде праздничного оформления к очередной годовщине революции. Малевич тотчас объявил работы Шагала «несоответствующими духу революции», сместил его с занимаемого поста, а себя в качестве «стража нового искусства» назначил на его место. «Малевич был искренне убежден в контрреволюционности фигуративизма Шагала, ибо художественная форма была для него неотъемлемым знаком мировоззрения» (И. Голомшток).

Впоследствии Малевич продолжает публиковать свои многочисленные теоретические работы, заведует художественными музеями и лабораториями. В 1927 г. его командировали на 3 месяца в Германию, при этом по дороге он на три недели задерживается в Польше. Здесь Малевич демонстрирует свои работы, читает лекции, а его чествуют банкетом. Вплоть до самой смерти Малевич неоднократно участвует в выставках, его картины приобретают крупнейшие музеи СССР (Третьяковская галерея и др.). Когда художник умер (15 мая 1935 г.), за заслуги перед советским искусством горсовет Ленинграда постановил похоронить Малевича за государственный счет.

В разгар репрессий, последовавших за убийством Кирова, по Невскому проспекту от Дома художников до Московского вокзала проследовала вынужденная траурная процессия, являвшая собой супрематическую демонстрацию. Тело Малевича покоилось в супрематическом гробу, спроектированном и расписанном его учеником Н. Суетиным. На капоте грузовика, везшего гроб, красовался «Черный квадрат». Гроб с телом Малевича поезд доставил в Москву. После кремации урна с прахом художника была захоронена в чистом поле около его любимой дачи в Немчиновке. Место погребения было отмечено белым кубом с изображенным на нем черным квадратом. Могила вскоре затерялась.

Малевич умер уже после того, как официальной доктриной в искусстве СССР был провозглашен социалистический реализм. Однако, по парадоксальному, но верному мнению немецкого исследователя Б. Гройса, это было искусство реалистическое по форме, но авангардное по содержанию.

Б. Гройс справедливо видит прямую связь между революциями эстетической и политической в России; ему представляется, что «русский литературный и художественный авангард 10-20-х годов... ближе всех подошел к реальной политической власти в своей стране». Гройс говорит о том, что «авангард с неизбежностью понимает творчество как разрушение, как аннигиляцию традиции», что он стремится «вернуться на новом этапе к изначальным формам жизненной и художественной практики и таким образом остановить процесс и возратить миру единство и смысл». Автор также обращает внимание на то, что в этом пункте «эстетический авангард оказывается в естественной близости к революционной идеологии типа марксистской», в результате чего образуется «единый художественно-политическо-космологический проект преобразования мира, заключающийся в возвращении его техническими средствами к архаическому, магическому единству».

«В своих трактатах, – продолжает Гройс, – Малевич утверждает смерть иллюзорного мира традиционных культурных форм, смерть индивидуализированной «жизни». Их отрицание и символизируется «черным квадратом» – знаком «супрематии» внутреннего «ощущения» над внешней формой, подсознательного над сознательным, созерцания над волей, безличного над личным, хаоса над космосом, бесцельности над целью, чистой живописи над любым ее содержанием. «Черный квадрат» является знаком ничто, знаком космической смерти. Речь идет о предельной редукции (редукционизм есть тема всего авангарда, стремящегося к выявлению элементарного, нередуцируемого, неуничтожимого), но эта предельная редукция выступает в то же время как толстовское «опрошение»: она не изолирует от «элементарной» народной, внеиндивидуальной жизни, а, напротив, соединяет с нею. Поэтому для Малевича и оказывается возможным переход из этой точки предельного самоотрицания к новому проекту «общего дела», т.е. построению на месте внутренне полого иллюзорного мира европейской культурной традиции – нового мира, покоящегося на твердом основании предельно возможного умозрения, на ничто, на смерти, понятых как безличная жизнь народа по ту сторону любых индивидуальных стремлений или надежд».

На могиле Малевича.

Знаменательно, что зачинатель итальянского футуризма Маринетти осуществление эстетической программы основанного им течения видел в фашизме, в то время как Гитлер называл все радикальные течения в современном искусстве «художественным большевизмом» («культур-большевизм» по Розенбергу).

Любопытна и трактовка трех цветов созданных Малевичем квадратов. Если теоретик футуризма Пунин называл их «формами человеческой инициативы», а сам творец считал, что черный – это «знак экономии», красный – «сигнал революции», белый – «чистое действие», то 3 этих цвета германского имперского флага (принятого впоследствии III рейхом) Гитлер в «Майн Кампф» интерпретирует так: «Красный цвет отражает идеи социализма, белый – националистические идеи движения, черный символизирует борьбу за победу арийского человека и творческого начала, которая по сути всегда была антисемитской и остается таковой на все времена».

В настоящее время у Малевича огромная армия почитателей. В своих неумеренных восторгах они теряют всякое чувство меры. Чего стоит, например, заявление крупнейшего современного специалиста по русскому авангарду Жана Клода Маркаде: «Философско-живописная деятельность Малевича вторгается в сферу самых высоких вопросов универсальной мысли не только потому, что она является кульминационной точкой европейского эстетического развития, начиная с Сезанна, но и потому, что она представляет собой онтологическую систему, позволяющую открыться «истине бытия».

Но реальное историческое и символическое значение творчества Малевича, да и всего «современного искусства» совсем в другом. По выражению великого К.Г. Юнга, «подобно герметическим движениям средних веков, его следует воспринимать как мистику духа земли и, следовательно, как выражение компенсаторной реакции нашего времени на христианство».

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА

19 июля 2002 г. в Париже скончался Александр Ильич Гинзбург (Чижов).

Он родился 22 ноября 1936 г. в Москве, в семье архитектора.

В 1952 г. в условиях устроенной тогда в СССР антисемитской кампании Александр добился выдачи ему паспорта на фамилию матери «Гинзбург» и записи в нем «еврей» в графе «национальность». Этот первый юношеский протест против коммунизма во многом определил его дальнейшую жизнь.

В 1959-60 гг, будучи студентом Литературного института, Гинзбург издал литературный альманах «Синтаксис», за что был арестован в 1960 и осужден на 2 года.

После освобождения Александр Ильич работал токарем, рабочим Литературного института.

Затем поступил в Историко-архивный институт. И вновь он использовал полученные знания для борьбы с коммунизмом и защиты прав человека: в 1966 г. он составил знаменитую «Белую книгу» – сборник документов о процессе Синявского и Даниэля. Ее он разослал депутатам верховного совета, а также послал в КГБ.

«Белая книга» была вывезена из СССР «орлами» НТС и напечатана издательством «Посев» в 1967 г. Это был первый пример успешного оперативного взаимодействия борцов за свободу в СССР со своими товарищами за рубежом.

За этот подвиг коммунисты и гэбисты «наградили» Гинзбурга, арестованного в 1967 г., на процессе 4-х (Ю.Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой) 5 годами заключения. В лагере он стал первым политэком СССР, добившемся регистрации брака.

В 1974 г. А.И. Солженицын поручил Александру Ильичу руководство в СССР средствами созданного из гонимых за публикацию «Архипелага ГУЛАГ» фонда помощи советским политзаключенным. Будучи распорядителем солженицынского фонда, Гинзбург проявил не только выдающиеся способности организатора, но и потрясающие чуткость и отзывчивость. Искучно соче-

тая открытые и закрытые методы работы, он добился больших успехов.

В 1976 г. Александр Ильич стал одним из основателей Хельсинкского движения за права человека, существующего и поныне во многих странах мира.

В 1977 г. его вновь арестовали и после 17-месячного мучительного следствия приговорили к 8 годам заключения и 3 годам ссылки. Основой обвинения было то, что он подготовил основные документы Московской Хельсинкской группы, и, конечно же, оказывал помощь политзаключенным.

В 1979 г. Гинзбурга вместе с четырьмя политзаключенными коммунисты обменяли на двух своих шпионов.

В 1980 г. Александр Ильич после годичного ожидания в США семьи, которую КГБ, с привычным садизмом, «промариновало» в СССР еще год после его изгнания, перебирается во Францию.

Во Франции Гинзбург стал главой Центра русской культуры в Монжероне, а затем ведущим журналистом газеты «Русская мысль», где ярко раскрылся его талант аналитика-публициста.

В 1998 г. после ухода из-за печального недоразумения из «Русской мысли» он стал гражданином Франции, но продолжал жить проблемами отечества.

Похоронили А.И. Гинзбурга 25 июля после панихиды в парижском Александро-Невском соборе на кладбище Пер Лашез.

Александр Ильич много лет был на связи с НТС, но отказывался вступить в Союз, желая сохранить независимость. Его материалы неоднократно печатались в нашем журнале. Между Гинзбургом и Союзом иногда возникали досадные недоразумения. Но главное, что навсегда останется в нашей памяти, – его жертвенное служение отечеству.

Выражаем наши искренние соболезнования его жене Арине, сыновьям и всем родным. Скорбим вместе с ними.

Редакция журнала «Посев»

«СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛИКА»

В титерскую редакцию «Посева» позвонил бывший советский политзаключенный Олег Иванович Воробьев*:

– Старик, ты знаешь, сегодня в Париже умер Алик Гинзбург!

– Слышал эту печальную весть!

– Об Алике, в его светлую память я хочу сказать несколько слов.

– Вы были друзьями?

– Нет, просто хорошими приятелями. Теперь, конечно, друзей, особенно из незваных, появится много. Ну да леший с ними... Все ж вернусь к рассказу об Алике. Познакомились мы, как мне кажется, ровно 31 год назад. 19 июля 1971 года меня привезли в I корпус Владимирского централа. В камере, кроме меня, еще 5 человек. Первый из них, показавшийся мне сразу симпатичным (хотя и все сокамерники оказались отличными ребятами) представился – Алик Гинзбург. Я давно уже знал о нем заочно, а здесь довелось лично познакомиться. Его, оказывается, недавно вернули в камеру. Возили в Москву на следствие как свидетеля не помню уж по чьему делу. Но здесь они прогадали. Из Алика им было ничего не настроговать... Я это сразу понял. Сидел с ним вместе во Владимирке три с половиной месяца. Много говорили. Я понял, что он – настоящий мужик!

*Участник освободительного движения. 5 декабря 1965 г., защищая Ю.А. Галанскова, вступил в драку с «дружинниками в штатском» на Пушкинской площади в Москве, за что был исключен с филологического ф-та МГУ. Затем за распространение листовок «антисоветского содержания» был осужден на 6 лет заключения и 3 года ссылки. В 1977 выслан из СССР. В наст. вр. активист «Мемориала», пенсионер, прож. в Петербурге.

– Как?

– Он мне рассказал о себе... Родился Алик в семье известного московского архитектора Чижова. В ноябре 1952 надо паспорт получать. А здесь бешеная антисемитская кампания: борьба с космополитизмом, дело врачей, люди из больниц выписываются, боятся, что врачи-евреи их отравят. Алик тогда добился, чтобы паспорт выписали на фамилию матери, Гинзбург, а в графу национальность паспорта вписали «еврей». Это поступок настоящего мужика. В нем – весь Алик. Он всегда был таким несгибаемым, твердым как камень. И при этом он был приятным и открытым в общении.

Рассказал он, как, кажется, в 1953-54 был киноактером: снялся в фильме «Старая крепость». Выглядел Алик тогда моложе своих лет, поэтому дали ему роль скаута-белогвардейца. В фильме он держал другого скаута, пособника большевиков, которого пороли. Алик мне говорил, что быть юным белогвардейцем, пусть даже в кино, ему понравилось...

Потом его увезли в лагерь, а я остался мотать крытку. Вновь мы встретились в сентябре 1976. Я, имея «101 километр», не мог жить в Москве. Еще во Владимирке я рассказал об этом Алику, и он, добрая душа, предложил поселиться в его домике в Тарусе. Сам он бывал там раз в неделю, по понедельникам, когда надо было «отмечаться». На все «их» запреты Алик плевать хотел, а они, готовя его посадку, махнули рукой на нарушение режима, хотели, видно, больше компромата на него набрать.

17 июня 1977 меня выслали за границу, Алика вскоре арестовали. Увиделись мы с ним вновь уже в 80-х в Париже, куда я мог летать, работая в Австрийских авиалиниях...

ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИИ

Вдушную, изматывающую июльскую субботу газеты принесли невеселую весть.

«19 июля скончался Александр Гинзбург – один из основателей и лидеров диссидентского движения. Он

родился в 1936 году, в конце 50-х создал знаменитый самиздатский, а впоследствии тамиздатский журнал «Синтаксис». В 1979 году Гинзбурга выслали из СССР, и с тех пор он жил в Париже и был соиздателем газеты «Русская мысль».

В основном, так; но к журналу «Синтаксис», издававшемуся (а может, и по сей час издающемуся) в Париже, Гинзбург никакого отношения не имел. И соиздателем «РМ» он не был – долгие годы он был ведущим политическим обозревателем этого еженедельника.

Все это было так давно. Будто сдвинулись геологические пласты, сменилась эпоха – вот и журналисты, словно бы сквозь туман тысячелетий, сияются разглядеть и обозначить события тех лет.

Для всего, что происходило тогда в стране, власть изобрела чрезвычайно удобную единицу измерения: лагерный срок. Не в сроках, конечно, дело, а в человеке – его личности, действиях и судьбе. Но вехи ставились четко, и запролочные годы помечали каждый значимый общественный поступок.

Первый свой срок Алик получил за литературный альманах – составление поэтического, в основном, сборника «Синтаксис» режим оценил в два года тюрьмы. Постсталинское политическое сопротивление еще не окрепло, не было пока и стабильных методов борьбы с ним: знаменитая 58-я статья была убрана из кодекса, 70-я – еще не введена в него. Но режим сориентировался, опознал врага: обвиненный официально в сдаче экзамена за друга, Гинзбург за это опасное преступление был изолирован от общества в Лубянской тюрьме. Там – уникальный случай – Алик и отбыл свой первый срок.

Дальше была «Белая книга». На арест и осуждение двух писателей Гинзбург откликнулся полновесно: беспощадной фиксацией происходившего на суде и вокруг него. Теперь был ход власти, и она не заставила себя ждать: на сей раз отмерила виновному 5 лет лагерей строгого режима. Там, на лагерной вахте, после долгой голодовочной борьбы заключенных власти пришлось, впервые в своей истории, зарегистрировать лагерный брак Александра Гинзбурга с его фактической женой Ариной.

Срок отбыт, Алик выпущен на свободу. Теперь была группа «Хельсинки», Солженицынский фонд. За гуманитарную помощь политзаключенным Гинзбург получил соответственно теперь уже 8 лет, и уже не просто строгого – убийственного особого режима.

Удивительно адекватна была советская власть, на гинзбургских сроках это делается особенно ясным. Литературу она не любила, журналистику – еще больше; что ж, в этом она не отличалась и от всех иных диктатур. Но простое *милосердие* оказалось для нее уникальным, страшнее всего...

Этого мир понять уже не смог: многое он был готов простить Кремлю, но шум вокруг дела Гинзбурга не утихал – и Алик, в числе пятерых «громких» политзаключенных, был выслан из СССР. На Западе он сразу испортил политикам согласованную игру, заявив, что не может поблагодарить президента США за свое освобождение: высылки – не способ решения проблем. И, быть может, многие из нас должны быть благодарны Алику за то, что творческого развития способ этот не получил.

А дальше на Западе было то же, что, собственно, и сначала: журналистика, публицистика. Многие годы в «Русской мысли» стали главным этапом этой работы.

Это все о том, *что* делал Алик, упомянуто, конечно, далеко не все. Но много труднее сказать о главном – о человеке, о том, *кто* делал все это.

Одной из отличавших Алика черт была редкая адекватность природы и действий: все, что он в жизни делал, должен был совершить именно он, и никто другой. Скажем, мне трудно представить его себе на демонстрации: пиаровский, говоря сегодняшним языком, образ действий всегда был ему чужд. Другое дело *писать*: фиксировать происходящее, подставлять режиму беспощадное зеркало, от которого – не уйти. Гинзбург уникально сочетал ясную непримиримую позицию и полную журналистскую объективность. И уж совсем *его* делом оказался Фонд. Помню, когда

Алика арестовали, многие говорили о том, как он работал, как он досконально помнил нужды каждой семьи: сколько у кого детей, что каждому из них необходимо. Это казалось невероятным: среди «подопечных» Фонда были многие сотни политзаключенных, значит, считая с семьями, – тысячи людей. Но потом я убедился, что ничего не преувеличено, что все это правда: началась перестройка, товары стали исчезать, а посылки из-за границы доходить, и Алик, живший уже в Париже, прекрасно помнил нужды своих знакомых и друзей. Дело было не только в помощи – в редкой, уникальной сопричастности в большом и малом, каждой судьбе.

Удивительной была и работа Алика в «Русской мысли», еженедельнике второй и первой, еще пореволюционной эмигрантских волн. В третьей волне Алик и Арина были, кажется, единственными, кто органически влился в исчезающий уже культурный поток. Наследственная культура далекого прошлого и лучшие традиции 60-х годов – все это было у них в едином сплаве, и статьи Гинзбурга за многие годы высятся памятником одиноким.

В последние годы Гинзбург ушел из еженедельника: все большую роль в нем играла «четвертая волна», а с этим комсомольским призывом общего языка у Алика не было. Да, пожалуй, и быть не могло. Наши с ним оценки в это время разошлись – и ситуации в газете, и – важнее – в новой России. Не так уж важно сегодня, кто и в чем был тогда прав: есть глубинное существо событий, в прагматические аргументы оно не укладывается. Что-то с хрустом менялось в конце 90-х повсюду – в газете, в России, в мире. И принять перемены эти Алик не хотел и не мог.

И судьба, и личность Александра Гинзбурга сегодня уже принадлежат истории. Алик досадливо поморщился бы на эту фразу, патетики он не любил. Но это – чистая правда. И потому хочется, нарушая жанр некролога, сказать уже не об ушедшем – о нас самих. Что оставили нам эта личность и эта судьба?

Главный итог жизни Гинзбурга можно сформулировать парадоксально: он в том, что уже сегодня событий этой жизни многие в России просто не в состоянии понять. Тюремный срок – за литературный альманах... Другой срок, космический, восьмилетний – за гуманитарную помощь... Попробуйте-ка все это объяснить людям, которым сейчас по двадцать: да ведь бред это все, да ведь так не бывает.

Так действительно *не бывает*, так не будет больше никогда. Прошлое – прошло, оно навсегда сгнуло из России. И Гинзбург – один из людей, чья заслуга в искоренении коммунизма огромна. Но сегодня уже важнее другое. Как не надо жить, это мы теперь хорошо знаем. Сложнее – с познанием позитивным: выбравшись из мрака, мы неожиданно оказались на пороге Ничто. И ориентиров мало: быть может, то, что в недалеком нашем прошлом были такие люди, как Александр Гинзбург, – один из основных.

Валерий Сендеров

ОСНОВАН В 1945 ГОДУ В ЭМИГРАЦИИ, С 1992 ГОДА ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ

- Полвека нелегально распространялся в России и слыл в советской прессе «самым антисоветским белогвардейским журналом». Мы не боялись чекистских пуль. Мы не ждали перестройки, чтобы нам разрешили говорить то, что думаем.
- Мы не сверяли свою линию с извилистой линией партии. Мы не продавались партиям и банковским группам, чтобы выжить в посткоммунистический период. Нас читают во всем мире от Австралии до Бразилии. Среди наших подписчиков — советологи, политики, дипломаты.
- Наши рубрики — это основные темы общественной жизни. Среди наших авторов — известные политики, философы, публицисты, общественные деятели, ученые. Сегодня «Посев» не нужно доставлять в страну в чемодане с двойным дном или выпрашивать у знакомых «на одну ночь».
- Сегодня Вы можете выписать наш журнал с любого месяца на полугодие, переслав подписную плату 100 рублей по адресу:

103031 Москва, а/я К-31, Амосову Ю.К.
или посетив издательство «Посев».

Наши тел./факс в Москве: (095) 925-92-48, в С.-Петербурге: (812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru; shtamm@mail.wplus.net

Нас можно читать и в интернете <http://www.posev.ru/>